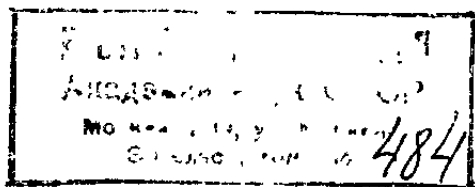

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

СТРУКТУРНЫЕ ОБЩНОСТИ КАВКАЗСКИХ ЯЗЫКОВ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
МОСКВА 1978

Коллективная монография "Структурные общности кавказских языков" посвящена проблеме выявления и осмысления общих структурных черт кавказских языков. В монографии суммировано все ранее известное в этой области, изучены новые общекавказские параллели. Рассмотрен и каузальный аспект проблемы.

О т в е т с т в е н н ы й р е д а к т о р
доктор филологических наук Г.А. КЛИМОВ

ПРЕДИСЛОВИЕ

Задачей настоящей монографии является систематизация выявленных в различных кавказоведческих исследованиях общекавказских структурных параллелизмов, так или иначе выделяющих их на фоне основного массива сопредельных языков, а также введение в обиход науки некоторых новых. Поскольку рассматриваемые в работе структурные явления далеко не всегда релевантны в плане типологии (авторы не отождествляют любые структурные черты языка с фактами типологии), она относится к той разновидности сопоставительных исследований, которая обычно определяется в качестве характерологической. Должно быть естественным, что центр тяжести такого первого в своем роде обобщения соответствующего материала с необходимостью сосредоточен на синхронном аспекте рассмотрения. Лишь по мере возможности здесь предпринимаются экскурсы диахронического порядка.

Объектом исследования в монографии служит совокупность структурных общностей кавказских языков, наблюдаемых на всех уровнях — лексическом, синтаксическом, морфологическом и фонологическом. Вместе с тем следует оговорить, что внимание здесь концентрируется на более показательных во всех отношениях параллелизмах позитивного, а не негативного плана: бесспорно, например, что отсутствие в кавказских языках грамматических категорий рода, двойственного и тройственного чисел, обвиатива (так называемого четвертого лица) и многих других содержит слишком малоинструктивную для современного состояния кавказоведения информацию. Однако, подобно другим исследователям аналогичного жанра, в монографии учитываются далеко не все и позитивные структурные общности: здесь не принимаются во внимание малоинформативные с точки зрения поставленных перед работой задач явления, характерные для представителей самых различных языковых типологий (такие, например, как проведение во всех кавказских языках дихотомии имени и глагола, наличие имени числительного, разрядов личных, указательных, вопросительных и некоторых других местоимений, именного и глагольного словоизменения и т.п.).

Серьезные структурные расхождения между отдельными группировками кавказских языков уже давно общепризнаны в специальной литературе¹. В работах отдельных авторов они

¹ Ср.: Dumézil G. *Caucasien du Nord et Caucasiens du Sud*. — *Revue des Cours et Conférences*. 36e Année 1935.

иногда оказываются явно преувеличенными (ср., например, формулировку Р.Лафона: "Кавказские языки имеют глубоко различную морфологию. Нельзя привести ни одной морфологической черты, которая была бы общей им всем..."²). По-видимому, именно поэтому вплоть до недавнего времени поиски соответствующих структурных аналогий переносились здесь преимущественно в диахронический план (в прошлом отдельными авторами даже предполагалось, что такого рода исследования составляют единственный путь к обоснованию возможных между ними генетических связей). Тем более интересным представляется рассмотрение синхронных параллелизмов, существующих на разных уровнях структуры этих языков.

Одну из важных задач настоящей монографии составляет критический отбор фактов из общей совокупности явлений, трактованных в истории кавказоведения в качестве общекавказских. В части исследований, особенно принадлежащих зарубежным лингвистам, роль последних иногда отводилась фактам, не обладающим достаточной степенью общности. В отдельных же случаях имели место и очевидные недоразумения. Трудно, например, признать сколько-нибудь соответствующим реальному положению вещей мнение Н. Хольмера, согласно которому среди подобных параллелизмов можно назвать "систему префиксальных гласных" в глаголе, обозначающих направленность действия к различным актантам, а также "систему личного спряжения" глагола³.

Однако основной задачей работы явилась фиксация общекавказских структурных изоглосс, ранее не отмечавшихся в специальной литературе. Ее решение потребовало от авторов не только пересмотра существующих описательных грамматик конкретных языков, но во многих случаях и их дополнительного полевого обследования с определенных точек зрения.

Конечно, не приходится сомневаться в известной неравноценности явлений, суммированных в книге. Если одни из них представляют собой важнейшие элементы языковой структуры, то иные лежат по существу на ее периферии. Предпринимаемый опыт обобщения и тех и других продиктован тем обстоятельством, что всестороннее (генетическое, типологическое, ареальное) истолкование максимально полной со-

---

с. 596-609; Джавахишвили И.А. Первоначальный строй и родство грузинского и кавказских языков. - В кн.: Джавахишвили И.А. Введение в историю грузинского народа, т. II. Тбилиси, 1937, с. 91. На груз. яз.; Vogt H. Le basque et les langues caucasiennes. - BSLP, v. 51, fasc. 1, 1955, с. 146.

² Lafon R. Concordances morphologiques entre le basque et les langues caucasiennes. - Word, v. 7, 1951, № 3, с. 228.

³ Holmer N.M. Ibero-caucasian as a linguistic type. - "Studia Linguistica", Année 1, 1947, № 1, с. 27-38.

вокупности характерных структурных признаков кавказских языков представляется неотложным долгом кавказоведения.

В качестве общекавказской изоглоссы в монографии трактуется любое структурное явление, которое может быть признано достаточно характерным для каждой из отдельных групп рассматриваемых языков - абхазско-адыгской, картвельской, нахско-дагестанской. И, напротив, в целом не характерное для какой-либо из этих групп явление, естественно, не может претендовать на статус общекавказского. Так, например, совмещение лексемой 'глаз' значения 'драгоценный камень (особенно - в перстне)' невозможно признать за общекавказскую черту, хотя оно и встречается во всех рассматриваемых областях. Дело в том, что для севернокавказских языковых групп этот факт трудно считать характерным: если из картвельских языков такое совмещение широко засвидетельствовано в грузинском (ср., в частности, др.-груз. *tuali raṭiosani* 'камень драгоценный') и мегрельском и не чуждо чанскому (о чем говорит эпитет перстня *mṣita-toloni* 'краснокаменный') и сванскому (ср. *məṣkadi te* букв. 'перстня глаз'), то среди нахско-дагестанских языков подобное совмещение известно только в некоторых лезгинских (удин. *пул*, цахур. *ул*, табас. *ул*), а из абхазско-адыгских представлено исключительно абхазским *а-бла*. Некоторые отступления от такого подхода были допущены в тех в общем немногочисленных случаях, когда при распространенности явления в других группах кавказских языков в одной из них оно со значительной степенью вероятности прослеживается диахронически.

Помимо общей характеристики каждого из рассматриваемых в работе параллелизмов в большинстве случаев предпринимались попытки увидеть тот или иной стимул, обусловивший его возникновение.

Необходимо отметить, что авторам далеко не всегда было легко прийти к соответствующим обобщениям. Дело в том, что в существующей литературе нередко одни и те же явления трактуются по-разному, или, напротив, различные по своему существу явления подводятся под единые определения (значительные трудности этого плана пришлось, в частности, преодолевать при написании раздела, посвященного морфологическим общностям). В то же время структурные параллелизмы в лексике кавказских языков по существу вообще еще не служили объектом специального исследования. В этих условиях авторам разных глав не во всех случаях удалось добиться единства в понимании некоторых структурных явлений. Встречаются и отдельные расхождения в используемой терминологии. И то и другое объясняется в конечном счете состоянием современного кавказоведения, различные направления которого в настоящее время характеризуются, как известно, далеко не только значительными расхождениями в используемой ими терминологии, но и нередко весьма несходной интерпретацией по существу одних и тех же языковых фактов. Естественно поэтому, что в силу сказанного

постулируемые в монографии общности, вероятно, не всегда обоснованы с одинаковой степенью надежности.

Авторы с благодарностью примут замечания и пожелания в адрес монографии.

Участники настоящего исследования выражают благодарность рецензентам сборника, особенно безвременно скончавшемуся выдающемуся советскому кавказоведу доктору филологических наук профессору Т.Е. Гудава.

Помимо предисловия, работа содержит четыре главы и заключение. Авторами глав являются: Г.А. Климов, С.М. Хайдаков, А.К. Шагиров "Лексические общности"; Ф.А. Гайдарова, И.О. Гецадзе "Синтаксические общности"; Т.И. Дешернева "Морфологические общности"; А.Е. Кибрик, С.В. Кодзасов "Фонетические общности".

ЛЕКСИЧЕСКИЕ ОБЩНОСТИ

В соответствии с замыслом настоящей монографии объектом внимания этой главы служат не столько материальные встречи кавказских языков в сфере лексики, сколько общие для них принципы структурной организации лексической системы (апелляция к материалу имеет место здесь лишь в тех случаях, когда последний создает почву для наблюдений структурного характера). Наряду с существующими между рассматриваемыми языками серьезными расхождениями в этом плане (для их иллюстрации достаточно назвать многоклассное разбиение субстантивов в нахско-дагестанских языках, отсутствующее в других кавказских), нельзя пройти и мимо определенного числа лексических изоглосс общекавказского характера. Анализ последних тем более интересен, что до настоящего времени общие черты организации лексической системы в абхазско-адыгских, картвельских и нахско-дагестанских языках остаются недостаточно исследованными. Естественно, что в центре внимания здесь оказываются их параллелизмы в структуре именной и глагольной лексики, хотя соответствующее место уделено и общностям, наблюдаемым в иных лексических разрядах.

Среди прочих относящихся сюда фактов прежде всего здесь, по-видимому, следует назвать фундаментальное различие семантических категорий одушевленности и неодушевленности, с одной стороны, и человека и вещи (в иной терминологии: лица и нелица), с другой, выявляющееся во всех группах кавказских языков и получающее свое отражение в самых различных разрядах именной и глагольной лексики. Необходимо вместе с тем подчеркнуть, что это отражение далеко не всегда совпадает по своей поверхностной реализации в различных языковых областях. Так, например, если обусловленное второй из названных оппозиций противопоставление вопросительных местоимений кто? (относящегося исключительно к человеку) и что? (относящегося ко всем остальным референтам) четко выдерживается по всем группам кавказских языков, то функционально аналогичные ему аффиксальные противопоставления прилагательных (типа груз. *kaх-el-i* 'кахетинец' ~ *kaх-ur-i* 'кахетинский') или числительных (типа абхаз. *бжь-џа* 'семь (о людях)' ~ *бжь-ба* 'семь (об остальном)') проводятся только в весьма ограниченных ареалах. Мы уже не говорим здесь о различных

грамматических проявлениях этой оппозиции, хорошо известных из всех групп кавказских языков.

Что касается первого различия, то оно находит в абхазско-адыгских, картвельских и нахско-дагестанских языках особенно широко варьирующее отражение. Впрочем, и здесь нетрудно увидеть повсеместно довольно отчетливо повторяющуюся сферу его реализации - глагольные дублеты, один из которых закреплен за одушевленными референтами (с нередким включением сюда не только людей и животных, но и растений), другой - за неодушевленными.

В картвельских языках корреляция по признаку одушевленности ~ неодушевленности стоит, в частности, за противопоставлением следующих соотносительных грузинских глаголов, проводимым с различной степенью строгости (при этом в первых шести случаях в виду имеется субъектное отношение, в остальных - объектное):

О д у ш е в л е н н ы е	Н е о д у ш е в л е н н ы е
cola	deba 'лежать'
čaksewa	ɖawardna 'падать'
ɖaxrčoba	ɖaʒirwa 'тонуть'
moxuseba	moʒweleba 'стареть'
berwa	krōla 'дуть'
šemoɾɥɔma	šemowleba 'окружать'
ɖola	kona 'иметь'
moɖwana	moʒana 'приносить'
ɖačwena	ɖadeba 'класть' и др.

Аналогичная картина засвидетельствована и в чанском (лазском) языке (в первых пяти соотносительных парах глаголов имеется в виду субъектное отношение, в остальных - объектное):

О д у ш е в л е н н ы е	Н е о д у ш е в л е н н ы е
onʒiru	gedu 'лежать'
gentku	melapu 'падать'
oškwidu	o(ɲ)tonu 'тонуть'
obaɖu	omʒwenu 'стареть'
gobɥu	goʒku 'окружать'
ɖonʒiru	gedwalu 'класть'
očku	menʒonu 'посылать'
očinu	ognaru 'узнавать'
mogonu	moɥaru 'нести'
meguru	ociru 'показывать'
obonu	osxu 'мыть'

Интересно отметить, что в прошлом число глагольных лексем, противопоставлявшихся по данному признаку, должно было быть более значительным. Так, в чанском ныне налицо единый глагол o-bar-u 'дуть' при сохранении некоторого

различия между 'дуть (о ветре)' и 'дуть (о человеке)' в остальных картвельских языках. Тенденцию к снятию такой оппозиции обнаруживают, по-видимому, и факты древнегрузинского литературного языка.

В абхазско-адыгских и нахско-дагестанских языках особенно наглядным выражением оппозиции одушевленного и неодушевленного также служат те серьезные ограничения, которые накладываются на сочетаемость именных лексем, обозначающих неодушевленные референты, с такими типично "одушевленными" глагольными лексемами, как 'лежать', 'сидеть', 'стоять', 'бежать', 'плыть', 'идти', 'тонуть'.

Ср., например, таблицы 1 и 2, иллюстрирующие эти ограничения в абазинском и кабардинском языках. Обычная совместимость соответствующих именной и глагольной лексем передается знаком +, преимущественная несовместимость - знаком -. (Хотя в целом ряде случаев очевидна чисто се-

Т а б л и ц а 1

Абазинский язык

Имя \ Глагол	'ле- жать'	'си- деть'	'сто- ять'	'бе- жать'	'плыть'	'ид- ти'	'то- нуть'
'палка'	+	-	+	-	-	-	+
'камень'	+	-	-	-	-	-	+
'аул'	-	+	+	-	-	-	+
'книга'	+	-	+	-	-	-	-
'чашка'	-	-	+	-	-	+	+
'вода'	-	-	+	+	-	+	-
'время'	-	-	+	+	-	+	-
'облако'	+	+	-	-	-	+	-
'звезда'	-	-	-	-	-	-	-

Т а б л и ц а 2

Кабардинский язык

Имя \ Глагол	'ле- жать'	'си- деть'	'сто- ять'	'бе- жать'	'плыть'	'ид- ти'	'то- нуть'
'палка'	+	-	+	-	-	-	-
'камень'	+	-	-	+	-	-	-
'аул'	-	+	-	-	-	-	-
'книга'	+	-	-	-	-	-	-
'чашка'	+	-	+	-	-	-	-
'вода'	-	-	-	+	-	+	-
'время'	-	-	-	-	-	+	-
'облако'	+	-	+	-	-	+	-
'звезда'	-	-	+	+	-	-	-

Т а б л и ц а 3

Лакский язык

Имя \ Глагол	'ле- жать'	'си- деть'	'сто- ять'	'бе- жать'	'плыть'	'ид- ти'	'то- нуть'
'палка'	-	-	-	-	+	-	+
'камень'	-	-	-	-	-	-	+
'аул'	-	-	-	-	-	-	+
'книга'	-	-	-	-	+	-	+
'чашка'	-	-	-	-	+	-	+
'вода'	-	-	+	-	-	+	-
'время'	-	-	-	-	-	+	-
'облако'	-	-	+	-	-	+	-
'звезда'	-	-	-	-	-	+	-

Т а б л и ц а 4

Лезгинский язык

Имя \ Глагол	'ле- жать'	'си- деть'	'сто- ять'	'бе- жать'	'плыть'	'ид- ти'	'то- нуть'
'палка'	-	-	+	-	+	+	-
'камень'	-	-	+	-	-	+	-
'аул'	-	-	-	-	-	+	-
'книга'	-	-	-	-	+	-	-
'чашка'	-	-	-	-	+	-	-
'вода'	-	-	+	-	-	+	-
'время'	-	-	+	-	-	+	-
'облако'	-	-	+	+	+	+	-
'звезда'	-	-	-	-	-	+	-

Т а б л и ц а 5

Аварский язык

Имя \ Глагол	'ле- жать'	'си- деть'	'сто- ять'	'бе- жать'	'плыть'	'ид- ти'	'то- нуть'
'палка'	-	-	-	-	-	+	-
'камень'	-	-	-	-	-	+	-
'аул'	-	-	-	-	-	-	-
'книга'	-	-	-	-	-	-	-
'чашка'	-	-	-	-	-	-	-
'вода'	-	-	-	-	-	-	-
'время'	-	-	-	-	-	+	-
'облако'	-	-	-	-	-	+	-
'звезда'	-	-	-	-	-	+	-

Т а б л и ц а 6

Даргинский язык

Имя \ Глагол	'ле- жать'	'си- деть'	'сто- ять'	'бе- жать'	'плыть'	'ид- ти'	'то- нуть'
'палка'	-	-	?	-	-	+	-
'камень'	-	-	-	-	-	+	-
'аул'	-	-	-	-	-	-	-
'книга'	-	-	-	-	-	-	-
'чашка'	-	-	-	-	-	+	-
'вода'	-	-	+	-	-	-	-
'время'	-	-	-	-	-	+	-
'облако'	-	-	-	+	+	-	-
'звезда'	-	-	-	-	-	+	-

Т а б л и ц а 7

Цахурский язык

Имя \ Глагол	ле- жать'	'си- деть'	'сто- ять'	'бе- жать'	'плыть'	'ид- ти'	'то- нуть'
'палка'	-	-	(+)	-	-	-	-
'камень'	-	-	+	-	-	+	-
'аул'	-	-	+	-	-	-	-
'книга'	-	-	(+)	-	-	-	-
'чашка'	-	-	-	-	-	-	-
'вода'	-	-	+	-	-	+	-
'время'	-	-	+	-	-	+	-
'облако'	-	-	+	-	-	+	-
'звезда'	-	-	-	-	-	-	-

мантическая несочетаемость названных здесь именных и глагольных лексем, в целом эти таблицы довольно отчетливо показывают значительно меньшие возможности сочетания соответствующих лексем по сравнению с их потенциями в представителях соседствующих языковых сем.й.)

Во всяком случае не менее отчетливым образом эти ограничения должны быть видны из таблиц 3, 4, 5, 6 и 7, иллюстрирующих их в пяти дагестанских языках - лакском, лезгинском, аварском, даргинском и цахурском.

Функционирование по всем кавказским языкам некоторого числа дублетных лексем, противопоставленных по признаку одушевленности ~ неодушевленности, представляет определенный интерес в свете неоднократно формулировавшихся в кавказском языкознании гипотез о древности здесь бинарного распределения имен существительных на активный и

инактивный ("пассивный") классы¹. (Здесь было бы неуместным остановиться на многочисленных проекциях семантической оппозиции одушевленного и неодушевленного на синтаксический и морфологический уровни рассматриваемых языков). Дальнейшая разработка этих гипотез приобретает в настоящее время, по-видимому, дополнительный стимул в том факте, что существующее в представителях активного строя (исторически смежного с эргативным и номинативным) разбиение субстантивов на активный и инактивный классы в значительной степени совпадает с противопоставлением одушевленного и неодушевленного классов².

В области глагольной лексики абхазско-адыгских, картвельских и нахско-дагестанских языков бросается в глаза единый принцип ее организации, согласно которому глаголы разбиты на два основных класса - транзитивных и интранзитивных. Как известно, именно это обстоятельство служило отправной точкой многочисленных исследований в области проблематики их эргативного строя (в последнее время высказывается точка зрения, согласно которой эту оппозицию было бы точнее квалифицировать как противопоставление агентивных и неагентивных глаголов). Этот принцип фактически реализован здесь во всех языках, повсеместно выдавая свои проекции на грамматические уровни их структуры - синтаксис и морфологию.

В словообразовательном аспекте названный принцип лексикализации глаголов закрепляется в кавказских языках двумя основными способами: а) особой деривационной аффиксацией (в частности, каузативной, о чем см. ниже, стр. 21) и б) использованием этимологически разных основ. Ср., например, два следующих ряда противопоставленных по признаку переходности ~ непереходности аварских глаголов:

Т р а н з и т и в н ы е		И н т р а н з и т и в н ы е	
<i>зинкIкIуизе</i>	'щипать'	<i>зинкIкIаруизе</i>	'щипать'
<i>хъвазе</i>	'писать'	<i>хъвадаруизе</i>	'заниматься письмом'
<i>гуризабизе</i>	'катить'	<i>гуризе</i>	'катиться'
<i>чIамуизе</i>	'жевать'	<i>чIандезе</i>	'жевать'
<i>дванкIуизе</i>	'стучать'	<i>дванкIезе</i>	'стучать'
<i>хIанчIуизе</i>	'кусать'	<i>хIанчIезе</i>	'кусаться'
<i>в-ачIине</i>	'вести'	<i>в-ачIине</i>	'идти'
<i>чIвазе</i>	'убивать'	<i>хъезе</i>	'умирать'

¹ Ср.: Дондуа К.Д. О двух суффиксах множественности в грузинском. - Язык и мышление, вып. I. Л., 1933; Виховская С.Л. Показатели множественности как классовые показатели в грузинском и баскском языках. - В сб.: Академия наук академику Н.Я. Марру. М.-Л., 1935; Жирков Л.И. Табасаранский язык. Грамматика и тексты. М.-Л., 1948, с. 56-58.

² Ср.: Климов Г.А. К характеристике языков активного строя. - ВЯ, 1972, № 4, с. 4-5.

Несколько иной способ такого же противопоставления глагольных лексем наблюдается в адыгских языках, где используется аблаутное чередование и ~ э. Ср. адыгейские примеры:

Т р а н з и т и в н ы е		И н т р а н з и т и в н ы е	
<i>кIуиш</i>	'проходить'	<i>кIуэиш</i>	'идти'
<i>чъиш</i>	'пробегать'	<i>чъэиш</i>	'бежать'
<i>лажьиш</i>	'обрабатывать'	<i>лажьэиш</i>	'работать'
<i>бэиш</i>	'резать'	<i>бээиш</i>	'заниматься резаньем'
<i>диш</i>	'шить'	<i>дэиш</i>	'заниматься шитьем'
<i>хыш</i>	'косить'	<i>хэиш</i>	'заниматься косью'

Необходимо, однако, отметить одну отличительную особенность картвельских языков. Подобно представителям номинативного строя в них признак переходности ~ непереходности передаваемого действия образует своего рода "скрытую" категорию, т.е. категорию, заявляющую о себе не в структуре самой глагольной словоформы, а в синтаксически связанных с ней именных членах предложения. Ср., в частности, однотипное построение грузинских глагольных словоформ *zi-s* '(он) сидит' и *aketeb-s* '(он) делает (то)', с одной стороны, и *g-i-zi-s* '(он) сидит (у тебя)' и *g-i-aketeb-s* '(он) делает (тебе то)' при различиях в составе членов предложения и их морфологического оформления в грузинских фразах *bawšw-ma igrɔno siciwe* 'ребенок почувствовал холод' и *bawšw-i zis xe-ze* 'ребенок сидит на дереве'. Напротив, в абхазско-адыгских и нахско-дагестанских языках, подобно другим представителям эргативного строя, этот признак, как правило, образует "явную" категорию, поскольку он здесь обычно получает свое отражение в морфологической структуре самой глагольной словоформы в виде показателя прямого дополнения: ср. абхаз. *и-с-фойт* 'то я ем' при *с-цойт* 'я иду' (в нахско-дагестанских языках последнее правило нарушается только так называемыми неклассными глаголами).

Значительный интерес вызывает то обстоятельство, что во всех группах кавказских языков наряду с профилирующим в них противопоставлением транзитивных и интранзитивных глаголов в большей или меньшей степени проступает и пересекающееся с ним семантико-грамматическое распределение глаголов на динамические и статические, во многом напоминающее разбиение глаголов на активные и стативные, имеющее место в представителях активной типологии. Первые из них обозначают, как известно, активные действия и охватывают как все транзитивные глаголы, так и множество интранзитивных: ср. лексемы семантики 'шить', 'резать', 'класть', 'сушить', 'гнать', 'вставать', 'садиться', 'ложиться', 'бежать', 'прыгать', 'работать' и т.п. Напротив, вторые выражают различные состояния и включают в свой состав по существу лишь интранзитивные глаголы: ср.

лексема семантики 'стоять', 'сидеть', 'лежать', 'висеть', 'иметь', 'торчать', 'быть одетым', 'быть привязанным' и т.п. (в качестве основы статического глагола в большинстве случаев может быть использована и именная основа). Например, в адыгейском языке к динамическим относятся глаголы: *кӀон* 'идти', *чӀэӀн* 'бежать', *дӀэн* 'шить', *убитӀин* 'любить', *кӀэшьӀон* 'плясать', *дӀжӀэн* 'читать' и др., а к статическим глаголы: *утесӀин* 'сидеть', *ущитӀин* 'стоять', *щилӀон* 'лежать', *иӀӀэн* 'иметь', *фӀэен* 'хотеть' и др., а также множественство отыменных, образованных конверсией имен существительных и прилагательных (во всех случаях глаголы представлены формой масдара). Исследования двух последних десятилетий отчетливо показали, что динамические и статические глаголы различаются в кавказских языках и в формальном плане — степенью полноты парадигмы спряжения (статические глаголы, как правило, не знают ряда временных форм — прежде всего аористных), специальной аффиксацией, иногда характеризующей морфологическую структуру динамических глаголов, а также некоторыми другими признаками.

Так, в частности, в абхазско-адыгских языках динамические и статические глаголы различаются по характеру основы настоящего времени (суф. -ва в абхазском, абазинском и убыхском языках, преф. wa- в адыгских), по объему парадигмы в отношении форм времени и наклонения (у статических глаголов последняя дефектна и не включает, в частности, аориста), своими отрицательными словоформами, по сочетаемости с превербами (ср. нехарактерность превербов направления в структуре статических глаголов), по образованию масдара. По весьма сходным признакам проводится разграничение динамических и статических глаголов в картвельских языках. Например, в грузинском статические глаголы в отличие от динамических ущербны в отношении парадигмы спряжения (у них от собственной основы строится лишь форма настоящего времени, отсутствуют формы совершенного вида), не образуют собственно каузативных производных, с различными ограничениями производят отглагольные имена (масдар, причастия). Несмотря на наступившую в нахских и дагестанских языках нейтрализацию существенных признаков противопоставления динамических и статических глаголов и распространение описательного способа статичности (с использованием формы причастия), отдельные черты исторического обособления обоих глагольных классов сохраняются и здесь. Иногда, как, например, в нахских языках, динамические и статические формы обнаруживают разную огласовку основы, в ряде случаев статический глагол имеет дефектную временную парадигму³.

³ Ломтатидзе Н.В. Статические и динамические глаголы в абхазском языке. — ИКЯ, т. VI, 1954, на груз. яз.; Рогова Г.В. Динамические и статические глаголы в адыгских языках. — ИКЯ, т. VII, 1956; Рогова Г.В., Керашева З.И. Грамматика адыгейского языка. Краснодар — Майкоп, 1966, с. 101-110; Vogt H. Grammaire de la lan

Необходимо подчеркнуть вместе с тем, что ни в одной группе кавказских языков различие динамических и статических глаголов не приобретает структурной роли, сколько-нибудь сравнимой с той ролью, которую играет противопоставление транзитивных и интранзитивных глаголов. Достаточно указать в этой связи, например, на то обстоятельство, что в абхазско-адыгских языках, где проводится морфологическое обособление обоих глагольных классов, налицо характерные случаи нейтрализации последнего. Имеется в виду возможность образования динамической формы статических глаголов: ср., адыгейск. *щэ-ти* 'он простаивает' при *щэ-т* 'он стоит', *щэ-си* 'он просяживает' при *щэ-с* 'он сидит', *щэ-лвн* 'он пролеживает' при *щэ-лн* 'он лежит', *щэ-гвн* 'одето (бывает) на него' при *щэ-гв* 'одето на него' и т.д. (огласовка преф. э восходит к показателю динамичности *уз-*)⁴.

С некоторой долей условности в качестве общекавказского параллелизма можно назвать и функционирование особого класса так называемых аффективных глаголов, обнаруживающих свою специфику как в семантическом, так и в формальном отношении. Этот класс составляют *verba sentiendi*, *verba affectuum* и некоторые другие разряды глагольных лексем, обозначающих произвольное действие или состояние. Налицо несколько варьирующий по отдельным языкам их набор, чаще всего включающий двухместные предикаты семантики 'видеть', 'слышать', 'знать', 'иметь', 'хотеть', 'любить', 'ненавидеть' (нередко в этом классе оказываются не только двухместные предикаты, но и одноместные типа 'годиться', 'спать', 'бодрствовать' и т.п.). Так, в частности, в цахурском языке имеются следующие аффективные глаголы. *кваджес* 'видеть', *квайхъес* 'слышать', *ацI-ахъес* 'знать', *иккхийканас* 'хотеть, любить', *хъаIле хъи-хъес* 'ненавидеть', *хан вихъес* 'сердиться', *хъикканас* 'жалеть', *наш хъихъес* 'стыдиться', *квабилхъес* 'нравиться', *гягвалс* 'казаться', *хъувацIас* 'узнавать', *йикIел ихъес* 'помнить', *киелхъалес* 'вспоминать', *кваммихъес* 'понимать', *акивас* 'быть к лицу, подходить', *чIаIаIхъес* 'быть достаточным', *квидяIхъарас* 'недоставать', *лезимхъес* 'годиться', *вайкес* 'находить', *хъизахас* 'встретить', *окас* 'родить'. Формальные особенности аффективных глаголов заключаются в том, что они обуславливают специфическую кон-

gue georgienne. Oslo, 1971, с. 154-162; Сухишвили М.С. Статические глаголы в грузинском языке. Тбилиси, 1976, на груз. яз.; Чанидзе А.Г. Основы грамматики грузинского языка. I. Морфология (2-е изд.). - Труды кафедры др.-груз. яз. ТГУ, вып. 15, 1973, на груз. яз.; Джейранишвили Е.Ф. Удийский язык. Грамматика, хрестоматия, словарь. Тбилиси, 1971, на груз. яз.; Имнайшевили Д.С. Статические глаголы в нахских языках. - ИКЯ, XVIII, 1973, на груз. яз.

⁴ Рогова Г.В., Керашева Э.И. Указ. соч., Краснодар - Майкоп, 1966, с. 102.

струкцию предложения - аффективную (см. стр. 44-48 настоящей монографии), а также характеризуются спецификой своей морфологической структуры⁴ - инверсией по сравнению с транзитивными и интранзитивными глаголами субъектно-объектных показателей, откуда и идет их квалификация в качестве инверсивных или глаголов объектного строя. В целом этот класс наиболее обширен в нахско-дагестанских языках (исключение составляет, вероятно, лишь литературный даргинский язык, знающий, по З.Г. Абдуллаеву, лишь один аффективный глагол *дигес* 'хотеть, желать, любить'). Так, в бацбийском языке Ю.Д. Дешериевым зафиксировано более двадцати таких глагольных лексем, согласно В.Н. Панчвидзе, в удинском - около двадцати пяти⁵, по сообщению Н.Г. Исаева, в цахурском языке - по крайней мере двадцать одна.

Зарегистрирован этот глагольный класс и во всех абхазско-адыгских языках⁶.

Необходимо, вместе с тем, отметить некоторую условность включения в рассматриваемую изоглоссу картвельской языковой области, поскольку здесь формальная специфика соответствующих глаголов в значительной степени относится уже к плану диахронии - в структуре современных картвельских языков их нередко уже рассматривают как подкласс интранзитивных⁷.

К сказанному остается добавить, что не вызывает каких-либо сомнений общекавказский характер исторической тенденции к распределению инверсивных глаголов между транзитивными и интранзитивными. В этой связи любопытно привести некоторые встречающиеся в специальной литературе их характеристики. Так, согласно И.О. Гецадзе, "в абхазском языке в группу *verba sentiendi* объединяются некоторые двухличные непереходные, в основном, статические глаголы... Глаголы этого типа являются для абхазского языка (как и для близкородственных ему адыгских языков) уже явлением прошлого, грамматически непродуктивным: такие глаголы вновь не создаются"⁸. По мнению Б.Г.-К. Ханмагомедова, в табасаранском языке "дательная конструкция пред-

⁵ Дешериев Ю.Д. Бацбийский язык. Фонетика, морфология, синтаксис, лексика. М., 1953, с. 161-162; Панчвидзе В.Н. Глаголы с субъектом в дательном падеже в удинском языке. - Изв. ИЯИМК, XII. Тбилиси, 1942. На груз. яз.

⁶ Гецадзе И.О. Инверсивные глаголы (*verba sentiendi*) в абхазском языке. - В сб.: Лингвистические исследования. Л., 1970.

⁷ Биховская С.Л. Объективный строй *verba sentiendi* (предварительный очерк). - Язык и мышление, вып. VI-VII, 1936; Шанидзе А.Г. Грамматический субъект при некоторых непереходных глаголах в грузинском. - Труды кафедры др.-груз. языка ТГУ, вып. 7, 1961, на груз. яз. Ср., однако: Vogt Н. Указ. соч., с. 133-135.

⁸ Гецадзе И.О. Указ. соч., с. 325-326.

ложения, как и эргативная, образует трехчленную синтагму, состоящую из переходного глагола-сказуемого, реального объекта в именительном падеже и реального субъекта, который ставится в дательном падеже⁹. Ср., наконец, высказывание З.Г. Абдуллаева о том, что сказуемое аналогичной конструкции в даргинском языке выражено "глагольной формой переходной семантики с субъектно-объектным... согласованием"¹⁰.

С еще большей долей условности можно считать, что еще один структурный параллелизм в организации глагольной лексики кавказских языков образует функционирование в них небольшой группы супплетивных глаголов, при своем семантическом тождестве соотносящихся либо с единичностью, либо с множеством реальных референтов, участников ситуации - так называемых сингулярных и плюральных глаголов. Условность последнего параллелизма вытекает из того обстоятельства, что, будучи достаточно характерным для абхазско-адыгских и картвельских языков, в абхазско-адыгской языковой области это явление достаточно надежно зафиксировано пока только в убыхском материале. Иллюстрацией его в картвельском ареале могут послужить грузинские масдары *zdoma* (ед. число субъекта) ~ *shdoma* (мн. число субъекта) 'сидеть', *adgoma* ~ *agra* 'вставать, подниматься', *wardna* ~ *swena* 'падать, валиться', *gdaba* ~ *dga* 'бросать', *sma* ~ *shma* 'сажать', 'ставить', *moq'wla* ~ *daqosa* 'убивать', *gagdeba* ~ *gareqa* 'выгонять' и нек. др.¹¹ Нахско-дагестанские аналогии могут быть продемонстрированы на примерах из бацбийского языка: *x'waj'iar* (ед. число субъекта) ~ *x'waj'sar* (мн. число субъекта) 'смотреть', *daar* ~ *daq'iar* 'приходить', *lallar* (ед. число объекта) ~ *laq'iar* (мн. число объекта) 'гнать', *dollar* ~ *deq'iar* 'сунуть' и др.¹² Ср. также лакск. *iw'cian* (ед. число объекта) ~ *lit'ün* (мн. число объекта) 'убить', *butan* (ед. число объекта) ~ *bichin* (мн. число объекта) 'стелить'; арчин. *x'lis* (ед. число субъекта) ~ *x'eis* (мн. число субъекта) 'умирать'. Наконец, таково же функциональное содержание оппозиции убыхских глагольных основ: *s-* (ед. число субъекта) ~ *žä-* (мн. число субъекта) 'сидеть', *t°-* ~ *xa-* 'стоять, находиться', *γ-* ~ *ya-* 'висеть', *w-* ~ *q'a-* 'входить', а также *t°-* (ед. число объекта) ~ *q'a-* (мн. число

⁹ Ханмагомедов Б.Г.-К. Очерки по синтаксису табасаранского языка. Махачкала, 1970, с. 91.

¹⁰ Абдуллаев З.Г. Очерки по синтаксису даргинского языка. М., 1971, с. 289.

¹¹ Шанидзе А.Г. Основы грамматики грузинского языка. I. Морфология, с. 501-505. Ср.: Чинчараули А.Л. Особенности хевсурского диалекта грузинского языка. Тбилиси, 1960, с. 156-158. На груз. яз.

¹² Ср.: Дешериев Ю.Д. Сравнительно-историческая грамматика нахских языков и проблемы происхождения и исторического развития горских кавказских народов. Грозный, 1963, с. 468-469.

объекта) 'давать'¹³. Поскольку исторические соответствия этим основам прослеживаются и в других абхазско-адыгских языках, можно полагать, что эта корреляция была не чужда в прошлом вообще всем последним. Судя по непродуктивности рассматриваемого явления, во всех случаях оно должно квалифицироваться как архаизм (интересно, что уже в древнегрузинских литературных памятниках зафиксированы отдельные случаи нарушения такого супплетивизма за счет употребления нейтральной по отношению к идее числа глагольной лемемы: ср. *dadwa mat zeda qelni tʃsni* 'возложил на них руки свои' вместо *dasxa mat zeda qelni tʃsni*)¹⁴.

В области именной лексики рассматриваемых языков обращает на себя внимание функционирование особого лексико-грамматического разряда слов - отглагольного имени действия или состояния, известного в специальной литературе под термином "масдар". Наряду со своими характерными именными свойствами (например, способностью к падежному словоизменению) масдар обнаруживает и некоторые глагольные признаки. Общекавказской чертой оказывается и обычная формальная недифференцированность масдара в отношении переходности ~ непереходности. Ср., например, груз. *sega* 'писание', 'письмо', *xaʔwa* 'рисование', *swa* 'жжение', 'горение', *ʃiril-i* 'плач' и т.п., авар. *бати* 'существование', 'бытование'; *дванки* 'стук'; *квоти* 'резание', 'резка'; *регви* 'приход', 'прибытие' и т.п., абхаз. *а-был-ра* 'жжение', 'горение'; *а-ба-ра* 'видение'; *а-регла-ра* 'стройка' и т.п. Его разграничение по переходности ~ непереходности встречается лишь в картвельских и адыгских языках: груз. *ʃexa* 'ломать' при *ʃɔdoma* 'ломаться', *sdweʔa* 'рвать' при *sdɔdoma* 'рваться', 'гибнуть', мегрельск. *xirskua* 'раздирать' при *xarckua* 'лопаться', *ʃkiriʃua* 'гасить' при *ʃkiriʃua* 'гаснуть', сван. *li-dge* 'гасить' при *le-deg* 'гаснуть', *li-kwre* 'гноить' при *li-kwer* 'гнить', адыгейск. *пхъэнкIэн* 'подметать' при *пхъэнкIэн* 'заниматься подметанием', *энкIэн* 'стирать' при *энкIэн* 'заниматься стиркой', *лэжвин* 'обрабатывать' при *лэжвин* 'работать', *тхэн* 'писать' при *тхэн* 'заниматься писанием' и др. (перевод примеров условно дается формами русских инфинитивов, поскольку соответствующее отглагольное имя не раскрывает переходной или непереходной специфики приводимых масдаров). В отличие от картвельских и абхазско-адыгских языков в нахско-дагестанских наряду с масдаром известен и глагольный инфинитив (ср. авар. *реги* 'лежание' при *регизе* 'лежать', *кеин* 'еда' при *кваназе* 'есть', *хъвай* 'написание' при *хъвазе* 'писать' и т.п.).

¹³ Dumézil G. Le verbe oubuykh. Études descriptives et comparatives. Mémoires de l'Académie des inscriptions et belles-lettres. N.S. T. I. Paris, 1975, с. 38-41, 161.

¹⁴ Ср.: Сарджвеладзе З.А. Вопросы истории грузинского литературного языка. Тбилиси, 1975, с. 232-233. На груз. яз.

Несмотря на весьма серьезные расхождения кавказских языков в сфере местоимений (ср., например, неразвитость притяжательных местоимений в абхазско-адыгских языках, характерную только для нахско-дагестанских языков оппозицию инклюзива ~ эксклюзива, богатство относительных местоимений в картвельских языках и т.п.) все же некоторые аналогии могут быть здесь установлены и в организации прономинальной системы. Заслуживают быть отмеченными по крайней мере три следующих параллелизма.

Во-первых, как уже было указано выше, объем содержания вопросительных местоимений "кто?" и "что?", как правило, обнаруживает во всех группах соотношенность с различением категории человека (лица) и вещи (нелица). Именно таким образом разграничены друг с другом абхаз. *дарбан?* и *царбан?*, адыгейск. *эт?* и *сид?*, груз. *win?* и *га?*, сван. *jär?* и *пај?*, чечен. *мыла?* и *хIун?*, лакск. *цу?* и *ци?*, табас. *фуж?* и *фу?* Некоторое исключение составляет разграниченная по категории класса аварская триада местоимений: *ши-в* 'кто (о лицах мужского пола)?', *ши-й* 'кто (о лицах женского пола)?' и *ши-б* 'что?'. Необходимо заметить, впрочем, что и в этом случае формы косвенных падежей обнаруживают бинарный принцип противопоставления лица и нелица: ср. эргат. пад. *лви-ца* 'кто', *сун-ца* 'что', род. пад. *лви-л* 'кого', *сунду-л* 'чего'.

Во-вторых, во всех группах рассматриваемых языков в разряде указательных местоимений довольно отчетливым образом выдерживается трехчленная градация степеней удаления от говорящего, совпадающая по своему содержанию с латинской тернарной корреляцией *hic ~ iste ~ ille*. Входящие в этот ряд прономинальные лексемы соотносятся с референтами, находящимися: 1) вблизи говорящего, 2) вблизи слушающего, 3) на расстоянии от обоих (в описательных грамматиках иногда различие второго и третьего членов связывается с признаком видимости ~ невидимости референта). Ср., например, следующий ряд чеченских указательных местоимений: *хIара* 'этот' ~ *и//иза* 'этот' ~ *дIара* 'тот', первый член которого указывает на предмет, находящийся в непосредственной близости от говорящего, второй - на предмет, несколько от него удаленный, а третий - на еще более значительно удаленный предмет. Среди других нахско-дагестанских языков аналогичную семантику имеют арчин. *йов ~ яму ~ тов*, цахур. *ик ~ ман ~ шен*. Ср. также груз. *es* 'этот' ~ *eg* 'этот' ~ *is//igi* 'тот' для картвельских языков, абхаз. *ари* 'этот' ~ *ани* 'этот' ~ *уи* 'тот', кабард. *мыр* 'этот' ~ *мор* 'этот' ~ *ар* 'тот' для абхазско-адыгских. Следует, впрочем, оговорить условность участия в рассматриваемой изоглоссе картвельских языков, поскольку в большинстве из них в лучшем случае можно усмотреть лишь некоторые следы трехчленной системы противопоставлений. Подобные нарушения в пользу двухчленности встречаются и в дагестанском ареале. Так, например, среди цезских языков выделяются бежтинский и гунзибский, различающие соответствующие местоимения трех степеней, с одной

стороны, и цезский, гинухский и хваршинский с их бинарной оппозицией, с другой.

Распространенная в кавказских языках трехчленная модель деиксиса не нарушается, однако, тем фактом, что в их дагестанских представителях обычно присутствует дальнейшая пространственная конкретизация местоимения 3-го лица, указывающего на максимально удаленный референт в зависимости от его нахождения на одном уровне с говорящим, выше или ниже его. Именно на этом принципе основано размежевание трех параллельных аварских местоимений *дов-лов* ~ *глов* 'тот' при (*гв*)*ав* 'этот' и (*гв*)*ев* 'этот'. Согласно мнению Л.И. Жиркова, "аналогичное различие указанного предмета по уровню существовало во многих языках Дагестана и в прежнее время проводилось, по-видимому, строго. Эта языковая особенность связывается, несомненно, с тем, что в горной стране сознание людей придает очень большую важность тому, выше или ниже нас находится тот или иной предмет... Однако в настоящее время эти конкретные различия почти во всех языках смешиваются и специальные местоимения, указывающие уровни, или исчезают, или становятся синонимичными с простыми местоимениями"¹⁵. Ср. вместе с тем двухчленное противопоставление указательного местоимения в агульском языке, в котором при биноме *ме* 'этот' ~ *те* 'тот' налицо конкретизация последнего: *ге* 'тот внизу' и *ле* 'тот наверху'. В удинском языке при соответствующей трехчленной системе (*ме//мено//моно* ~ *ка//кано//коно* ~ *тие//шоно*) конкретизации последнего по уровню не проводится.

Наконец, на аналогичный трехчленный ряд часто ориентированы в кавказской языковой области и подсистемы местоименных наречий места. Ср., в частности, абхаз. *а(б)ра* 'здесь (в непосредственной близости от говорящего)' ~ *а(б)на* 'здесь (на некотором расстоянии от него)' ~ *убра//уа* 'там (в отдалении)' и функционально идентичные данному ряду груз. *ак* ~ *танд* ~ *ик*, лакск. *шикку* ~ *микку* ~ *тикку* (при *кикку* 'там выше' и *гикку* 'там ниже'), даргин. (*кубач.*) *йаниб* 'здесь' ~ *илтуб* 'здесь, вблизи 2-го лица' ~ *иттуб* 'там', цахур. *инаа* 'здесь' ~ *маа* 'там' ~ *шаа* 'там (дальше)', арчин. *ишик* 'здесь' ~ *имик* 'здесь (около тебя)' ~ *техик* 'там'.

В области словообразования, характеризующейся, как известно, в абхазско-адыгских, картвельских и нахско-дагестанских языках серьезными расхождениями (ср. различие удельного веса композиции и аффиксальной деривации в абхазско-адыгских и нахско-дагестанских языках, большую роль специфического префиксально-суффиксального способа словообразования в картвельских языках и т.д.), также заслуживает внимания ряд параллелизмов.

¹⁵ Жирков Л.И. Указ. соч., с. 102; ср.: Ломтадзе Э.А. Структура и склонение указательных местоимений в языках дидойской группы (сравнительно-исторический анализ). - ИКЯ, т. VIII, 1956. На груз. яз.

Прежде всего здесь следует отметить широкую распространённость так называемой каузативной деривации, служащей для производства глагольных лексем семантики побуждения к действию (вследствие различия используемого по группам материала соответствующая аффиксация сильно варьирует по группам). Обращает на себя внимание и то обстоятельство, что возникающие образования, как правило, совмещают функцию пермиссива, семантика которого - разрешение действия. Для картвельских языков ср. груз. *daşerineba* 'заставлять, давать писать' при *şega* 'писать', *şayebineba* 'заставлять, давать брать' при *şayeba* 'брать', *şmewa* 'кормить' при *şama* 'есть', *tkmewa* 'заставлять, давать говорить' при *tkma* 'говорить'. Для абхазско-адыгского ареала ср., например, абхаз. *а-р-жә-ра* 'поить' при *а-жә-ра* 'пить', *а-р-гыла-ра* 'ставить' при *а-гыла-ра* 'вставать', *а-р-гәакъ-ра* 'беспокоить' при *а-гәакъ-ра* 'беспокоиться'. Для нахско-дагестанских языков ср. авар. *биччизабизе* 'мочить' при *биччизе* 'мокнуть', *бортанхъизабизе* 'натравливать, науськивать' при *бортанхъизе* 'кидаться, бросаться', *туризабизе* 'гноить' при *туризе* 'гнить'.

Другой словообразовательный параллелизм общекавказского характера представляют собой композиты типа *bahuvrihi*, образованные сложением существительного и соотносенного с ним прилагательного. В абхазско-адыгских языках их иллюстрацией могут служить абхаз. *а-гу-жәпа* 'жестокосердный, толстокожий', *а-гу-цхқа* 'мягкосердечный', (многие подобные образования здесь уже субстантивированы). Для картвельских языков ср. груз. *рех-şišwel-i* 'босой', *gul-gril-i* 'равнодушный, безучастный', *xel-mokle* 'короткорукий, беспомощный'. Ср. также лакск. *даки-хъумасса* 'печальный', *даки-хъумасса* 'гордый', *дард-дусса* 'печальный' для нахско-дагестанских языков.

Следующей словообразовательной общностью рассматриваемых языков следует считать, как это специально отмечал еще Г. Деетерс, так называемую вигезимальную модель деривации числительных, обозначающих десятки¹⁶. Это значит, что лексема, передающая понятие двадцати (простая - в картвельских и нахско-дагестанских языках, составная - в абхазско-адыгских), ложится здесь в основу построения числительных следующих десятков по моделям: $30=20+10$, $40=2 \times 20$, $50=2 \times 20+10$, $60=3 \times 20$, $70=3 \times 20+10$, $80=4 \times 20$, $90=4 \times 20+10$. В соответствии с этим правилом в абхазском, например, 'сорок' передается посредством *şин-şажәа* (букв. 'дважды двадцать'), 'пятьдесят' как *şин-şажәе-и-жәаба* (букв. 'дважды двадцать и десять'), 'шестьдесят' как *хин-şажәа* (букв. 'трижды двадцать'), а в грузинском соответственно имеем *ог-ш-оси* (букв. 'дважды двадцать'), *огшос-да-ати* (букв. 'дважды двадцать и десять') и *сам-оси* (букв. 'трижды двадцать'). Аналогичная картина повторяется и в боль-

¹⁶ Deeters G. Die kaukasischen Sprachen. - Handbuch der Orientalistik. Bd. 7. Armenisch und kaukasische Sprachen. Leiden-Köln, 1963, с. 67.

шинстве нахско-дагестанских языков: ср., например, хинал. *кIууну-кван* (букв. 'дважды двадцать'), *кIууну-кван-н-аьIаз* 'пятьдесят' (букв. 'дважды двадцать и десять'), *ункIукван* 'восемьдесят' (букв. 'четырежды двадцать'). В языках или диалектах, проводящих подобную систему более строгим образом (бацбийском, крызском, будухском и в таких грузинских диалектах, как рачинский, пшавский, хевсурский, тушинский и, отчасти, кахетинский), в соответствии с этим принципом строится и обозначение ста (5x20), а также ряда числительных второй сотни: ср. бацб. *пха-уз-тIкwa*, крызск. *фу-квад*, груз. тушин. *xut-osi* 'сто', груз. пшав. *šwid-osi* 'сто сорок' (букв. 7x20). Последовательное проведение такого правила составляет, впрочем, редкое исключение, до сих пор встречающееся, в частности, в речи старейшего поколения носителей бацбийского языка: ср., например, передачу здесь чисел 1000 и 10 000 соответственно по модели 2x20x20 и 10x20 в первом случае и по модели 25x20x20 - во втором¹⁷.

В литературе высказано мнение, согласно которому выбор в языке десятичной или вигезимальной модели словообразования числительных зависит от принципов номинации существующего инструмента счисления - пальцев. Предполагается, что в языках с различными лексемами, обозначающими палец руки и ноги (ср. англ. *finger* при *toe*, фин. *sormi* при *varvas*, табас. *тIуб* при *муркул*), налицо условия для становления десятичной, но не вигезимальной системы, предпосылкой возникновения которой оказывается наличие единого обозначения пальца руки и ноги (при этом считается, что возникший в этих условиях вигезимальный способ деривации числительных может преобразоваться в десятичный с развитием общества и независимо от изменений принципа обозначения пальцев - в силу его очевидной неэкономичности при передаче высоких числовых порядков)¹⁸.

Соответствующие факты кавказской языковой области как будто подтверждают это мнение. Действительно, десятиричная модель построения числительных здесь последовательно проводится обычно лишь в тех языках, где названия пальца руки и ноги оказываются лексемно различными - в даргинском, табасаранском, цахурском и рутульском языках. В остальных же случаях налицо либо выдержанная вигезимальная система, либо вигезимальная система с диалектно (или ущербно) представленной десятичной. Нарушения в пользу десятиричной системы встречаются, в частности, в тех случаях, когда числительное 'двадцать' оказывается не простой основой, а производной, построенной по модели 'дваж-

¹⁷ Ср. Шанидзе А.Г. Влияние двадцатиричной системы счета на десятиричную систему письма в грузинском языке. - В кн.: Шанидзе А. Вопросы структуры и истории грузинского языка. I. Тбилиси, 1957, с. 304. На груз. яз.; Дешериев Ю.Д. Бацбийский язык, с. 189-197.

¹⁸ Эдельман Д.И. К генезису вигезимальной системы числительных. - ВЯ, 1975, № 5.

ды десять' (ср. полсжение в части абхазско-адыгских языков и сванских диалектов). Естественно, что в абхазско-адыгском ареале они прежде всего связываются со становлением здесь на базе исторически единых обозначений пальцев руки и ноги их дифференцированных названий: ср. абаз. *ма-чви*, кабард. *гэ-пхуамбэ* 'палец руки' при абаз *ца-чви*, кабард. *лэ-пхуамбэ* 'палец ноги').

Однотипным образом по кавказским языкам образуются, как правило, разделительные числительные. В их основе лежит удвоение простой формы соответствующих количественных числительных. Ср. абхаз. *цуба-цуба* 'по четыре', *бхьба-бхьба* 'по семь' для абхазско-адыгских языков, груз. *at-ati* 'по десяти', *as-asi* 'по сто' и мегрел. *sum-sumi* 'по три', *xut-xuti* 'по пять' для картвельских языков, чечен. *диь-диь* 'по четыре', *исс-исс* 'по девяти' и авар. *кги-кги* 'по два', *шу-шу* 'по пяти' для нахско-дагестанских. Существующие отклонения сводятся к аффиксации дополнительных элементов: например, адыгейск. *эм-ри-з* 'по одному', *ца-ри-щ* 'по три'.

Едиными для всех групп кавказских языков оказываются и некоторые более частные словообразовательные модели. Среди них можно упомянуть, например, построение лексемы 'родители' по типу композиции 'мать + отец'; ср. абхаз., абаз. *ами-аби*, груз. *ded-mama*, сван. *dī-mī*, бацб. *нан-дад*, авар. *эбел-эмен*, лакск. *нину-пгу*, дарг. *неш-дудеш*, лезгин. *диде-буба*, рутул. *ник-дид* и т.д. (данная модель в несколько меньшей степени характерна для абхазско-адыгских языков, так как в них возможен и обратный порядок компонентов). "Левая" позиция компонента 'мать' в прошлом обычно трактовалась в специальной литературе в качестве одной из языковых реминисценций эпохи матриархата.

К настоящему времени выявлен и ряд характерных для рассматриваемых языков так называемых идессемантических черт, проявляющихся как в словаре, так и в правилах сочетания лексем.

В качестве одной из наиболее интересных общекавказских изоглосс этого плана следует рассматривать факт обычного разграничения парных синонимических прилагательных семантики 'толстый' и 'тонкий', соотносимых с предметами плоской формы, с одной стороны, и с предметами округлой формы, с другой. Так, для абхазско-адыгских языков здесь можно привести оппозицию абхазских лексем *а-цаца* и *а-па* 'тонкий' (ср. *а-кьасд цаца* 'тонкая бумага' при *а-лаба па* 'тонкая палка') наряду с *а-хэпа* и *итэу* 'толстый' (ср. *а-цуча хэпа* 'толстое сукно' при *а-лаба итэу* 'толстая палка') и противопоставление кабардинских лексем *пIашьгэ* и *псигьуэ* 'тонкий' (ср. *фэ пIашьгэ* 'тонкая кожа' при *баш псигьуэ* 'тонкая палка') наряду с *гумэ* и *гьуим* 'толстый' (ср. *тхильымпгэ гумэ* 'толстая бумага' при *чIапсэ гьуим* 'толстая веревка')¹⁹. Не менее строгим образом аналогич-

¹⁹ Шагиrow А. Н. Очерки по сравнительной лексикологии адыгских языков. Нальчик, 1962, с. 36-37.

ная оппозиция проводится и во всех картвельских языках. Для ее иллюстрации можно, например, назвать корреляции грузинских лексем *txel-i* и *swril-i* 'тонкий' (ср. *txeli tɔawi* 'тонкая шкура' при *swrili titi* 'тонкий палец') и *skel-i* и *msxwil-i* 'толстый' (например, *skeli kaɣaldi* 'толстая бумага' при *msxwili titi* 'толстый палец'), с одной стороны²⁰, и корреляцию соответствующих сванских прилагательных *dətxel* и *nesin* 'тонкий' (например, *dətxel tɔur* 'тонкая шкура' при *nesin megem* 'тонкое дерево') и *sgel* и *meŋgre* 'толстый' (например, *sgel tɔur* 'толстая шкура' при *meŋgre megem* 'толстое дерево'), с другой. Такое противопоставление давало о себе знать и в памятниках древнегрузинского литературного языка.

В целом аналогичное противопоставление парных прилагательных довольно характерно и для нахско-дагестанского языкового ареала, хотя в последнем оно проводится с некоторыми нарушениями (в частности, в нахских языках оно, как будто, вообще неизвестно). Среди четко проводящих его языков можно назвать даргинский, где коррелируют *букису* 'тонкий (о плоских)' и *гьвариҕси* 'тонкий (об округлых)' при *бузси* 'толстый (о плоских)' и *буршусу* 'толстый (об округлых)', и цахурский, где соответственно имеем пары *киҕваин* ~ *гьиккен* и *цџобан* ~ *киҕбен*. Во многих дагестанских языках налицо лишь одна из обеих возможных оппозиций. Так, в лезгинском и агульском при едином прилагательном 'толстый' различаются дублиеты семантики 'тонкий': ср. лезгин. *киҕелечI ччар* 'тонкая бумага' при *шувкIуб тIвал* 'тонкая палка'. Напротив, в удинском и чамалинском языках при едином прилагательном 'тонкий' противопоставлены дублиетные прилагательные семантики 'толстый': ср. удин. *боцә кагьиз* 'толстая бумага' при *гьуй киобал* 'толстая палка'. Наконец, в отдельных случаях здесь налицо лишь единые прилагательные такой семантики: ср. чечен. *дуркьва* 'тонкий' и *стомма* 'толстый', авар. *тIеренаб* 'тонкий' и *биццатаб* 'толстый'. Необходимо указать, впрочем, на аналогичное, хотя и не совсем совпадающее с рассмотренным, взаимное разграничение дублиетных прилагательных семантики 'густой' и 'жидкий', имеющее место в чеченском и ингушском языках. Ср., например, чечен. *лурста* // *дуркьва* 'густой' (*лурста месаш* 'густые волосы' при *дуркьва шудар* 'густая каша') и чечен. *килха* // *коча* 'жидкий' (*килха месаш* 'жидкие волосы' при *коча чорпа* 'жидкий суп').

За рассмотренными выше противопоставлениями можно усмотреть пережиточное отражение некогда существовавшего классного распределения субстантивов, основанного на различии соответствующих денотатов по их форме (в этой связи нельзя не учитывать, что аналогичные соотносительные пары прилагательных засвидетельствованы и в ряде других языков, например, в некоторых индоиранских языках, в представителях семьи кечумара в Южной Америке). В специаль-

²⁰ Абаев В.И. Некоторые осетино-грузинские семантические параллели. - ИКЯ, т. XVIII, 1973, с. 29-31.

ной литературе приводились и некоторые другие свидетельства о функционировании подобной классификации в историческом прошлом нахско-дагестанских языков²¹.

В связи с отмеченным явлением оказывается еще одна общекавказская "идеосемантическая" изоглосса: в виду имеется широко распространенное в рассматриваемых языках совмещение в единой лексеме семантики 'тонкий' и 'жидкий', с одной стороны, и 'толстый' и 'густой', с другой (в обоих случаях речь идет о соответствующем прилагательном, соотношенным с предметами плоской формы). Заслуживает внимания тот факт, что и это явление последовательно проводится в абхазско-адыгском и картвельском ареалах и непоследовательно - в нахско-дагестанских. Ср. для первого абхаз. *а-Цага* 'тонкий', 'жидкий' при *а-жапа* 'толстый', 'густой' или кабард. *пIашъIэ* 'тонкий', 'жидкий' при *гуе* 'толстый', 'густой'. О том же говорит материал картвельских языков: ср. груз. *txeli* рара 'жидкая каша' при *skeli* рара 'густая каша' и сван. *dətxel šəm* 'жидкое гоми', *sgel šəm* 'густое гоми'. Непоследовательное проведение этой закономерности в нахско-дагестанском ареале выражается в том, что чаще всего здесь налицо лишь одно из пары совмещающих прилагательных (иногда же нет и ни одного). Так, в даргинском и удинском языках лишь в одной лексеме - *бузси* и *бочо*, соответственно - совмещены значения 'толстый', 'густой'. Аналогичный факт известен в аварских диалектах. Интересно, что даже для тех дагестанских языков, в которых ныне подобное совмещение отсутствует, иногда удается показать возможность его реализации в прошлом: за это должно говорить, в частности, сопоставление лакск. *гванз-сса* 'толстый' с авар., чамал. *гванз-аб* 'густой'.

Небезынтересно, что это явление засвидетельствовано и в ряде других языков мира и, в частности, из индоевропейских - в иранских и германских (ср. англ. *thick* // нем. *dick* 'толстый, густой' при англ. *thin* // нем. *dünn* 'тонкий, жидкий').

Довольно характерным для всей кавказской языковой области можно также считать совмещение в единой глагольной лексеме значений 'тонуть (об одушевленных референтах)' и 'душить, -ся', в то время, как ей противопоставлен особый глагол или соответствующее ему описательное образование, за которым закреплена семантика 'тонуть (о неодушевленных референтах)'. Это явление более отчетливо выступает в абхазско-адыгских (ср., убых. *lala-*, адыгейск. *цитхьалэн*) и картвельских (ср. груз. *daɣrčoba*, мегрел. *škwida*, сван. *li-šwid*) языках. Менее строгим образом такое совмещение проводится в нахском и дагестанском ареалах. Совмещение семантем 'тонуть' и 'душиться' в единой глагольной лексеме иллюстрирует авар. *гванкхизе*.

²¹ Ср. Хайдаков С.М. Следы классификации названий предметов по их внешним признакам в лакском языке. - Вопросы грамматики (Сборник статей к 75-летию акад. И.И. Мешанинова). М.-Л., 1960, с. 223-225.

Во всех группах кавказских языков в большинстве случаев проводится противопоставление лексем 'расти (о растениях)' и 'расти (о людях, животных)'. Ср. абаз. *гIайи-ра* с первым значением при *лахIа-ра* со вторым, кабард. *хэ-хуан* при *кэакIинн*, мегрел. *palua* при *rdualə* (тхому *paluns* 'ольха растет' при *baɣana irdü* 'ребенок растет'), сван. *li-šp-e* при *li-rd-i*. Такое же различие отчетливо выступает в большинстве нахско-дагестанских языков: ср. чечен. *кхи* при *дегI дакка* (*буц кхуьу* 'трава растет' при *бераша дегI чэтка докку* 'дети быстро растут'), ингуш. *кхие* при *дегI да* (*буц кхе* 'трава растет' при *бераша дегI чэтка дахь* 'дети быстро растут'), авар. *бижизе* при *гIезе*, лакск. *хавьхавьн* при *хьун хьун*, даргин. *бухьес* при *хала бикIес*, лезгин. *акьалтун* при *чIети хьун*, табас. *убучьуб* при *арьваж хьуб*, цахур. *алалес* при *хэрхьихьес* и т.д.²²

Интересен факт широкого распространения во всех группах кавказских языков модели 'имя + класть' в значении 'дать имя' 'назвать'. Она повторяется в большинстве нахско-дагестанских языков: ср. чечен. *цIе тилла*, авар. *цIар лъезе*, бежитин. *цIа гилал*, хинал. *цIу гIаши*, удин. *цIи лак-сун*. Эта же модель прослеживается по существу по всему картвельскому ареалу: ср. др.-груз. *saxelis debaj* (на-пример, *dasdwa mas saxeli Iordane* 'дал (букв. 'положил') ему имя "Иордан"'), мегрел. *saxeliš gedwala*, чан. *šoxoš odwala* и сван. *žaxe lidēsq*, встречающееся наряду с более обычным *li-žvine*). Наконец, она представлена и в абхазско-адыгских языках: ср. абхаз. *а-хьыциIа-ра*, кабард. *цIэ фIэцин*.

Общекавказским достоянием оказывается также обычное описательное обозначение радуги, нередко повторяющееся, впрочем, и в других областях лингвистической карты мира. Ср., например, для абхазско-адыгского ареала - абхаз. *а-хушца-маа* и кабард. *лэгьун-пикьу*, выявляющие единую внутреннюю форму 'ручка ковша', для картвельского ареала - груз. *si(s)-sartgela*, мегрел. *saš-orṭṭari*, сван. *dese lārtṭ* (во всех трех случаях здесь выступает метафора 'пояс неба'), и для нахско-дагестанского - чечен. *стела-Iад* 'дуга неба' (согласно мнению А.Н. Генко, в этом сложении пережиточно сохраняется вейнахское собственное имя бога грома *Stielə // Sielə*²³), авар. *чур-хьер* 'свет + свет', лакск. *ссурул ккуртта* 'дуга неба', арчин. *хIоIлош гертти* 'с неба дуга', даргин. *зур-хIяб* 'небесная полоса', лезгин. *аргIи руш* 'длинная девушка' (и диалектное *ирид-ране* 'семь цветов'), цахур. *хаIне-нур* 'звезда + кишка', рутул. *хаIле-ваз* 'на небе луна' (в обоих последних случаях, по-видимому, имеет место народноэтимологическое преобразование композита какой-то иной структуры).

²² Ср. Хайдаков С.М. Сравнительно-сопоставительный словарь дагестанских языков. М., 1973, с. 138.

²³ Генко А.Н. Из культурного прошлого ингушей. - Записки Коллегии Востоковедов при Азиатском Музее АН СССР, т. V. Л., 1930, с. 725-726.

Перечисление "идеосемантических" параллелизмов кавказских языков можно было бы, по всей вероятности, без труда продолжить. Главное, что не позволяет сделать этого в настоящей работе - почти полная необследованность конкретных языков в рассматриваемом плане. Между тем их специальное изучение способно составить одно из интереснейших направлений поиска общекавказских параллелизмов.

Можно указать, однако, на наличие целого комплекса определенных семантических точек, выражающихся с большей или меньшей степенью регулярности в представителях всех групп кавказских языков (и встречающихся также в некоторых иных языках Кавказа). В одной из своих работ В.А.Абаев писал в последней связи следующее: "Почти все кавказские языки имеют особое слово для обозначения даровой коллективной помощи при сельскохозяйственных и иных работах: осет. *ziw//zew*, ингуш. *белхи*, аварск. *гвай*, лезгин. *мел*, балкарск. *мамат* и др. Место сборища в ауле, название которого совпадает в осетинском, балкарском и рачинском [диалекте грузинского - Г.К., С.Х., А.Ш.] (осет. *пухас*), имеет свое особое наименование и в других кавказских языках: аварск. *жейин*, лакск. *даккаву*, лезгин. *ким* и др. Во многих кавказских языках имеется особое слово для обозначения животного с белым пятном на лбу: осет. *зуфар*, лезгин. *ккашка* и др."²⁴. Действительно, приведенные в этом высказывании иллюстрации из нахско-дагестанских языков без труда могут быть не только продолжены по другим из этих, а также картвельских и абхазско-адыгских языков, но и существенно расширены за счет обозначений некоторых других характерных реалий горского кавказского быта (например, надочажной цепи, открытого загона, пастушеского шалаша и т.п.). Ср., в частности, картвельские названия помощи миром - груз. *pad-i*, мегрел. *pod-i*, чан. *pod(e)r i//mez i*, сван. *päd//ned*; наименования животных с белым пятном на лбу - груз. *niqora* (о крупном рогатом скоте), *saqar-i* (о лошади), мегрел. *'wa-rania* (о крупном рогатом скоте), *'wa-saqara* (о лошади), сван. *kwäiril* (о рогатом скоте, лошади), *ixär* 'бык с белым пятном на лбу'; названия места собрания односельчан - мегрел. *zara//zara-la*, сван. *sup//swip* (этимологически, возможно, отвечающее грузинскому *sorel-i* 'селение, мир'); обозначения надочажной цепи - груз. *zaxw-i*, мегрел. *paqa//larqa*, чан. *keremuli*. Специальными лексемами передаются все упомянутые выше семантические точки и в абхазско-адыгских языках. Ср., например, адыгейск. *хас*, кабард. *хасэ*, абхаз. *а-усхэарта* 'сход, место схода', кабард. *щИхьэу* 'коллективная помощь', *натIэу* 'крупный рогатый скот с белой отметиной на лбу', абхаз. *а-цашьа* 'белолобая (корова)', кабард. *лвэъш*, адыгейск. *лвэъуч*, абхаз. *а-рахина* 'надочажная цепь'. Бросается в глаза, однако, что в отличие

²⁴ Абаев В.И. Происхождение и культурное прошлое осетин по данным языка. - В кн.: Абаев В.И. Осетинский язык и фольклор. М.-Л., 1949, с. 91.

от довольно сходной ситуации, засвидетельствованной в карпатском языковом ареале, здесь соответствующие понятия, как правило, передаются материально различными по языкам лексемами.

Естественно, что последний круг лексических параллелизмов имеет очевидную экстралингвистическую мотивацию. Ее принято усматривать в весьма сходных условиях общественной жизни, в течение многих столетий господствовавших на Кавказе (как свидетельствует этнография, например, на дочажная цепь, будучи символом домашнего очага, играла здесь в прошлом важную обрядовую роль).

Обращают на себя внимание и некоторые общекавказские фразеологические параллелизмы, до последнего времени не послужившие, впрочем, предметом специального исследования. Несмотря на это уже сейчас можно заключить, что одной из их наиболее ярких характеристик является изобилие устойчивых словосочетаний с опорными лексическими компонентами, обозначающими такие части человеческого тела, как сердце, голову, глаз, руку, душу, рот, лицо, нос и нек. др. Нетрудно заметить, что это обстоятельство также продиктовано экстралингвистическим фактором — исторически бытовавшими взглядами общества на сущность процессов, отображенных в идиомах (по справедливому мнению Х.Фогта, при этом приходится считать и с калькированием фразеологизмов с одних языков на другие). Так, в частности, согласно А.С. Чикобава, по материалам картвельских языков "сердце представляется центром мыслительных процессов, источником чувств, определителем темперамента и характера, а также поглотителем органических чувств (*gulis rewa* 'тошнота', *gulis žetogra* 'падение в обморок'); одним словом, ему вменяется выполнение функций мозга, сердца, желудка и, частично, периферийной нервной системы"²⁵. Один из авторов настоящей главы аналогичным образом отмечает, что "подобно древним народам античности, прадагестанцы и праахыцы центром духовной деятельности, интеллекта считали не мозг, а сердце. Поэтому слово 'сердце' в этих языках, естественно, является смысловым центром ряда словосочетаний и фразеологических единиц, выражающих такие важные понятия, как 'запомнить', 'забыть', 'выучить наизусть', 'подбодриться', 'пасть духом', 'полюбить' и т.д."²⁶ Характеризуя аналогичные факты кабардинского языка, Б.М. Карданов констатирует, что "среди фразеологизмов, связанных с душевными переживаниями, особое место занимают фразеологические единицы, где устой-

²⁵ Чикобава А.С. Чанско-мегрельско-грузинский сравнительный словарь. Тбилиси, 1938, с. 66. На груз. яз.

²⁶ Хайдахов С.М. Сравнительно-сопоставительный словарь дагестанских языков, с. 146; ср. также: Самедов Дж. Исследования семантики слов, обозначающих части тела человека (на материале дагестанских языков). — Исследования по структурной и прикладной лингвистике. М., 1975, с. 170-171.

чивым стержневым компонентом выступает имя - лексема *гუ* 'сердце'. Эта группа фразеологизмов наиболее многочисленна ... в кругу соматических фразеологизмов. По структурному составу данные фразеологизмы бинарны, но некоторые из них могут быть и трехкомпонентными..."²⁷

Предпринятое автором последней цитаты статистическое обследование довольно полного корпуса кабардинского материала показало, что с компонентом 'сердце' здесь функционирует 218 фразеологизмов, с компонентом 'душа' - 130, с компонентом 'глаз' - 111, с компонентом 'голова' - 58, с компонентом 'рука' - 52 и т.д. Эти цифры небезынтересно сопоставить с относительно близким числом соответствующих грузинских идиоматических выражений, зарегистрированных в фразеологическом собрании А.Л. Ониани. В последнем учтено 248 идиом с компонентом 'сердце', 145 - с компонентом 'голова', 60 - с компонентом 'рука', 55 - с компонентом 'глаз', 45 - с компонентом 'душа' и т.д.²⁸ Как свидетельствуют впервые собранные в последние годы материалы, очень близкий к названному круг опорных лексем оказывается наиболее продуктивным и в составе фразеологических единиц нахско-дагестанских языков. Так, например, в аварских идиомах максимально высока частотность употребления опорных субстантивов семантики 'голова', 'сердце', 'глаз', 'рот', 'рука'. Именно таково же место перечисленных лексем в одном из мелких языков авароандоцезской подгруппы - бежитинском. Согласно сообщению А.Г. Гюльмегомедова, в лезгинском языке наиболее обширными фразеологическими гнездами располагают такие субстантивы, как 'сердце' (174 единицы), 'голова' (167), 'глаз' (160), 'рука' (111). Очевидную особенность состава фразеологизмов в дагестанских языках составляет относительно низкая частотность в них опорной лексемы 'душа' (обращает на себя внимание и то обстоятельство, что в ряде случаев, например, во многих лезгинских языках, последняя оказывается заимствованной)²⁹.

К сказанному следует добавить, что идиоматические единицы этой категории занимают во фразеологическом фонде абхазско-адыгских, картвельских, а также нахских и дагестанских языков особенно заметное место не только в количественном отношении, но и по своим образно-метафорическим особенностям и экспрессивности. Отдельные ана-

²⁷ Карданов Б.М. Фразеология кабардинского языка. Нальчик, 1973, с. 102.

²⁸ Ониани А.Л. Грузинские идиомы. Тбилиси, 1966. На груз. яз.

²⁹ Магомеджанов М.М. Очерки по фразеологии аварского языка. Махачкала, 1972, с. 35-36; 121; Мациев А.Г. Очерки лексикологии современного чеченского языка. Грозный, 1973, с. 129-136; Гюльмегомедов А.Г. Лезги чІалан фразеологиядин словарь. Махачкала, 1975. На лезгин. яз.; Караев А.Г. Идиоматические выражения в цахурском языке (по данным говора с. Калел). Автореф. канд. дис. Баку, 1969.

логии общекавказского характера можно проследить и в их структурном оформлении.

Наконец, заслуживают быть отмеченными определенные сходства абхазско-адыгских, картвельских и нахско-дагестанских языков в отношении дескриптивной (т.е. звуко-символической и звукоподражательной) лексики, самый факт продуктивности которой рассматривается Г. Деетерсом в качестве общекавказской изоглоссы³⁰. Подобно многим другим языкам мира преимущественная сфера функционирования последней охватывает здесь несколько лексических групп, характерных для так называемого детского языка (*Ammensprache*). Не приходится удивляться и тому обстоятельству, что семантика входящих сюда слов нередко допускает существенное варьирование.

Во-первых, среди этих лексем следует назвать номенклатуру родства, в которой здесь широко популярны редуцированные звукокомплексы типа *мама, баба, папа, дада*, *рара* и их фонетические вариации³¹. Ср., например, абхаз. *нан* 'мать, бабушка', кабард. *нанэ* 'бабушка', груз., мегрел., чач. *папа* 'мама, колыбельная песня', чечен. *нана* 'мать', лакск. *нанна*, арчин. *кене* 'дитя, младенец'; абхаз. *мим* 'бука (привидение, которым пугают детей)', груз. *пама*, мегрел., чан. *пима* 'отец', авар. *эмен* (< *эмен) 'отец', лакск. *мямма* 'папа (обращение)', лезгин. *мума*, удин. *мамай* 'тетка (по отцу)'; абхаз. *дад* 'деда, папа (обращение)' 'дитя (обращение стариков к детям)', убых. *dad* 'отец (детское слово)', груз. *deda*, мегрел. *didá* 'мать', чечен. *дада* 'папа (обращение)', даргин. *дудеш* 'отец', арчин. *дада* 'дядя (обращение)', лезгин. *диде* 'мать'. Нетрудно заметить, таким образом, что кавказский материал составляет одно из наиболее заметных нарушений известной символической универсалии, согласно которой "можно с высокой степенью вероятности утверждать, что слово, обозначающее понятие 'мать', содержит носовую гласную"³².

Во-вторых, к этой категории слов относятся названия простейших видов еды, чаще всего передаваемые здесь также редуцированными звукокомплексами типа *рара, баба,*

³⁰ Deeters G. Указ. соч., с. 45.

³¹ Об этой категории слов см.: Яковлев Н.Ф. Термины 'мать', 'отец', 'сестра', 'брат', 'дочь', 'сын' в северокавказских яфетических и некоторых других языках. - Уч. зап. ин-та этнографии и национальных культур народов Востока. В. I. 1930; Панек Л.Б. О терминах родства в грузинском языке. - В кн.: Сборник музея антропологии и этнографии, т. XV. М., 1949; Он же. О некоторых терминах родства и грамматических классах в дагестанских языках. - Языки Дагестана, вып. II. Махачкала, 1954.

³² Гринберг Дж., Осеуд Ч., Джинкинс Дж. Меморандум о языковых универсалиях. - Новое в лингвистике, 1970, вып. с. 39; ср. в этой связи: Почуха В.А. Лексикология грузинского языка. Тбилиси, 1974, с. 81-82. На груз. яз.

кака, кока, гага и их разновидностями. Ср., например, кабард. *пIапIу* 'молоко (детск.)', груз., чан. *рара* 'каше (молочная)', чечен. *бен-иг* 'хлеб', гунзиб. *баба*, лакск. *пIапIа* 'хлеб (детск.)' (сюда же, вероятно, относятся ботлх. *пата* и чамал. *пату* 'легкий', а также удин. *пан* 'шелуха, огитки' и *проп* 'вид легкой приправы'), абхаз. *а-какан* 'орех', адыгейск. (шапс. диал.) *кIѣкIа* 'яйцо', груз. *қақа* 'зерно, ядро', мегрел. *қақа* 'штука, ядро', сван. *қак//қак* 'срех', бацб., авар. *гага* 'косточка (плода)', карат. *гага*, чамал. *джаджа* 'зерно', лезгин. *кама*, цахур. *кьакьа* 'яйцо (детск.)'.

В-третьих, к рассматриваемому фонду относятся обозначения отдельных частей тела, выражаемые преимущественно звуковыми комплексами типа *biʒ(i)*, *ʃ(u)a*, *ʃuq//ʃih*, *ʃuq*, *пага*, *кака//коко* и нек. др. Ср., например, адыгейск. *бидзи*, убыхск. *beʒ*, чан. *biʒi* 'грудь (женская)', груз. *biʒa*, 'дядя' (предлагавшиеся ранее картвельская и абхазская этимологии этого слова недостоверны: аналогичная лексема хорошо известна в армянском языке, а в письменных памятниках грузинского языка встречается, по-видимому, начиная с XII столетия), даргин. *абадзи* 'дядя', агул. *бидзи* 'грудь (женская)'; абхаз. *а-тата* 'мягкий', груз. *ʃu(a)*, мегрел. *ʃu* 'сосок (вымени)', чечен. *тIара*, даргин. *ути*, агул. *ветI*, табас. *тIтIа* 'сосок'; абхаз. *а-чыкы* (в случае исконности слова), груз. *ʃiʒw-i*, мегрел. *ʃiʒwagw-i* 'зоб (птицы)', авар. *чехь* 'желудок, живот', лакск. *чухь*, даргин. *чихь* 'зоб (птицы)'; абхаз. *а-кыркы*, кабард. *кьиркь*, груз. *gorg-i*, мегрел. *gorgel-i*, агул. *кьуркь* 'глотка' 'горло'.

Как можно заметить из приведенной совокупности иллюстраций, перечисленные здесь звуко-символические комплексы не обнаруживают строгой закрепленности за какой-либо определенной из названных семантических групп слов, а обычно распространены в нескольких³³. Неслучаен и тот за свидетельствованный факт, что нередко наблюдается семантическое несовпадение соответствующих лексем даже по диалектам одного языка³⁴. Должно быть естественным, что в названных категориях слов часто не обнаруживается ожидаемых по генетическим родственным языкам звуковых соответствий (поэтому, в частности, мнение о заимствованном характере ряда фундаментальных терминов родства из одних картвельских языков в другие³⁵, представляется необосно-

³³ Специально об этой категории лексем в картвельских языках см.: Neisser Fr. *Studien zur georgische Wortbildung. - Abhandlungen für die Kunde des Morgenlandes. Bd. XXXI, 2. Wiesbaden, 1953.*

³⁴ Ср.: Хайдаков С.М. Сравнительно-сопоставительный словарь дагестанских языков. с. 97-100.

³⁵ Ср.: Рогова Г.В. К вопросу о соотношении гласных груз. е, занск. і. Труды Тбилисского Университета, 164. Языкознание. Тбилиси, 1975, с. 37-41. На груз. яз.

ванным). Не приходится удивляться, наконец, и тому обстоятельству, что сходные звукокомплексы встречаются в подобных лексемах в самых различных языках мира (их довольно полный набор повторяется, в частности, в американских языках)

Для четвертой группы рассматриваемых слов - названий целого ряда птиц и насекомых - во всех кавказских языках характерны различные звукоподражательные комплексы. Среди них особенно часто встречаются: *gugu//kuku* - как обозначение кукушки, (*b*)*u*hu - совы или филина, *hophov//nut-hut* - удода, *gurɟ* - курицы-наседки, *dwa//kwa//ɣwa* - вероны или галки, *paɾaɪ* - бабочки, *xoɟ//xoɟ* саранчи или жука и др. Ср., например, адыгейск. *куку*, груз. *gugul-i*, сван. *gigu//dāgo*, авар. *гиго//гагу*, лакск. *ччикку*, арчин. *гукку*, лезгин. *кукупI* кукушка'; абхаз. *а-квѳерт*, адыгейск. *кѳурт*, мегрел. *krut-i*, ингуш. *кѳуртI*, чечен. *кѳурд-иг* 'наседка', лакск. *кѳуртI* 'клохтанье', лезгин. *кѳуртIуь* *верч*, цахур. *кIуртIи* *рутульск*. *кIуртI* 'наседка'; абхаз. *а-нарпаликI*, груз. *perela* 'бабочка' (ср. также груз. *paɾɪl-i* 'плавник рыбы'), мегрел. *paɾɪalia*, чечен. *полла*, удин. *пампалукI* 'бабочка', арчин. *пIаIрпIмла* 'перепелка' (ср. лезгин. *перпилаг* 'качели'); адыгейск. *хѳацIэ* в составе *хѳацIэ-пIацI* 'насекомое', груз., мегрел. *хоѳо* 'жук', лакск. *хѳацI* 'саранча'; лезгин. *хѳварцI* 'ядерица', табас. *хицI* 'клещ', 'жук'.

Наконец, в названии целого ряда специфических действий здесь характерными оказываются звукотипы: *pu* - 'дуть', 'вздуваться', *tu//tu* - 'плевать', *peɾ(x)* - 'летать', 'порхать', *swit* - 'свистеть', *gor//kor* - 'кататься', 'валиться', *xur//xɪur* - 'глотать', *zurz* - 'дрожать', *xixi//šiši* - 'хохотать', 'ржать' и др. Ср., например, абхаз. *а-кIѳвр-ра* 'катиться', адыгейск. *ун-кIѳвр-ийн* 'валиться', груз. *gor-wa*, авар. *гур-изе*, чамал. *гур-йла* 'скатываться', лакск. *ккур-ун* 'кататься'; абхаз. *а-та-хича-ра*, адыгейск. *кIэ-зэз-ин* 'трястись', груз. *zizena* 'приводить в смятение', мегрел. *zirzini* 'вопить', 'шуметь', лакск. *зурзу тIун* 'дрожать', лезгин. *зурз-ун*, агул. *зурз-ас* 'дрожать'.

Существуют, по-видимому, и отдельные общие для кавказских языков принципы звукописи. Ср., в частности, соотносительную роль в обозначении большей или меньшей интенсивности действия звонких шипящих, звонких свистящих абруптивных свистящих согласных (как она представлена в груз. *zizna* 'драть', 'щипать', *zizna* то же, *ɟiɟna* то же), а также в обозначении степени интенсивности признака посредством различения редуцированных и нередуцированных основ.

Нельзя, наконец, пройти мимо далеко идущего параллелизма в звукотипе дескриптивной лексики кавказских языков и соответствующих разрядов слов осетинского и армянского словарей. Ср., например, осет. *баба* 'дедушка', 'тятя', *дада* 'отец', *нана* 'мать', *мам* 'бука', 'пугало', *банна* 'хлеб' (принадлежащие "детскому" языку), *гага* 'зерно', 'ягода', *кѳуиртт* 'клохтанье', *хѳуиртт* 'глоток', *пѳер-*

по ср. 'поржание', гур-ун 'скользить', сряз-ин 'дрожать',
и мн. др.³⁶

Если исходить из принципиальной возможности генетического, типологического и ареального истолкования постулированных выше общекавказских изоглосс в принципах структурной организации лексики, то с наибольшей достоверностью можно утверждать обусловленность их большинства действием типологического фактора. Как известно, абхазско-адыгские и нахско-дагестанские языки являются представителями эргативного строя, а картвельские обнаруживают черты переходного состояния, от эргативного (или активного) к номинативному. Следует к тому же учитывать, что активный, эргативный и номинативный строй суть исторически смежные типологии языка.

По всей вероятности, именно типологический фактор стоит, в частности, за столь фундаментальными из отмеченных параллелизмами, как различные проявления глубинной оппозиции одушевленного и неодушевленного, а также личного и неличного начал, профилирующая оппозиция транзитивных и интранзитивных глаголов, признаки взаимной обособленности динамических и статических глаголов (очень близкой к оппозиции активных и стивных глаголов), которые в той или иной степени заявляют о себе в представителях активного, эргативного и номинативного строя. В то же время такая общая черта, как дублетные прилагательные, соотносимые с именами референтов различной формы, может, наконец, являться отдаленной реминисценцией классного распределения субстантивов, как оно представлено в современных языках классной типологии (и где, в частности, известно противопоставление именных классов плоских и округлых предметов).

Не исключена возможность генетического объяснения многих из этих изоглосс как исконного наследия некоторой в конечном счете единой языковой традиции прошлого. Однако нельзя не видеть того неблагоприятного в этом отношении факта, что за всеми рассматриваемыми структурными общностями абхазско-адыгских, картвельских и нахско-дагестанских языков за исключением дескриптивной (звуко-символической и звукоподражательной) лексики стоит совершенно различный материал: ср. разнообразие масдарной и каузативной деривации, различие субстантив супплетивных и дублетных глаголов, материальное несовпадение рассмотренных выше местоименных основ и т.п. Это обстоятельство не позволяет увидеть какие-либо межгрупповые фонетические корреспонденции, необходимые для признания их генетической обусловленности.

В настоящее время нет достаточно веских оснований говорить об ареальной мотивации засвидетельствованных в этой главе лексических общностей (исключение могут составлять некоторые фразеологические параллелизмы, как из-

³⁶ Ср.: Капанцян Г.А. О взаимоотношении армянского и лазо-мегрельского языков. Ереван, 1952.

вестно, довольно легко допускающие распространение от одного языка к другому³⁷). Вероятно, во многих случаях отмеченные здесь явления слишком значимы для языковой структуры в целом, чтобы их возникновение можно было приписать фактору межгрупповых контактов (ср., например, противопоставление транзитивных и интранзитивных глаголов, с одной стороны, и динамических и статических, с другой, наличие отглагольного имени действия и т.д.). В ряде других случаев имеем дело с непродуктивными явлениями, допустить факт диффузного распространения которых едва ли возможно (ср. повсеместное функционирование класса супплетивных в отношении числа категории глаголов, а также класса "аффективных" глаголов, обуславливающих специфическую конструкцию предложения). Однако прежде всего приходится подчеркнуть то, что пока ареальные исследования остаются наиболее отстающим участком кавказоведения, о роли фактора межъязыковых контактов в установлении общекавказских параллелизмов вообще судить крайне затруднительно. Напротив, важнейшую роль ареальных контактов невозможно отрицать в случаях участия в соответствующих изоглоссах таких некавказских языков, как осетинский, армянский и нек. др., на протяжении многих столетий тесно взаимодействовавших с локальными кавказскими субстратами. В частности, такие примеры противопоставления одушевленного и неодушевленного начал в армянском, как наличие референтно соотнесенных парных глаголов семантики 'лежать' (ср. *enkas* е 'лежит (неодушевл.)' при *paṛkaš* е 'лежит (одушевл.)'), 'тонуть' (ср. *xeidwel* 'тонуть (одушевл.)' 'задыхаться' при *horṭaṭwel* 'тонуть (неодушевл.)') и нек. др., по всей вероятности, должны быть обязаны фактору взаимодействия армянского языка с кавказскими. По мнению А.Г. Мартиросова, аномальная по отношению к индоевропейской норме трехчленная система личных местоимений 3-го лица в армянском языке не может быть объяснена вне факта воздействия со стороны кавказских языков³⁸. Этому же стимулу можно приписать и красноречивые аналогии в составе фразеологизмов кавказских языков, с одной стороны, и осетинского, с другой³⁹.

Небольшая часть из перечисленных в этой главе фактов обнаруживает очевидную экстралингвистическую мотивацию (особенности лексемного состава фразеологизмов, специфические термины, отражающие исторический уклад местного быта).

³⁷ Ср.: *Vogt H. La parenté des langues caucasiennes (un aperçu general). - Norsk Tidsskrift for Sprogvidenskap. B. XII, 1942, с. 250.*

³⁸ *Мартиросов А.Г. Местоимения в картвельских языках. Историко-сравнительный анализ. Тбилиси, 1964, с. 163-164. На груз. яз.*

³⁹ Ср.: *Абаев В.И. Происхождение и культурное прошлое осетин по данным языка, с. 73.*

Что же касается общностей, наблюдаемых в дескриптивной лексике абхазско-адыгских, картвельских и нахско-дагестанских языков, то они нередко встречаются в самых различных областях современной лингвистической карты мира. Следует полагать, что причины их становления, если снять их экстралингвистические стимулы, лежат уже в универсальных особенностях речевого аппарата человека (в частности, ребенка). Должно быть очевидным, однако, что исчерпывающее решение этого вопроса будет зависеть от прогресса в области теоретической разработки дескриптивного словаря в языках мира.

СИНТАКСИЧЕСКИЕ ОБЩНОСТИ

В качестве общекавказских структурных параллелизмов на синтаксическом уровне в данном разделе монографии рассматривается комплекс повсеместно распространенных в кавказской языковой области явлений (в некоторых случаях представленных в различных разновидностях, но сколько-нибудь отчетливо выступающих выражением общекавказской синтаксической модели). Здесь особенно акцентируются те из них, которые ввиду своей значимости имеют более или менее длительную традицию исследования в кавказском языкознании. Последнее обстоятельство, по мнению авторов, необходимо специально подчеркнуть, так как именно уровень изученности и, следовательно, количество накопленных наукой фактов, определяет в конечном счете и достаточно высокую степень надежности предлагаемых обобщений в качестве общекавказских.

Синтаксической доминантой, или, как нередко принято говорить в кавказоведении — "основной координатой"¹, всех структурных моделей предложения, функционирующих в абхазско-адыгских, картвельских и нахско-дагестанских языках, является финитное глагольное сказуемое. Оно здесь не только управляет связанными с ним именными членами, что, в частности, может определенным образом отражаться в их падежном оформлении, но и фактически организует самую конструкцию предложения. Таким образом, с точки зрения ранговой квалификации членов предложения глагольное сказуемое оказывается здесь рангом первой величины среди остальных его компонентов. Ср., например, груз. *deda saxl̄ši midis* 'мать домой идет' при *ceda-m pur-i gamoaxo* 'мать хлеб испекла', где в первой фразе оформление подлежащего *deda* 'мать' абсолютным (именительным) падежом обусловлено наличием в составе предложения интранзитивного глагола, а во второй фразе постановка его в форме эргативного падежа *deda-m* 'мать' и прямого дополнения — в форме абсолютного (именительного) продиктованы функционированием в ней в качестве сказуемого транзитивного глагола. Иначе говоря, в кавказских языках уже само лексическое качество глагола-сказуемого, или, как

¹ Ср.: Чикобава А.С. Проблема эргативной конструкции в иберийско-кавказских языках (основные вопросы ее истории и описательного анализа). — ЭКПЯРТ. Л., 1967, с. 19-20.

иногда, по-видимому, не совсем точно говорят, его семантика предопределяет структурную модель организуемого им предложения. Определенное падежное оформление именных компонентов предложения оказывается здесь в прямой зависимости от характера глагольного сказуемого и в той его конструкции, в которой в качестве предикативного центра выступают инверсивные ("аффективные", *verba sentiendi* и нек. др.) глаголы. Ср., в частности, адыгейск. *кIа-лэ-м тхылъэ-р иIэ* 'юноша имеет книгу', где подлежащее *кIа-лэ-м* 'юноша' при сказуемом, выраженном инверсивным глаголом обладания *иIэ* 'имеет' несет форму эргативно-дагального (точнее - эргативно-косвенного) падежа, а дополнение - форму абсолютного (именительного).

При учете ряда оговорок, которые необходимо сделать в отношении картвельских языков (на этих оговорках мы коротко остановимся в последующем изложении), общекавказским синтаксическим параллелизмом можно признать такую типологию предложения, в которой взаимно противопоставлены его эргативная, абсолютная ("номинативная" - большинства описательных грамматик), а также аффективная (инверсивная) конструкции. Существенное отличие эргативной конструкции предложения от абсолютной и аффективной в инвентаре членов составляет наличие в первой прямого дополнения (в иной терминологии - ближайшего объекта).

Эргативная конструкция предложения в ее противопоставлении абсолютной (номинативной) очень отчетливо характеризует синтаксический строй севернокавказских языковых группировок - абхазско-адыгской и нахско-дагестанской. Здесь глаголы, лексикализованные на два обширных по своему составу класса переходных и непереходных, автоматически задают предложению его эргативное или абсолютное построение. Таким образом, каждый из обоих глагольных классов характеризуется стабильностью обуславливаемой синтаксической модели предложения (иначе обстоит дело лишь с количественно весьма узким и к тому же непродуктивным классом переходно-непереходных или "диффузных" глаголов, встречающихся в абхазско-адыгских и нахско-дагестанских языках, способных в зависимости от семантического задания строить как эргативную, так и абсолютную конструкции предложения, вследствие чего они нередко покрываются термином "лабильные глаголы"²). Ср., напри-

² Чикобава А.С. Проблема эргативной конструкции в кавказских языках: стабильный и лабильный варианты этой конструкции. - Изв. ИЯИМК, т. XII. Тбилиси, 1942. - Представление о двоякого рода синтаксических потенциалах переходно-непереходных глаголов в рассматриваемых языках дает, например, адыгейское *икIэн* 'полоть'. С одной стороны, оно обуславливает эргативную конструкцию предложения: *лижым-м хатэ-р >-икIэ* 'старик огород полет (пропальвает)'. С другой стороны, оно образует и абсолютную конструкцию: *лижым-р ма-икIэ* 'старик полет (вообще), занимается прополкой'.

мер, лакское эргативное построение *тан-ал чигъар чивчун-ни* 'он письмо написал' при абсолютном - *гъарал ларчгун-ни* 'дождь пошел', аварское эргативное предложение *инсу-ца хур бе-къана* 'отец после пахал' при абсолютном - *эмен рокъове вуссана* 'отец домой вернулся', лезгинское эргативное *марфа-ди чун къежирна* 'дождь нас промочил' при абсолютном - *буба базардиз фена* 'отец на базар пошел' и т.д. Аналогичным образом в нахских языках модели предложения группируются в конечном счете вокруг транзитивных и интранзитивных глаголов, самым своим лексическим качеством обуславливающих разграничение эргативной и абсолютной конструкций предложения. Ср. чечен. *аса* (эргат. пад.) *ли молу* 'я воду пью' при *со* (абсолютн. пад.) *веана* 'я приехал' и др. (некоторые интересные особенности обнаруживает в этом отношении бацбийский язык³).

Из приведенных выше иллюстраций можно заметить, что в нахских и дагестанских языках, как правило, представлены так называемые смешанная и именная морфологические разновидности обеих конструкций предложения⁴. В первой из них, отражением которой являются приведенные аварские примеры, соответствующие субъектно-объектные отношения передаются как в словоформе глагольного сказуемого (ср. наличие классного показателя прямого дополнения в транзитивном глаголе и классного показателя подлежащего в интранзитивном), так и взаимно противопоставленными падежными окончаниями связанных с ним именных компонентов предложения (-ца - экспонент эргативного падежа, θ - абсолютного падежа). Во второй разновидности конструкций предложения, отражаемой приведенными лезгинскими примерами, эти же отношения выражаются исключительно падежными окончаниями связанных с глаголом-сказуемым именных компонентов предложения (-ди - экспонент эргативного падежа, $\emptyset$ - абсолютного падежа).

В абхазско-адыгских языках синтаксическая модель предложения зависит от глагольного сказуемого, финитная форма которого уже сама по себе в миниатюре воспроизводит все основные функционирующие в них конструкции предложения. Здесь глагол-сказуемое, который в парадигматическом плане четко различается по признаку переходности ~ непереходности (а также по признаку динамичности ~ статичности), постоянно выступает в качестве основного, стержневого компонента, которому принадлежит ведущая роль в организации предложения. Факты этих языков квалифицированы акад. И.И. Мещаниновым как особо важные и показательные для характеристики синтаксической силы глагола, выступающего, по его формулировке, в главном члене так

³ Ср.: Дешериев Ю.Д. Некоторые особенности эргативного строя предложения в бацбийском языке. - Язык и мышление, XI, 1948, с. 153-160.

⁴ О разновидностях рассматриваемых моделей предложения см.: Мещанинов И.И. Язык ванской клинописи (Die Van-Sprache). II. Структура речи. Л., 1935, с. 191-201; Климов Г.А. Очерк общей теории эргативности. М., 1973, с. 42-46.

называемой предикативной группы (в сказуемом) и имеющего в своем составе формальные показатели не только подлежащего, но также прямого (а в определенных случаях и косвенного) дополнения⁵. Характерные синтаксические особенности абхазско-адыгских языков, следовательно, можно объяснить лишь с позиций структурной модели их полисинтетично-агглютинативного комплекса, краткая характеристика которого содержится в следующей главе настоящей работы. Впрочем, сделать это удастся далеко не однозначно, так как даже при наличии реально существующего структурного единства глагола в этой группе сравнительно близкородственных языков типологический анализ в синхронном плане вскрывает существенные расхождения с точки зрения функционирования и синтаксической потенции словоизменятельных элементов по отдельным языкам. В последнем отношении особенного внимания заслуживают различия, которые наблюдаются здесь в способах передачи синтаксических конструкций транзитивного глагола.

В абхазско-адыгских языках, как и в нахско-дагестанских, противопоставление эргативной и абсолютной ("номинативной") конструкции предложения определяется лексическим качеством глагола-сказуемого и находит свое четкое выражение в морфологической структуре последнего. Абсолютная конструкция является во всех абхазско-адыгских языках конструкцией непереходного глагола (ср. адыгейск. *КIалэ-р къэкиуагъ* 'юноша пришел'), а эргативная - конструкцией переходного глагола: данное положение верно для построений со всеми временными формами последнего. При этом подлежащее в соответствии с нормами эргативной модели предложения оформляется эргативным падежом, а прямое дополнение - абсолютным ("именительным"): кабард. *ЩIалэ-м тхильм-р етх* 'парень письмо пишет'. В убыхском языке так же, как и в адыгских, основными признаками эргативной конструкции являются: сказуемое, представленное транзитивным глаголом, подлежащее, маркируемое формой эргативного падежа, и прямое дополнение в форме абсолютного ("именительного"). Ср., например, убыхск. *амэгэ-п атхэл(э)биен* 'юноша книгу видит'⁶.

Из изложенного видно, что в убыхском и адыгских языках, названные выше конструкции простого предложения с переходными и непереходными глаголами, отражены как на морфологическом, так и на синтаксическом уровнях. Отступление от такой картины, достаточно отчетливо выступающее и на примере эргативного построения предложения, имеет место в строе абхазского и абазинского языков.

Если в убыхском и адыгских языках, исходя из структуры простого предложения, содержащего в своем составе сле-

⁵ Мещанинов И. И. Основные виды синтаксических группировок. - Изв. АН СССР, ОЛЯ, т. XVIII, 1959, вып. 6, с. 490-499.

⁶ Dumézil G. La langue des oubykhs. Paris, 1931, с. 21; Он же. Le verbe oubykh. Études descriptives et comparatives. Paris, 1975, с. 9-10.

цифически организованную словоформу глагола-сказуемого и оформленные определенными падежными аффиксами именные компоненты, проблема выражения эргативной конструкции с достаточной очевидностью предстает в двух аспектах - морфологическом и синтаксическом, то в абхазско-абазинской подгруппе абхазско-адыгских языков передача конструкции транзитивного глагола, типологически отождествляющейся с эргативной, носит своеобразный характер. В условиях наличия в абхазском и абазинском языках некоторых особенностей, наиболее существенными из которых представляются фактическое отсутствие системы склонения, с одной стороны, и полиперсонализм транзитивного глагола, с другой, синтаксические взаимоотношения, характеризующие эргативную систему языка, сосредоточены здесь всецело в словоформе транзитивного глагола. Это означает, однако, что эргативная конструкция здесь опять-таки выдерживается достаточно рельефно⁷.

В абхазско-абазинской языковой подгруппе на личные (точнее - лично-классные) показатели глагола, выступающие также и в роли основных грамматических средств выражения переходности и непереходности, возлагается передача не только эргативной конструкции (при переходных глаголах), но и всех остальных функционирующих здесь синтаксических моделей простого предложения: абсолютной - при непереходных глаголах (ср. абхаз. *д-цойт* 'он (человек)-идет'), аффективной - при аффективных глаголах (ср. абхаз. *и-с-тацун* 'то-мне-хочется'). Синтаксическая конструкция транзитивного глагола в абхазском языке, соответствующая по своему содержанию эргативной конструкции других родственных ему языков, выражается, таким образом, путем размещения в строгой последовательности префиксов (личных и классовых показателей) в переходном глаголе. Ср., например, абхазскую глагольную словоформу *и-ли-с-трит* 'то-ей (женщине)-я-отдаю', где *и-* является показателем прямого дополнения, *ли-* - косвенного дополнения, *с-* - подлежащего. Однако в случае иной комбинации этих же префиксов в словоформе глагола коренным образом меняется и их синтаксическое назначение. Ср. абхаз. *с-и(а)а-л-трит* 'меня-ей (вещи)-она (женщина) отдает', где *с-* является показателем прямого дополнения (1-го лица), и *(а)-* - косвенного дополнения (грамматической категории класса вещей или подкласса мужчин) и *л-* - подлежащего⁸. Эту специфическую черту абхазского языка И.И. Мещанинов подчеркивал особо, так как она наиболее ярким образом подтверждала его мнение, согласно которому "выделение от"

⁷ Ср.: Мещанинов И.И. Язык ванской клинописи, с. 194-196; Чикобава А.С. Проблема эргативной конструкции в кавказских языках: стабильный и лабильный варианты этой конструкции, с. 224.

⁸ Ломтаидзе К.В. Категория переходности в абхазском глаголе. - Изв. ИЯИМК, вып. XII. Тбилиси, 1942. На груз. яз; Гецадзе И.О. К истории формирования эргативной конструкции в абхазском языке. - ЭЖЯРТ, Л., 1967.

ного лишь активного (т.е. эргативного. — Ф.Г., И.Г.) падежа, как бы оно ни было характерно для данной конструкции, все же недостаточно для ее наименования эргативной. Эргативная конструкция к тому же характеризуется не столько наличием особого эргативного падежа, сколько самой системой падежных противопоставлений⁹). При этом подлежащее и дополнения (как прямое, так и косвенное) как члены предложения остаются морфологически неоформленными и фактически выступают в роли как бы лексических приложений к соответствующим местоименным элементам, содержащимся в составе глагольной словоформы (аналогичное явление для определенных типов предложений в грузинском языке отмечалось еще А. Sommerфельтом¹⁰). Таким образом, в абхазско-абазинской подгруппе имеем дело лишь с так называемой глагольной разновидностью эргативной конструкции, равно как и всех других функционирующих здесь моделей предложения.

Своеобразие выражения синтаксических конструкций в абхазско-абазинской подгруппе оказывается тесно связанным с фиксированным порядком членов предложения и обратным ему порядком их морфологических показателей в словоформе глагола-сказуемого, о чем более подробно см. ниже на стр. 55. Здесь же необходимо отметить, что в убыхском и адыгских языках аранжировка личных префиксов в глаголе в принципе совпадает с существующей в абхазском и абазинском языках закономерностью их последовательности (варьирующей в зависимости от переходности или непереходности глагольных форм), однако линейные отношения членов предложения оказываются в этом плане не всегда релевантными, что, по всей вероятности, следует считать тесно связанным с историческим преобразованием былого классно-личного спряжения в чисто личное спряжение в адыгских языках и со снятием принципа детализации морфем абхазского типа в 3-м лице, являющейся источником образования основных синтаксических конструкций простого предложения в абхазско-адыгских языках в целом.

По крайней мере трех существенных оговорок требует тезис о функционировании эргативности в картвельских языках. Во-первых, как известно, она имеет здесь суженную сферу своего проявления. Эргативность ограничивается в картвельских языках построениями с глагольными словоформами аористных и результативных времен и уступает место номинативности в построениях с глагольными словоформами презентных времен. Ср., например, груз. *deda-m pur-i ga-*шоасхо 'мать хлеб испекла', где подлежащее несет марку эргатива -m, а прямое дополнение — марку абсолютного (именительного) падежа -i при *deda pur-s aс*шобс 'мать хлеб печет', где подлежащее имеет форму абсолютного (именитель-

⁹ Мещанинов И.И. Основные виды синтаксических группировок, с. 496-497.

¹⁰ Sommerфельт А. О понятии подлежащего в грузинском языке. — В кн.: Эргативная конструкция предложения. М., 1950, с. 185.

ного) падежа, а прямое дополнение – дательного-винительного на -s. Как впервые было замечено С.Л. Выховской и И.И. Мещаниновым, нормы эргативности соблюдаются в картвельских языках и в конструкциях с глагольными словоформами результативных времен (при этом в роли совмещающего функции эргатива выступает тот же аффикс -s: ср. груз. *deda-s pur-i gamousxua* 'мать, оказывается, испекла хлеб'). В то же время на материале этих языков, в том числе по прямым показаниям истории древнегрузинского литературного языка, установлена тенденция к постепенному преобразованию эргативного строя в номинативный¹¹.

Во-вторых, еще более важно подчеркнуть, что даже в указанных построениях предложения с глаголом в аористной или результативной временной форме можно говорить лишь о некотором приближении к нормам эргативности, поскольку наблюдается определенная специфика всего соответствующего синтактико-морфологического механизма. Так, с одной стороны, в картвельских языках налицо более или менее обширная совокупность интранзитивных глаголов, нередко характеризующихся в существующей грамматической традиции (в частности, в работах А.Г. Шанидзе¹²) в качестве мдиоактивных, но тем не менее обуславливающих эргативное построение предложения. С другой же стороны, напротив предложения со словоформой страдательного залога транзитивного глагола-сказуемого независимо от временной формы имеют номинативное построение. Ср., например, груз. *mezobel-ma* *ႃaapurtka* 'сосед плюнул', *ႃaႃl-ma daiႃera* 'собака полаяла', *dro-m ganwlo* 'время прошло', где -ma - показатель эргатива подлежащего при безобъектном интранзитивном глаголе, или груз. *saxl-i aႃenda muႃebis mier* 'дом построен рабочими', *ႃeril-i daiႃera tamis mier* 'письмо написано отцом', где -i - показатель именительного падежа подлежащего при транзитивном глаголе. Количеством мдиоактивных глаголов, обуславливающих эргативную конструкцию предложения, по-видимому, наиболее велико в грузинском языке (вместе с тем в его западных диалектах оно еще выше, чем в литературном). Немало их также в чанском и сванском. Ср., например, чан. *badl-k iႃiႃinu* 'старик (засмеялся)', *kulanl-k ibgaru* 'девушка (за)плакала', *ba-ba-k iႃaliႃu* 'отец (по)работал' или сван. *bobႃ-d esႃarā-le* 'ребенок (по)играл', *ႃeႃ-d esႃeႃde* 'собака полаяла', *maႃe-m adႃesႃwne* 'человек чихнул' и т.п. Обращает на себя внимание и то обстоятельство, что механизм функционирования личных показателей глагола в картвельских языках

¹¹ Ср.: Чикобава А.С. Проблема эргативной конструкции в иберийско-кавказских языках. I. Историческое взаимоотношение номинативной и эргативной конструкций по данным древнегрузинского литературного языка. Тбилиси, 1948. На груз. яз.

¹² Шанидзе А.Г. Основы грамматики грузинского языка. I. Морфология. – Труды кафедры древнегрузинского языка. 15. Тбилиси, 1973, с. 305. На груз. яз.

также существенно отличается от такого в представителях эргативной типологии. Бросается в глаза, в частности, неустойчивая позиция в глагольной словоформе показателя прямого дополнения (к тому же, обычно не отличающегося от показателя косвенного дополнения). Так, если он может отсутствовать в ряде форм двухместных транзитивных предикатов (ср. груз. *ga-w-tex-e* 'я сломал то', где налицо лишь субъектный префикс 1-го лица, или *ga-tex-e* 'ты сломал то'; *ga-tex-a* 'он сломал то', то в формах трехместных транзитивных предикатов он вообще оказывается неизвестным (ср. груз. *mo-m-s-a* 'он дал мне то', *m-i-txr-a* 'он сказал мне то', в которых представлены только показатели подлежащего и косвенного дополнения).

Наконец, третью оговорку необходимо сделать в отношении эргативности в мегрельском. Здесь следует подчеркнуть, что обычно квалифицирующийся в качестве показателя эргатива суффикс *-k* оформляет в мегрельском подлежащее при глаголе-сказуемом, представленном словоформами аористных времен, совершенно независимо от его транзитивности или интранзитивности: ср. мегрел. *doskurondu sira-k* 'испугалась девочка', *geboru boši-k sira* 'взял парень гирю', *zuabi-k kee'ogori bošis* 'девушка полюбила парню'. В то же время он никогда не выступает в объектной функции, столь характерной для абсолютного падежа. Таким образом, наиболее адекватной представляется квалификация соответствующего показателя в качестве алломорфы номинатива, что было по существу замечено еще И.И. Мещаниновым. Отмечая, что этот падеж занял в мегрельском место именительного падежа подлежащего при всех глаголах в формах аористных времен, И.И. Мещанинов полагал, что его "можно было бы назвать именительным, как единственный падеж подлежащего"¹³. Отсюда, естественно, должна следовать и невозможность признания здесь конструкции предложения с подлежащим в форме падежа на *-k* в качестве эргативной: во всяком случае больше оснований рассматривать ее как номинативную¹⁴ (вместе с тем не выявляет принципов эргативного строя и взаимодействие личных показателей в транзитивном глаголе-сказуемом, выступающем в составе этой модели предложения). В соответствии с существующей традицией форму имени на *-i* в мегрельском мы рассматриваем как номинатив (хотя благодаря своей субъектно-объектной функции она напоминает абсолютный падеж), и, следовательно, трактуем конструкцию предложения с подлежащим на *-i* также в качестве номинативной.

Как явствует из приведенных выше данных нахско-дагестанских, абхазско-адыгских и картвельских языков, для подавляющего большинства кавказских языков характерен так называемый смешанный тип эргативной и абсолютной конструк-

¹³ Мещанинов И.И. Общее языкознание. К проблеме стадийности в развитии слова и предложения. Л., 1940, с. 218.

¹⁴ Ср.: Климов Г.А. К эргативной конструкции предложения в занском языке. - ЭКПЯРТ, Л., 1967, с. 149-155.

ций предложения, т.е. тип, в котором отношения эргативности передаются как в словоформе глагольного сказуемого, так и в формах синтаксически связанных с ним именных членов предложения¹⁵.

Если опять-таки сделать определенную оговорку относительно положения дел в картвельских языках (в связи с чем см., в частности, стр. 15 настоящей монографии), то другой общекавказской синтаксической изоглоссы можно считать также аффективную конструкцию предложения, известную в значительной части кавказоведческих исследований под терминами "инверсивная", "дательная" и нек. др. (условность предпочтенного термина очевидна и обусловлена стремлением соотносить эту модель с определенной группой выступающих в ней глагольных лексем).

И в этой модели предложения основной синтаксической координатой оказывается сказуемое, представленное аффективным глаголом, которое при наличии в языке парадигмы склонения требует постановки связанных с ним именных компонентов предложения в особых падежных формах: подлежащего - в большинстве случаев в дательном падеже, а дополнения - в абсолютном ("именительном"). В абхазско-адыгских языках данная модель может быть проиллюстрирована адыгейск. *Игузи-м* (эргат.-косвенн. пад.) *кво итэ* 'женщина сына имеет' и кабард. *студентти-м* (эргат.-косвенн. пад.) *тхиллы-р итэц* 'студент имеет книгу'. В картвельских языках ее отражают, например, груз. *ბაწვ-ს* (дат.пад.) *deda ugvars* 'ребенок мать любит', сван. *სიცვ-ს* (дат. пад.) *ჯეუდ ხაღლუნი* 'кошка собаки боится', мегрел. *კაჭუ-ს* (дат. пад.) *ჯოჯორიზე ოჭკიცი* 'кошка собаки боится'. Наконец, в нахско-дагестанских языках примерами аффективной конструкции могут послужить ингуш. *со-на* (дат. пад.) *форд байнаб* 'я море видел', авар. *инсу-е* (дат. пад.) *жндирго льимер бокьула* 'отец своего ребенка любит', лакск. *тту-н* (дат. пад.) *та ккавккунни* 'я его увидел', цахур. *декки-с* (дат. пад.) *иккана эи* 'отец любит меня', хинал. *Мухтар-у* (дат. пад.) *тгу мухтэидумаь* 'Мухтар его знает'. Следует заметить, что в некоторых дагестанских языках подлежащее при части аффективных глаголов получает несколько иное падежное оформление. Ср., например, авар. *инсу-да* (местн. пад.) *жндирго вас вихьана* 'отец своего сына видел', чамал. *цтцтуйда-хе* (аффективн. пад.) *йди ида гуржийалдуб мицтцт* 'цезы знают грузинский язык', ахвах. *и^нчиссигис-се-а* (аффективн. пад.) *тваригвари ди ла^нги* 'первый увидел мою овцу'. Однако эта чисто морфологическая особенность, по-видимому, не затрагивает самой синтаксической структуры рассматриваемого построения.

При рассмотрении синтаксической структуры подобных построений необходимо обратить внимание и на то нередко не учитывавшееся в кавказоведческой литературе обстоятель-

¹⁵ Об этом свидетельствуют соответствующие параграфы очерков рассматриваемых языков в книге: Языки народов СССР, т. IV. Иберийско-кавказские языки. М., 1967.

ство, что ввиду перемещения и изменения синтаксического статуса "субъектно-объектных" лиц в этих построениях присутствующее в них дополнение, по-видимому, уже невозможно расценивать в качестве прямого (последнее предполагается наличием в предложении транзитивного глагола-сказуемого). В некоторых работах последнего времени его предлагается квалифицировать в качестве аффективного¹⁶.

В абхазско-абазинской подгруппе языков в силу отсутствия системы склонения передача аффективной конструкции предложения, как в обеих рассмотренных выше, возложена на личные (точнее - лично-классные) показатели в составе словоформы глагольного сказуемого. Ср. абхаз. *ды-с-гуацхоит* 'он (человек)-мне-нравится', *и-си-моуп* 'то (вещь)-я-имею', *и-с-цвеймгун* 'то (вещь)-я-ненавижу'.

В нахских и дагестанских языках рассматриваемая модель предложения представлена несколькими разновидностями, трактующимися согласно традиции описательных грамматик как "дательная", "локативная", "аффективная" и др. Такое положение связано с тем, что, например, в аварском языке глаголы *боквизе* 'любить' и *баквине* 'нравиться' обуславливают оформление подлежащего в дательном падеже, в то время как такие глаголы, как *бибвизе* 'видеть', *раглизе* 'слышать', *лвазе* 'знать' и другие требуют локативного падежа подлежащего. Примерно такая же картина наблюдается и в некоторых андийских языках, а также в цахурском, где помимо датива в подлежащем при сказуемом, выраженном глаголом чувственного восприятия, используется и специальный аффективный падеж. Однако, если учитывать, во-первых, сходство семантики глагола-сказуемого, выступающего в подобных построениях, и, во-вторых, общность семантики падежей, оформляющих в них подлежащее, имеются веские основания квалифицировать различные построения такого рода не как особые конструкции предложения, а как варианты его по существу единой аффективной модели.

Наконец, чрезвычайно интересные факты перестройки "дательной" конструкции предложения засвидетельствованы в картвельских языках. Здесь целый ряд глаголов уже лишь семантически определяемых как *verba sentiendi* (ср. груз. *хедва* 'видеть', *содна* 'знать', *გრძნობა* 'чувствовать') в настоящее время обуславливает только абсолютную (номинативную) или эргативную конструкцию. Другие исторически аффективные глаголы, еще сохраняя в презенсной серии времен аффективное построение, в аористной уже нередко обнаруживают отклонения от последнего. При этом утрачиваются не только особые синтаксические потенции этих глаголов, но и преобразуется их морфологическая структура, которая нередко уподобляется структуре транзитивных или интранзитивных глаголов (ср. груз. *zayli ჯეუდვარდა სხენს* 'собака полюбилась лошади'). В грузинской грамматической традиции эти глаголы нередко рассматриваются как подкласс ин-

¹⁶ Ср.: Алексеев М.Е. Проблема аффективной конструкции предложения. Автореф. канд. дис. М., 1975, с. 10.

транзитивных¹⁷. Особенно существенным образом сократилось место "дательной" конструкции предложения в мегрельском и чанском. Здесь даже наиболее характерные для кавказских языков "аффективные" глаголы нередко обуславливают иные конструкции предложения: ср. чан. *biçi-k qorops bozo-s* 'парень любит девушку', где даже при презенской словоформе глагола подлежащее оформлено падежом с маркой -к.

Вообще процесс постепенного ограничения сферы аффективной конструкции предложения во всех группах кавказских языков едва ли может быть поставлен под сомнение и составляет еще одну их общность в плане синтаксической структуры.

Весьма отчетливо этот процесс проявляется в абхазско-адыгских языках, в которых наблюдается все более усиливающаяся тенденция сближения аффективных (инверсивных) глаголов с транзитивными. В плане синтаксической квалификации данного явления, в этих языках можно отметить тенденцию замещения аффективной конструкции предложения эргативной. Об этом, возможно, говорит употребление в качестве падежа подлежащего этой конструкции в адыгских языках эргативно-косвенного падежа: ср. кабард. *студентт-м тхылъыр итэщ* 'студент имеет книгу'. В абхазском и абазинском языках словоформа глагола-сказуемого рассматриваемой конструкции даже с точки зрения аранжировки субъектно-объектных личных показателей обычно уже идентична со словоформой транзитивного и различие в морфологической структуре обоих сохраняется в настоящее время лишь в формах их повелительного наклонения (ср. абхазскую транзитивную форму *и-л-гоит* 'то-она-несет' при аффективной *и-с-гуащхойт* 'то-я-люблю' 'то-мне-нравится' с первой префиксальной позицией, в обоих случаях занятой показателем объекта и второй позицией, занятой показателем субъекта), хотя и в синтаксической структуре с указанной группой глаголов сохраняется норма интранзитивного глагола-сказуемого. Ср. абхаз. *ацкун иаб д-и-шьтеит* 'мальчик за отцом погнался', *сара аша д-си-мазам* 'у меня брата нет' (букв. 'мне брата не имеется')¹⁸. Необходимо отметить также, что рассматриваемая здесь тенденция "сближения" аффективной конструкции предложения с эргативной затрагивает структуру первой значительно глубже, чем это можно было бы предполагать, и которая, в частности, находит свое выражение в своеобразной аналогии в отражении ее дополнения и в характере морфологического показателя последнего в абхазском глаголе. Было установлено, например, что в словоформе абхазского транзитивного глагола показатель пря-

¹⁷ Шанидзе А.Г. Грамматический субъект при некоторых непереходных глаголах в грузинском. - Труды кафедры др.-груз. языка ТГУ, 7, 1961. На груз. яз.; ср.: Биховская С.Л. Объективный строй *verba sentiendi* (предварительный очерк). - Язык и мышление, вып. VI-VII, 1936.

¹⁸ См. подробнее: Гецадзе И.О. Инверсивные глаголы (*verba sentiendi*) в абхазском языке. - "Лингвистические исследования". Л., 1970, с. 329 и след.

мого дополнения может отсутствовать в том случае, если оно непосредственно предшествует сказуемому: ср: пословицу *аҭцхуа Ө-з-мамиз ажа, аҭцхуа Ө-з-маз амц и-а-цҭку-на цом* 'бесхвостая (букв. 'которая хвоста не имеет') коро-ва отгоняла мух от хвостатой' (букв. 'которой хвост имеет'). То же самое явление засвидетельствовано и в построениях типа *цэгъа Ө-зи-м-бац бзиара Ө-и-здиршам* 'не видевший плохого, хорошего не узнает' (пословица)¹⁹.

Процесс постепенного сужения сферы аффективной конструкции предложения достаточно ошутим, по нашему мнению, и в нахско-дагестанских языках. В специальной литературе отмечалось, например, что в нахских языках (особенно - в бацбийском, отчасти - в диалектах ингушского языка) встречается случай параллельного употребления аффективной и эргативной конструкций предложения при одних и тех глаголах чувственного восприятия, что может быть истолковано как свидетельство контаминации аффективных глаголов с транзитивными: ср. бацб. *МитГу-и. хво гу || Мит-Ю-с хво гу* 'Мито тебя видит'²⁰ (такой контаминации, возможно, способствует оформление имени объекта аффективной конструкции абсолютным падежом). В одном из дагестанских языков аваро-андоцезской группы - ахвахском - З.М. Магомедбекова констатирует следующую картину: "Глаголы чувственного восприятия, которые в аварском языке требуют реального субъекта в локативном падеже на -da, в цеgebском говоре ахвахского языка требуют подлежащего в эргативном падеже:

dinde ba'i	'я знаю'
dinde hajgwara	'я увидел'
dinde anʔira	'я услышал'

В цеgebском, как видно, эти глаголы стали настоящими переходными глаголами как формально, так и по содержанию. Это - вторичное явление, но довольно интересное для постепенной эволюции таких глаголов"²¹. В даргинском литературном языке, по свидетельству З.Г. Абдуллаева, аффективная конструкция предложения выступает ныне только при единственном глаголе *дигес* 'любить' 'хотеть': при

¹⁹ Гецадзе И.О. К вопросу об эргативной конструкции предложения в абхазском языке. Канд. дис. М., 1961, с. 145.

²⁰ Дешериев Ю.Д. Особенности эргативной конструкции предложения в нахских языках. - Вопросы грамматики. Сб. статей к 75-летию акад. И.И. Мещанинова. М.-Л., 1960, с. 56-57; Также: Климов Г.А. Очерк общей теории эргативности, с. 149.

²¹ Магомедбекова З.М. Ахвахский язык. Грамматический анализ, тексты, словарь. Тбилиси, 1967; ср.: Она же. О некоторых синтаксических особенностях глаголов чувственного восприятия в аварско-андийских языках. - Вопросы синтаксического строя иберийско-кавказских языков. Нальчик, 1977, с. 247-249.

этом синтаксические взаимоотношения ее членов внешне не отличаются от взаимоотношений членов эргативной конструкции: ср. даргин. *наб жуз дигулра* 'я хочу книгу' и *наб меш дигахтис* 'я люблю мать'²².

Прямое дополнение ("ближайшее дополнение" - по иной терминологии) во всех кавказских языках, аналогично другим представителям эргативного строя, обнаруживает особенно тесную синтаксическую связь со сказуемым, включаясь в его группу. Об этом здесь свидетельствуют, в частности, весьма характерная для прямого дополнения приглагольная позиция, его постановка в подавляющем большинстве случаев в виде так называемой чистой основы и т.п. Ср., например, кабард. *Шти еез* 'землю он-ее-пашет' для абхазско-адыгских языков, груз. *სანთა აიო* 'сумку взял-он' для картвельских языков, авар. *хур бекъана* 'поле пахал(а)' для нахско-дагестанских. Об этом же говорят отдельные факты пережиточной инкорпоративной связи обоих членов предложения, встречающиеся преимущественно в картвельских и абхазско-адыгских языках. Сюда можно отнести такие бесспорные архаизмы древнегрузинского, как *აგა ჯაკლა* 'не убей человека' (букв. 'не человек-убей'), *მან ყაყად-გო* 'он завопил' (букв. 'он вопль-сделал'), *ჟმად-გო* 'он заговорил' (букв. 'голос-сделал'), *რატივ-ეს მამასა ზენსა* 'уважай отца своего' (букв. 'уважение-дай отцу твоему') и т.д.²³ Именной компонент в транзитивных глаголах данного типа является прямым дополнением при глаголе-сказуемом в составе эргативной конструкции предложения: *მან პატელ-გეს* 'он (эргат. пад.) освятит вас' (букв. 'он светвам-даст') и т.п. Интересна в этой связи структура деепричастных конструкций в абхазском языке: ср. *ла-мба ла-чха-уп* 'не видящий глаз терпелив' (букв. 'глаз-не-видя...'), где прямое дополнение также представлено чистой основой²⁴. Не менее интересны в этом отношении и другие факты абхазско-адыгских языков. В убыхском и абхазском языках "имя ряда номинатива (субъект, объект), если оно непосредственно предшествует глаголу, не отражается в нем соответствующим показателем: оно как бы само входит в состав глагола, например, убых. *აџ-қан*, абх. *აџә-сојт* 'лошадь-идет', убых. *аџә-з-бејан*, абх. *аџә-з-бојт* 'лошадь-я-вижу' и т.д."²⁵ Из нахско-дагестанских языков явление ино-

²² Абдуллаев З.Г. Даргинский язык. - Языки народов СССР, т. IV. Иберийско-кавказские языки. М., 1967, с. 520-521.

²³ Осидзе Е.А. Глаголы типа *ყაყად-გო* в древнегрузинском языке. - ИКЯ, т. XII. Тбилиси, 1960, с. 267-273.

²⁴ Ломтатидзе К.В. Бессубъектные формы абхазского переходного глагола. - ИКЯ, т. II. Тбилиси, 1948, с. 1-17.

²⁵ Ломтатидзе К.В. Отражение в глаголах члена предложения рода номинатива в абхазско-адыгских языках. - Четвертая региональная научная сессия по историко-сравнительному изучению иберийско-кавказских языков. (Тезисы докладов). Нальчик, 1971, с. 7.

корпорации подобного типа отмечено для удинского²⁶.

В некоторых нахско-дагестанских языках такое тесное синтаксическое единство прямого дополнения и сказуемого послужило предпосылкой возникновения одной частной словообразовательной модели, которая привела к становлению здесь группы непереходных глаголов из исторически переходных, ныне обуславливающих так называемую безобъектную эргативную конструкцию предложения. Именно таким образом сложились, например, даргинские формы интранзитивного глагола типа *ягIбарра* 'я вытерпел, выдержал' (при *ягI* 'терпение', 'выдержка' и *бар-ра* 'я сделал'), *квасбарра* 'я решил' (при *квас* 'решение' и том же *бар-ра*) и др., до сих пор предполагающие постановку подлежащего в форме эргативного падежа²⁷. Еще Н.Ф. Яковлев обратил внимание на существование эргативной конструкции предложения при некоторых подобных глаголах в чеченском языке²⁸. По-видимому, аналогичное явление встречается и в картвельских языках. Ср. др.-груз. *urap-man mona-sa sca* 'господин побил раба' с исторически эллиптированным именным компонентом *matraxi* 'плеть'²⁹ (от этих конструкций следует отличать картвельские построения типа груз. *qas-ma szlia mgels* 'человек одолел волка', *spilo-m sdia qas-s* 'слон преследовал человека', исторически едва ли предполагавшие наличие в предложении еще какого-либо дополнения).

Особенно далеко идущий параллелизм обнаруживают все группы кавказских языков в порядке размещения членов предложения. Подобно другим языкам, знающим различные способы передачи синтаксических отношений (и, в частности, достаточно развитую морфологическую систему), они могут быть в какой-то мере охарактеризованы как представляющие так называемый свободный порядок слов, что более заметно на фоне тех отличий, которые наблюдаются в этом отношении между повествовательным, вопросительным, восклицательным и повелительным предложениями. Тем не менее и здесь существуют весьма определенные правила словопорядка.

В отношении всех кавказских языков более или менее справедливо следующее высказывание М.М. Гаджиева о закономерностях линейных отношений в лезгинском языке: "Порядок

²⁶ Джейранишвили Е.Ф. Удийский язык. Грамматика, хрестоматия, словарь. Тбилиси, 1971, с. 126-127. На груз.яз.

²⁷ Абдуллаев З.Г. Очерки по синтаксису даргинского языка. М., 1971, с. 286.

²⁸ Яковлев Н.С. (при участии Хумпарова А.У., Саидова У.С., Бекова А.С.). Синтаксис чеченского литературного языка. I.-Л., 1940, с. 38-39.

²⁹ Ср. *Deeters G. Die kaukasischen Sprachen.* - In: *Handbuch der Orientalistik. Bd. VII. Armenisch und kaukasische Sprachen.* Leiden - Köln, 1963, с. 57. - Впрочем, для древнегрузинского скорее были характерны построения типа *man sca luertxita kerpsa mas* 'он ударил посохом идола' с орудным дополнением'.

слов в простом предложении в лезгинском языке... в общем является свободным в том смысле, что в нем, за исключением отдельных случаев, нет такого положения, когда изменение порядка слов вызывает изменение синтаксических отношений между ними... При всех этих изменениях порядка слов синтаксические отношения, следовательно, и основная смысловая связь между ними остаются без изменения. Однако эта свобода в расположении слов является условной, так как можно сказать, что в лезгинском, особенно литературном, языке существует определенный порядок слов, который является более употребительным, более обычным, чем другой. Нарушение этого порядка вызывает изменение оттенков мысли, выраженной в предложении, и поэтому используется для смыслового подчеркивания того или иного слова. Больше того, в отношении отдельных словосочетаний лезгинский язык вообще не допускает изменения порядка, так как оно влечет за собой изменение основных синтаксических отношений между словами"³⁰.

Наиболее общее правило расстановки слов может быть сведено для кавказских языков к следующей формулировке: все зависимые слова находятся в антепозиции по отношению к управляющим ими (эта формулировка может быть нарушена в случаях особого актуального членения предложения или, как принято говорить в кавказоведении, — "стилистической инверсии"). При этом особенно тесная антепозиция указывает на максимальную синтаксическую зависимость предшествующего члена от последующего.

В соответствии с этим правилом, наиболее последовательно выдерживающимся в повествовательном предложении, максимально дистантные линейные отношения прежде всего характеризуют его главные члены — подлежащее и сказуемое: по норме, одинаково господствующей в абхазско-адыгских, картвельских, нахских и дагестанских языках, подлежащее тяготеет к начальной ("маргинальной левой") позиции во фразе, в то время как сказуемое — к конечной ("маргинальной правой"). Соответственным образом локализируются здесь в предложении и синтаксические группы обоих: группа подлежащего, как правило, выступает в начале предложения, а группа сказуемого его замыкает. Ср. кабард. *унэ къуагъим къыкъуэкиа хьэр занцизэ дидейкиэ къицизэлхуащ* 'Из-за угла дома появившаяся собака сразу же побежала в нашу сторону' — для абхазско-адыгских языков, чан. *Molla Nasredini ar dya ar didi kaqališ tude xetu* 'Мулла Насреддин однажды под большим ореховым деревом сидел' — для картвельских и лакск. *чIаравсса вацIлува бувкIсса бурцIил, пIалав бует хук, хуымав хуэсса тта бувкунки* 'Из соседнего леса пришедший волк, проникнув в хлев, съел старую овцу' — для нахско-дагестанских (в приведенных иллюстрациях отчетливо выступает обычная здесь локализация в предложении групп подлежащего и сказуемого). Необходимо вместе с тем заме-

³⁰ Гаджиев М.М. Синтаксис лезгинского языка, ч. I. Простое предложение. Махачкала, 1954, с. 12-13.

титель, что в длинных предложениях ощутима тенденция некоторого взаимного приближения подлежащего и сказуемого. Естественно, что менее дистантно и положение подлежащего и сказуемого, переданного аналитической глагольной формой, что характерно для дагестанских языков.

Прямое дополнение во всех группах кавказских языков обнаруживает ярко проявляющуюся тенденцию к непосредственной препозитивной постановке по отношению к глагольному сказуемому. Следует заметить, что подобно другим языкам комплетивная синтагма (прямое дополнение + сказуемое), как и атрибутивная (определение + определяемое) в кавказских языках объединены и интонационно. Ср., в частности, единый нисходящий тон комплетивной синтагмы в грузинском: /*oriwem/ \tawi* *šayuna* 'оба опустили головы'³¹. В то же время позиция косвенного дополнения в целом оказывается здесь менее устойчивой. Чаше всего косвенное дополнение располагается перед прямым. Ср., например, абхаз. *sara* *Кама аџаа* *илџструит* 'я Каме яблоко отдал' для абхазско-адыгских языков, чан. *šobanik* *aγas* *mšxuri* *užwinarṭu* 'пастух хозяину овец пас' - для картвельских, цахур. *Кьурбане* *йичойс* *гурт алишу* 'Курбан сестре рубашку купил' - для нахско-дагестанских.

Разновидности определений (адъективные, генитивные и др.), большей частью предшествуют в рассматриваемых языках своим определяемым независимо от того, к какой части речи они относятся. Ср. абхаз. *sara* *си-напи* 'моя рука', *ани афабрика* 'та фабрика', *биж саат* 'семь часов'; груз. *šawi* *twalebi* 'черные глаза', *es* *šigni* 'эта книга', *zūwis* *siγme* 'глубина моря', *sxa* *pošare* 'девять учеников'; авар. *дир Дагъистан* 'мой Дагестан', *хераб чу* 'старая лошадь', *лџмалазул рагъ* 'драка ребят', *кџиго гьалмас* 'два товарища'.

Вместе с тем еще один из пионеров отечественного кавказоведения Г. Розен заметил, что наиболее существенные отступления от этого правила встречаются в абхазско-адыгских языках³². Дело в том, что в последних некоторые категории определений оказываются в постпозиции по отношению к своим определяемым. В частности, в адыгейском языке сюда должны быть отнесены следующие группы определений: выраженные качественными прилагательными (*мэз шџвуха* *лџэ* 'лес зеленый'), причастиями, выраженными чистой глагольной основой в положительной и отрицательной форме (*лџмубл* 'неначатое дело', *унэ шџигвакџ* 'только что выстроенный дом'), причастиями прошедшего времени (*шџџвац* *благъ* 'заплетенные косы'), приложениями-существительными (*лџџџо-мэлаџџи* 'пастух чабан'), числительными (*нџбгиритџу* 'два человека'). Даже при одном определяемом подобные опреде-

³¹ Алхазидзе А.А. Порядок слов и интонация в простом повествовательном предложении грузинского языка. - Фонетический сборник. 1. Тбилиси, 1959, с. 373-374.

³² Rosen G. Ossetische Sprachlehre nebst einer Abhandlung über das Mingrelische, Suanische und Abchasische. Berlin, 1846, с. 73.

ления выстраиваются в единую постпозитивную цепочку³³. Сходные отклонения засвидетельствованы и в абхазско-абазинской подгруппе этих языков. Так, в абхазском постпозитивными оказываются определения, выраженные качественными прилагательными (*алагажв рццха* 'старик несчастный') и отдельными другими определениями (*ауаа зэгви* 'люди все')³⁴.

Как известно, в древнегрузинском языке также встречаются отступления подобного рода. Ср. обычную здесь постпозицию прилагательных, причастий (*saqđari didi* 'трон великий', *saqwiwelebani miutxrobelni* 'чудеса несказанные'), притяжательных местоимений (*dideba ženi* 'величие твое', *upali čweni* 'господь наш'), генитивных определений (*ena sesklisaj* 'язык огня', *kerpni kwisani* 'идолы каменные') и некоторых других слов. Однако их природа до настоящего времени остается весьма неясной. Нередко полагают, что это один их архаизмов, поддержка которому усматривается в некоторых приемах картвельского словообразования и отчасти в топонимических названиях Грузии. Все же не исключено, что эти явления опосредствованы словопорядком, засвидетельствованным в подлинниках языка древнегрузинской переводной литературы. В последней связи небезинтересно упомянуть и другую очевидную особенность древнегрузинского словопорядка, заключающуюся в таком факте, как нередкое выдвигание глагольного сказуемого в начало предложения (ср. *xolo ganipqna qelni twsni ımrtisa mimart neřarman šio da xadoda žemced...* 'и воздел руки свои к богу блаженный Ши и воззвал на помощь...').

Наконец, разновидности обстоятельств в абхазско-адыгских, картвельских, нахских и дагестанских языках также обычно тяготеют к антепозиции по отношению к слову, к которому они относятся, а нередко вообще выдвигаются в начало предложения. Ср., например, абхаз. *абастви хцан* 'пойдем отсюда!', *ус баша сцон аул* 'шел я просто так', *саргви даара истажим...* 'я тоже очень не хочу...'; груз. *udrood agiwlda sadyac mamali* 'не во-время запел где-то петух', *šwid ateul čels ise miuaxlowda...* 'к семи десяткам лет она так приблизилась...', *mere rogor ido* 'потом как было?', лакск. *танал чанну дукай* 'он мало ест', *тти зун аишинна* 'теперь я начну работать', *кГурссан на Москоелив уссияв* 'в позапрошлом году я в Москве был'.

Если оставить в стороне позиции определений и обстоятельств, то характерный для различных моделей предложения кавказских языков словопорядок может быть схематически отражен следующим образом (S - обозначение подлежащего, V - сказуемого, O₁ - прямого дополнения, O₂ - косвенного дополнения, O₃ - аффективного дополнения). Для абсолютной ("номинативной") конструкции предложения это схема S - (O₂) - V, для эргативной конструкции это

³³ *Розава Г.В., Нерашева Э.И.* Грамматика адыгейского языка. Краснодар - Майкоп, 1966, с. 376-377.

³⁴ Ср.: *Циклолиа М.М.* Порядок слов в абхазском языке. Тбилиси, 1973, с. 86-95. На груз. яз.

схема S - O₂ - O₁ - V, для аффективной это схема S - O₃ - V (аналогичные линейные отношения характеризуют и постсессиивную конструкцию предложения, особо выделяющуюся в нахско-дагестанских языках). Для иллюстрации ср. абхаз. *Куаста Нина ашэку илитэит* 'Костя Нине книгу дал'; кабард. *Мурат сабийм мыГэрьсэ кыжхуишэжуаш* 'Мурат ребенку яблок купил', груз. *šep wiγacas sigareṭs vṭxow* 'ты ū кого-то сигарету просишь', чан. *Omerik ar kunxhiši tude mončare-ri miqi koziṛu* 'Омер под одним кустом спелую ежевику увидел'; лакск. *буттал цала арсан билет лавсунни* 'отец для своего сына билет купил'; авар. *Муслиматица тукадаса чед бачГана* 'Муслимат из лавки хлеб принесла'³⁵.

Во всех рассматриваемых языках оказывается вместе с тем возможным обозначение выбора темы сообщения (так называемая вторичная топикализация) изменением линейных отношений членов предложения. Так, еще по наблюдениям Н.Ф. Яковлева, в чеченском языке "любое слово может быть поставлено перед сказуемым (на его обычном месте) и сказуемое может быть поставлено после любого члена предложения (на его обычном или необычном месте). Слово, стоящее перед сказуемым, получает главное подчеркивание в предложении"³⁶.

Например, лакское предложение эргативной модели в зависимости от коммуникативного задания допускает по крайней мере - при сохранении характерной приглагольной позиции прямого дополнения - тройкое построение:

1. *ОврчГал ччан гъавгъунни* 'мальчик ногу сломал'
2. *Ччан гъавгъунни оврчГал* 'ногу сломал мальчик'
3. *Гъавгъунни ччан оврчГал* 'сломал ногу мальчик'.

Цахурская фраза *Къурбане йичойс гурт алишшу* 'Курбан сестре рубашку купил' допускает при определенных условиях по крайней мере еще три вариации словоупорядка:

1. *Къурбане гурт йичойс алишшу*
2. *Гурт Къурбане йичойс алишшу*
3. *Йичойс гурт Къурбане алишшу.*

По-видимому, еще большую в этом отношении свободу можно наблюдать в даргинском языке (естественно, что и здесь конкретное словорасположение имеет ту или иную мотивацию):

1. *Нуни мура дердира* 'я сено скосил'
2. *Дердира нуни мура* 'скосил я сено'
3. *Мура дердира нуни* 'сено скосил я'
4. *Мура нуни дердира* 'сено я скосил'
5. *Нучи дердира мура* 'я скосил сено'
6. *Дердира мура нуни* 'скосил сено я'³⁷.

³⁵ О порядке слов в кавказских языках см.: Яковлев Н.Ф. Указ. соч., с. 15-21; Почтун Б.А. К вопросу о порядке слов в грузинском языке. - ИКЯ, т. XIII, 1962, с. 109-124. На груз. яз.; Циколия М.М. Указ. соч.

³⁶ Яковлев Н.Ф. Указ. соч., с. 20.

³⁷ Абдуллаев З.Г. Очерки по синтаксису даргинского языка, с. 27-28.

В ряде других случаев порядок слов выполняет особую синтаксическую функцию, обуславливая собой определенное содержание предложения с определенными синтаксическими взаимоотношениями между его членами. Так, если в причастных конструкциях имя объекта (в форме абсолютного падежа) ставится перед причастием, то причастие имеет значение действительного залога, а если имя объекта (в форме этого же падежа) находится после причастия, то причастие приобретает значение страдательного залога. Например, в андийском языке имеем:

хур бекъиб има 'поле пахущий отец'
бекъиб хур 'вспаханное поле'.

В предложениях, в которых употреблены два определения (согласованное и несогласованное) при одном определяемом, изменение порядка слов приводит к иному содержанию. Так, например, при одном словопорядке даргин. *рурсила жагаси хIева* и лакск. *душнил ххуйсса хъухъа* обозначают 'красивое платье девушки' (букв. 'девушки красивое платье'), при другом - даргин. *жагаси рурсила хIева* и лакск. *ххуйсса душнил хъухъа* - 'платье красивой девушки' (букв. 'красивой девушки платье').

Аналогичные факты можно проследить и в других кавказских языках. Так, в частности, в нахских языках в ряде словосочетаний от локализации составных компонентов зависит а) значение действительного и страдательного причастия: бацб. *йоохъ йециги // йецигин кIнат* 'парень, любящий девушку' (букв. 'девушку любящий парень', *йоохъ* 'девушка' и *кIнат* 'парень' оформлены показателем абсолютно-го падежа), но *кIнатан йециги // йецигин йоохъ* 'парнем (букв. 'парню' - дат. пад.) любимая девушка', или *йециги йоохъ* 'любимая девушка'; б) какое слово выступает в функции определения и определяемого: *йоохъ йециги кIнат* 'девушку любящий парень' и т.д.³⁸

Принцип расположения членов предложения по-разному может варьировать не только в повествовательных, но и в других типах простого предложения, что, в частности, особенно заметно в вопросительных предложениях. Так, например, в бацбийском языке в тех случаях, когда вопрос выражен вопросительной частицей (а также наречием или местоимением) на первое место выдвигается вопросительное слово, а вслед за ним - подлежащее или сказуемое: ср. *маца венат лоум?* 'когда ты пришел (// приехал) в горы?', *ме вуштIа скIолаи?* 'кто идет сегодня в школу?' Такой порядок слов в вопросительном предложении нередко оказывается нарушенным в зависимости от тех или иных стилистических оттенков: *хъб кIнат миче ва?* 'твой сын где находится?'. В последнем предложении словосочетание *хъб кIнат* стоит в центре высказывания и, соответственно, выдвигается в крайне левую позицию. Когда же вопрос получает мор-

³⁸ Дешериев Ю.Д. Бацбийский язык. Фонетика, морфология, синтаксис, лексика. М., 1953, с. 278.

фологическое выражение, то в этом случае обычно соблюдается словопорядок, характерный для повествовательного предложения: *шу бадри скиолаи ихуи?* 'ходят ли ваши дети в школу?'. В тех случаях, когда вопрос морфологически выражен в форме отрицательной частицы, сказуемое может занимать первое место: *иди лехвиуши кхъ каниз?* 'не собираете ли вы завтра виноград?'. Если вопрос передается посредством интонации, то в конце предложения может находиться обстоятельство, которому предшествует сказуемое: *ахь духт ханехь вуатIахь Шираик?* 'ты надолго едешь в Шираки?'³⁹.

Синтаксическое назначение порядка слов в предложении особенно рельефно выделяется в абхазско-адыгских языках и прежде всего - в их абхазско-абазинской подгруппе. Здесь своеобразии построения различных синтаксических оборотов оказывается тесно связанным именно с определенным порядком членов предложения и обратным порядком расположения их морфологических показателей в форме интранзитивного глагола. В предложении с двухличным переходным глаголом первое позиционное место занимает подлежащее, второе - прямое дополнение. Ср. абхаз. *сара азџаб дж-з-гойт* 'я (сара - подлежащее) девушку (*азџаб* - прямое дополнение) заберу' в глагольном сказуемом которого налицо, однако, обратный порядок соответствующих морфологических показателей. В предложении с трехличным глаголом за подлежащим следует косвенное дополнение, а в словоформе глагола-сказуемого показатель косвенного дополнения следует непосредственно за показателем прямого дополнения: ср. ари *анхиз-ба ажва хаакуа и-ле-и-дон* 'он (этот) девушке слова приятные говорил'. Наконец, в предложениях с двухличным непременным глаголом порядок следования именных компонентов, соотносящихся с субъектом и объектом действия, совпадает с порядком расположения соответствующих показателей в глагольной словоформе: *сара бара си-б-знушин* 'я тебя (класс женщин) ожидал'⁴⁰.

Расположение членов предложения в абхазском и других абхазско-адыгских языках может также изменяться в зависимости от дополнительных факторов, вызываемых специфической речевой ситуацией - различным актуальным членением предложения (при этом порядок следования личных глагольных показателей в составе словоформы глагольного сказуемого остается стабильным). Хотя это положение и может быть распространено на представителей всех групп кавказских языков, здесь будет едва ли уместным на нем специально

³⁹ Дешериев Ю.Д. Бацбийский язык. Фонетика, с. 254.

⁴⁰ Услар П.К. Абхазский язык. - Этнография Кавказа. Языкознание. II. Тифлис, 1887, с. 55; Ломтаидзе К.В. Категория переходности в абхазском глаголе. - Изв. ИЯЛИК, вып. XII. Тбилиси, 1942. На груз. яз.; Гецадзе И.О. К вопросу об эргативной конструкции предложения в абхазском языке (автореф. канд. дис.). Л., 1962; Циколиа М.М. Указ. соч., 1974.

задерживаться, поскольку оно достаточно отчетливо реализуется и в сопредельных с Кавказом языковых областях.

Из множества структурных типов словосочетаний, засвидетельствованных в абхазско-адыгских, картвельских, нахских и дагестанских языках, общекавказскими следует считать предикативные, комплетивные ("объектные") и атрибутивные. Так как они не составляют синтаксической специфики рассматриваемых языков на фоне их окружения, здесь они не рассматриваются более близким образом.

Среди способов синтаксической связи слов в предложении по всем кавказским языкам широко представлены управление, примыкание и координация. В то же время подлинное согласование, т.е. повторение одним членом синтагмы формы ее другого члена, встречается относительно реже. Оно более распространено в картвельских языках, где встречается главным образом в атрибутивной синтагме: ср. груз. *mta-s mačal-s* 'гору высокую', *mta-m mačal-ma* 'гора высокая'. В древнегрузинском литературном языке согласование находило широкое применение не только в атрибутивной, но и в комплетивной синтагме: ср. *idow-n-a močuas-n-i* 'нашел (он) друзей', *otx-n-i žeanaçewr-n-a* 'четверых сочленила (она)'.

На базе примыкания в кавказских языках широкое распространение приобретает так называемая групповая флексия, сущность которой сводится к тому, что соответствующиморфологические показатели несет на себе лишь последующий член синтагмы. Для абхазско-адыгских языков ср., например, абхаз. *a-čъи хъва-ква* 'серые лошади', где налицо формант множественного числа *-ква* (*a-čъи* 'лошадь', *хъва* 'серый'), адыгейск. *биракъ пльжъ-хэ-р* 'красные знамена', где имеется формант множественного числа *-хэ* и формант абсолютного падежа *-р* (*биракъ* 'знамя', *пльжъ* 'красный'). Для явления "групповой флексии" в картвельских языках ср. чан. *didi ža-s* 'большому дереву', *didi žal-ere-s* 'большим деревьям', где *-ere* - суффикс множественного числа, а *-s* - окончание датива (*didi* 'большой', *žal*/žal-^c 'дерево'), груз. *pačara saxl-is* 'маленького дома' (*-is* - флексия генитива), *pačara saxl-it* 'маленьким домом' (*-it* - флексия тв. падежа). К этому же явлению в нахско-дагестанских языках ср. карат. *čикорой йаше* 'красивая девочка', *čикорой йаше-лъил* 'красивая девочка' (*-лъил* - окончание эргатива), *čикорой йаше-лъийа* 'красивой девочке' (*-лъийа* - окончание датива).

Определение, выраженное количественным числительным, обычно примыкает к своему определяемому, сохраняющему при этом форму единственного числа. Ср., например, мегрел. *sumi da* 'три сестры', *witi tuta-ži* 'десяти месяцев' (*-ži* - род. пад.), *amšwi uškur-it* 'шестью яблоками' (*-it* - тв. пад.). Для нахско-дагестанских языков ср. лезгин. *кьве гада-ди* 'два мальчика' (*-ди* - флексия эргатива), *кьве гада-диз* (*-диз* - флексия датива). Одно из отклонений от этого правила налицо как будто в абхазско-адыгских языках: ср. адыгейск. *кIэли-тIу-м* 'два юноши' (*-м* - окончание эргативно-косвенного падежа), *кIэли-тIо-у* 'в двух

юношей' (-у - окончание превратительного падежа). Впрочем, следует учесть, что в последних примерах, где компонент *тIу // тIо* - числительное 'два', имеет место "групповая флексия", о которой только что говорилось.

Управление бывает в кавказских языках односторонним и взаимным. Одностороннее управление характерно, например, для атрибутивных словосочетаний, в которых направление зависимости идет от определяемого к определению. Ср. груз. *x-is saxli* 'деревянный дом', *adamian-is guli* 'человеческое сердце' (где *-is* - окончание генитива), авар. *чод-ул векеи* 'бег лошади', *вацас-ул квер* 'рука брата' (где *-ул* - флексия род. падежа), адыгейск. *Хьисэ-м ипагь* 'шапка Исы', *столи-м ил'вакьу* 'ножка стола', *укэ-м иш'хь* 'крыша дома' (где *-м* - показатель эргативно-косвенного падежа).

В плане особенностей глагольного управления в абхазско-адыгских, картвельских, нахских и дагестанских языках обращает на себя внимание специфическое управление именными членами предложения со стороны каузативного глагола, образованного от переходного. Его особенность заключается в том, что имя объекта каузации оказывается здесь в позиции не прямого дополнения, как того можно было ожидать, а в позиции косвенного, о чем свидетельствует, в частности, его морфологическое оформление. Ср., например, адыгейск. *лIижги-м кIалэ-м чэми-р регвацэ* 'старик парня заставляет вести корову'⁴¹, груз. *тапа-м ზვილ-ს პირ-ი მოაჭანა*. 'отец сына заставил принести хлеб', аваг. *ди-ца дос-да тIехь цIализабуна* 'я его заставил читать книгу', лакск. *буттал арснахь чатт ласун бунни* 'отец заставил сына принести хлеб'. Впрочем, последнее обстоятельство не мешало Н.Ф. Яковлеву называть это дополнение не только "вторым объектом", но и даже "вторым прямым дополнением"⁴²

А.А. Бокарев пишет по поводу данной особенности кавказских языков следующее: "Если оставаться в пределах этих формальных взаимоотношений между объектом и понудительным сказуемым, можно было бы предположить, что понуждение направлено не на фактического производителя действия, а на объект вынуждаемого действия, так что как бы его понуждают к тому, чтобы вынуждаемое переходное действие было произведено над ним. С такой ориентацией понуждения на объект вынуждаемого действия вполне согласуется оформление того лица, которое фактически производит действие (т.е. объекта понуждения в современном понимании) местным падежом 1-й серии. Как увидим ниже, этот падеж широко распространен в качестве формы косвенного дополнения, выражающего предмет в отношении к которому совершается какое-либо действие. Поскольку с формальной точки зрения, по согласованию классных показателей, действие понуждения ("заставил") и вынуждаемое переходное действие (например, "прочитать") имеют один и тот же объект (например, <<книгу>>, постольку объект понуждения (в современном понимании) с той же фор-

⁴¹ Ср.: Рогавя Г.В., Керашева З.И. Указ. соч., с. 259.

⁴² Яковлев Н., Ашхатаф Д. Грамматика адыгейского литературного языка. М.-Л., 1941, с. 51.

мальной точки зрения не может быть ничем иным, как косвенным дополнением по отношению к действию понуждения, и должен быть оформлен не падежом прямого объекта, одинаково с объектом вынуждаемого действия, т.е. именительным, а только падежом косвенного дополнения. Таким образом, с точки зрения формальной подоснову современного переходнопонудительного предложения, например, *дица досда тIеяхь цIализабуна* 'я заставил его читать книгу' следует видеть в предложении *дица тIеяхь гьабуна досда цIализе*, в котором *гьабуна* 'сделал', 'заставил' - сказуемое, *досда* - 'в отношении к нему', *тIеяхь* 'книга' - прямое дополнение, *цIализе* 'читать' - форма, показывающая цель понуждения, так что не 'его', а 'книгу' делали способной к чтению. Современное понимание переходнопобудительного предложения находится, таким образом, в противоречии с формальным строением предложения, и ему, очевидно, должно было предшествовать какое-то другое, породившее его строение⁴³. Нельзя исключить, однако, что данное явление имеет не диахроническое а синхронное обоснование. В частности, его правомерно искать в некоторых особенностях реализации противопоставления признаков глагольной переходности ~ непереходности в рассматриваемых языках. Вместе с тем следует, вероятно, учитывать и то обстоятельство, что, как уже отмечалось в I-й главе, каузативные глаголы совмещают здесь и семантику пермиссива, предполагающего наличие в предложении косвенного дополнения: ср. груз. *მცემს-მა კამეხებს ყაღ-ი და-ა-ღევ-ი-ნ-ა* 'Пастух напоил буйволов', 'Пастух дал буйволам напиться', лакск. *Омардул авчинахь ттупанг битан бунни* 'Омар помог охотнику выстрелить из ружья'.

Другую общекавказскую изоглоссу аналогичного плана составляет управление семантически транзитивного глагола-сказуемого косвенным (и иногда прямым и иным) дополнением, при котором реальный объект действия оказывается переданным косвенным дополнением. В числе подобных глаголов чаще бывают: 'бить', 'ударять', 'слушать', 'смотреть', 'кусать', 'целовать' и нек. др. Как известно, на данную особенность управления подобных глаголов впервые обратил внимание еще Г. Шухардт, приводивший среди других ее иллюстраций чеченскую фразу *ваша-с джалие-на гьаж йетта* 'брат собаку палкой ударил' (букв. 'брат собаке (дат.пад.) палку (абсол. пад.) ударил')⁴⁴. В последней связи Н.Ф. Яковлев отмечал позднее, что в чеченском языке "прямое дополнение в значении орудия употребляется при переходных глаголах со значением: 'тереть', 'мазать', 'бить', 'бросать', 'совать', 'втыкать', 'колоть'. Смысловое прямое дополнение в этом случае ставится в дательном, или, реже, в местном падеже"⁴⁵. Соответствующая аналогия засвидетельство-

⁴³ Бокарев А.А. Синтаксис аварского языка. М.-Л., 1949, с. 63.

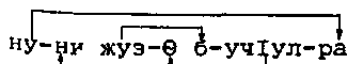
⁴⁴ Ср.: Шухардт Г. О пассивном характере переходного глагола в кавказских языках. - В сб.: Эргативная конструкция предложения. М., 1950, с. 38.

⁴⁵ Яковлев Н.Ф. Указ. соч., с. 45.

вана и в абхазско-адыгских языках. Ср. кабард. *Ізхъуэ-р жэм-им баш-кІэ еуаш* 'пастух палкой корову ударил' (букв. 'пастух корове палкой ударил') и словоформы *й-о-дзакъэ* 'он его кусает', *й-о-Іунци* 'он его толкает', *й-о-пІэстхъ* 'он его царапает', *й-о-кхъу* 'он его тянет', *й-о-лхъІу* 'он его просит', *й-о-хъэ* 'он его ждет', *й-о-джэ* 'он его зовет', *й-о-бзей* 'он его лижет', характеризующиеся морфологической структурой интранзитивного глагола. Ср. также абхазскую глагольную словоформу *д-ли-с-ит* 'он ее ударил', морфологическая структура которой отличается аранжировкой своих личных показателей от структуры словоформ транзитивных глаголов (в абхазском языке таким же образом строятся словоформы глаголов 'тянуть', 'просить', 'толкать', 'схватить', 'ждать', 'звать', 'кусать', 'обгонять', 'поддерживать' и нек. др.).

Наконец, такая же модель управления хорошо известна и из картвельских языков: груз. *gwel-ma ukbina bawšw-s* (дат. пад.) *rex-ze* (послелог локативной семантики) 'змея укусила ребенка за ногу', мегрел. *gwel-k kaacaminu bačana-s* (дат. пад.) *kučxe-š* (дат. пад.) 'змея укусила ребенка за ногу', *didak kaacudu bačana-s* (дат. пад.) *čwa-s* (дат. пад.) 'мать поцеловала ребенка в щеку', чан. *čičila-k koči-s* (дат. пад.) *nučkomu* 'змея человека укусила', сван. *dede* (им. пад.) *lexdajan bobš-s* (дат. пад.) *ačbaži* (послелог локативной семантики) 'мать поцеловала ребенка в щеку'. Из фразы *ambors uqwes urtiertas nečar-ta ma-t* 'облобызали друг друга блаженные', а также из приведенного выше на стр. 49 примера *upal-man mona-sa* (дат. пад.) *sca* 'господин ударил слугу' должно явствовать, что аналогичная модель управления именами была представлена и в древнегрузинском языке.

Взаимное управление глагола и связанных с ним именных членов предложения обычно квалифицируется в кавказском языкознании как координация. Этот специфический вид синтаксической связи осуществляется во всех группах рассматриваемых языков между финитным глагольным сказуемым, подлежащим и прямым дополнением. Иначе говоря, координация наблюдается здесь в составе эргативной конструкции предложения. Существенно заметить, впрочем, что взаимное управление может быть постулировано фактически только в тех кавказских языках, где последняя конструкция представлена ее так называемым смешанным морфологическим типом, в котором отношения эргативности передаются как в структуре глагола-сказуемого, так и в структуре именных членов предложения. Представление о его сущности дает, например, даргинская фраза *ну-ни жуэ б-учІул-ра* 'я книгу читаю'. С одной стороны, здесь глагольное сказуемое обуславливает оформление подлежащего в эргативном и прямого дополнения в абсолютном падеже. С другой стороны, сказуемое оформляется префиксальной маркой *б-*, соотносящейся с прямым дополнением, и личным суффиксом *-ра*, соотносящимся с подлежащим:

Если примыкание и управление широко распространены и в сопредельных языковых областях, то координация существенно обособляет синтаксическую структуру кавказских языков от структур представителей соседствующих с ними языковых семей (следует добавить, однако, что понятие взаимного управления не является в современном кавказском языкознании общепринятым).

Сложное предложение представлено в рассматриваемых языках преимущественно сложносочиненным типом. В то же время развитые типы сложноподчиненных предложений, по-видимому, ограничены картвельскими и, отчасти, нахскими языками, что обусловлено функционированием здесь относительных местоимений и других средств подчинения. Ср., впрочем, более осторожную формулировку Г. Деетерса, согласно которой, "среди всех кавказских языков только южнокавказские с древних времен располагают придаточными предложениями с финитными глагольными формами"⁴⁶. Моделям сложноподчиненных предложений картвельских языков в абхазско-адыгских и нахско-дагестанских обычно отвечают особые обороты с использованием причастных и деепричастных форм глагола, выступающих в качестве эквивалента зависимого сказуемого первых. Ср., например, лезгинское предложение *накъ ада ч(у)курна-ч(у)курна, зи балкIан галудайла, за ам гатана* 'когда он вчера, скакавши, мою лошадь утомил, я его побил', где помимо основного предикативного центра *гатана* 'побил' налицо повтор глагольной словоформы прошедшего времени *ч(у)курна*, играющий роль деепричастия 'скакавши', а также деепричастие временного значения *галудайла* 'утомив'. В специальной кавказоведческой литературе уже неоднократно высказывалась точка зрения, согласно которой сложноподчиненное предложение представляет собой дальнейшее развитие простого предложения с причастными, деепричастными и подобными оборотами⁴⁶.

Сочинение в абхазско-адыгских, картвельских, нахских и дагестанских языках характеризуется грамматическим равновесием обоих предложений. Каждое из них является структурно законченным целым и может служить самостоятельным предложением. Семантически сочиненные предложения могут быть самостоятельными и законченными. Однако сочиненное предложение допускает здесь также отсутствие семантического равновесия: сложносочиненные предложения могут быть союзными и бессоюзными, т.е. построенными посредством интонационного выделения последовательности членов предложения, что нередко исключает необходимость употребления союзов. Например, авар. *киналго релътана, амма Меседу гIодана* 'все засмеялись, но Меседу заплакала'. Ср., однако, в то же время авар. *сордо бачIана, бакъ мугIрузде тIерхьун ана* 'наступил вечер, солнце зашло за горы'.

⁴⁶ Deeters G. Указ. соч., с. 74.

⁴⁷ Ср.: Яковлев Н.Ф. Указ. соч., с. 176-180; также: Гаджиев М.М. Синтаксис лезгинского языка, ч. II. Сложное предложение. Махачкала, 1963.

Становление рассмотренных в настоящей главе синтаксических общностей абхазско-адыгских, картвельских и нахско-дагестанских языков может получить неоднозначное толкование. Из способных его объяснить трех основных факторов - типологического, генетического и ареального - наиболее надежным представляется обращение к первому из них. При этом в виду имеется возможность истолкования перечисленных здесь структурных параллелизмов в плане не формальной, а содержательной типологии, в теоретическом аппарате которой выработаны понятия номинативного, эргативного и активного строя.

Так, прежде всего бросающаяся в глаза особая типология предложения кавказских языков, профилирующим противопоставлением которой признается в специальной литературе оппозиция эргативной и абсолютной ("номинативной") конструкций, таксономически объясняется принадлежностью этих языков (с отмеченными оговорками в отношении картвельских) к классу эргативных. В последних обе конструкции обуславливаются функционированием здесь двух основных классов глагольных слов - транзитивных и интранзитивных.

Контенсивно-типологическое истолкование напрашивается и в отношении другого синтаксического параллелизма рассматриваемых языков, каковым следует считать аффертивную (инверсивную) конструкцию предложения. Эта специфическая модель, как правило, неизвестная номинативным языкам и нередко отсутствующая в эргативных, в последних работах рассматривается в качестве одной из импликаций активного строя, поскольку выделение особой лексической группы обуславливающих ее предикатов непроизвольного действия и состояния получает свою структурную мотивацию, по-видимому, только в его системе. Тем самым функционирование аффертивной конструкции предложения во всех группах кавказских языков может рассматриваться в них в качестве в той или иной степени сохраняющегося структурного архаизма. Действительно, в пользу подобного понимания говорит, по всей вероятности, и характерная для абхазско-адыгских, картвельских и нахско-дагестанских языков тенденция к постепенному преобразованию этой модели, особенно надежно удостоверяющаяся на материале картвельских языков (и прежде всего - на фактах богато документированной истории древнегрузинского).

Характерный для всех групп кавказских языков словоупотребление в предложении также находит свое объяснение в принципах содержательной типологии. Дело в том, что его схемы $S - O_2 - O_1 - V$ для эргативной конструкции и $S - (O_2) - V$ для абсолютной, будучи особенно характерными для представителей эргативного строя, встречаются и в ряде номинативных языков (например, в некоторых из финноугорских).

Не исключено, что в этом же плане следует искать объяснение и отмечавшейся на стр. 57 общекавказской специфики управления каузативного глагола-сказуемого синтаксически связанными с ним именными компонентами предложения (хотя обращает на себя внимание и попытка истолкования данного факта, предпринятая А.А. Бокаревым).

Вместе с тем в этом направлении находят свое оправдание и некоторые затронутые в настоящей главе структурные отклонения картвельских языков от абхазско-адыгских, нахских и дагестанских: как установлено в специальной литературе, первые характеризуются уже далеко зашедшим процессом номинативизации своей структуры.

Конечно, вполне допустимо истолкование рассмотренных здесь абхазско-адыгских синтаксических изоглосс и в генетическом аспекте. Перечисленные в настоящей главе черты могут оказаться структурным наследием предполагаемого многими кавказоведами исконного родства абхазско-адыгских, картвельских и нахско-дагестанских языков.

Здесь как нигде в другом месте необходимо учитывать одно немаловажное обстоятельство, всегда затруднявшее построение сравнительно-исторического синтаксиса даже для тех языков, генетические связи которых не внушают каких-либо сомнений (ср., в частности, соответствующие трудности, дающие себя знать в сравнительной грамматике индоевропейских языков и их отдельных групп). Как известно, оно заключается в характерном модельном представлении лингвистами синтаксических явлений, абстрагированных от их определенного материального наполнения конкретными лексемами. В условиях сопоставления кавказских языков, материальные расхождения различных групп которых неоднократно подчеркивались в специальной литературе, такая специфика синтаксических явлений становится особенно ощутимой (хотя при построении сравнительно-исторического синтаксиса отдельных групп кавказских языков — особенно картвельских — в целом ряде случаев существует возможность сопоставления соответствующих фактов и на уровне их материального воплощения).

Представляется, что хорошо известное из теоретического языкознания положение о сравнительной легкости перенесения синтаксических моделей из одних языков в другие путем калькирования не может быть применено к устанавливаемым в этой главе общностям. Это связано с тем обстоятельством, что рассмотренные здесь синтаксические параллелизмы абхазско-адыгских, картвельских, нахских и дагестанских языков оказываются слишком фундаментальными для структур всех этих языков, чтобы при объяснении их генезиса можно было апеллировать к фактору языкового взаимодействия на Кавказе. В частности, выше уже указывалось, что такие синтаксические общности рассматриваемых языков, как противопоставление эргативной и абсолютной ("номинативной") конструкций предложения, а также функционирование аффертивной конструкции предложения, составляют важнейшие черты их структуры, вопрос о контактном распространении которых едва ли вообще уместен. Не видно никаких оснований приписывать ареальному фактору и какие-либо из других рассмотренных в настоящей главе абхазско-адыгских синтаксических изоглосс (в частности, основные принципы словопорядка в предложении, координацию как особый способ синтаксической связи членов предложения, постепенную деградацию аффертивной конструкции предложения и др.).

МОРФОЛОГИЧЕСКИЕ ОБЩНОСТИ

Все иберийско-кавказские языки имеют развитую морфологическую систему с довольно большим диапазоном вариаций в характере соотношения именного и глагольного словоизменения в отдельных группах этих языков, а нередко — и в отдельных языках одной и той же группы. Ср. очень развитую глагольную словоизменительную парадигму в дагестанских (особенно, табасаранском, лакском, аварском, чамалинском, цезском), картвельских, нахских языках, при сравнительно мало уступающей ей по богатству форм именной парадигме¹ и совсем слаборазвитую именную парадигму абхазско-адыгских языков при довольно развитой глагольной парадигме².

Отсутствие сравнительно-исторических грамматик по группам иберийско-кавказских языков (кроме нахской) су-

¹ Магомедов А.А. Табасаранский язык. Тбилиси, 1965; Жирков Л.И. Лакский язык (фонетика и морфология). М., 1955; Чикобава А.С., Церцвадзе И.И. Аварский язык. Тбилиси 1962. На груз. яз.; Бокарев А.А. Синтаксис аварского языка. М., 1949; Он же. Очерк грамматики чамалинского языка. М., 1949; Бокарев Е.А. Цезские (дидойские) языки Дагестана. М., 1959; Хайдаков С.М. Система глагола в дагестанских языках. М., 1975; Климов Г.А. Склонение в картвельских языках в сравнительно-историческом аспекте. М., 1962; Руденко В.Т. Грамматика грузинского языка. М.-Л., 1940; Чикобава А.С. Грузинский язык. — БСЭ, т. 13; 2-е изд. М., 1951; Услар П.К. Чеченский язык. — Этнография Кавказа. Языковедение. II. Тифлис, 1888; Яковлев Н.Ф. Морфология чеченского языка. Грозный, 1960; Мальсагов Д.Д. Чечено-ингушская диалектология и пути развития чечено-ингушского литературного (письменного) языка. Грозный, 1941; Лешериев Ю.Д. Бацбийский язык. Фонетика, морфология, синтаксис, лексика. М., 1953; Он же: Сравнительно-историческая грамматика нахских языков и проблемы происхождения и исторического развития горских кавказских народов. Грозный, 1963; Чентиева М.Д., Хумпаров А.Х., Гугиев Х.Г. Нохчийн меттан грамматика. Грозный, 1958; Оздоев И.А. ПI-алгIай мотт. д. I. Грозный, 1970 и др.

² Услар П.К. Абхазский язык. — Этнография Кавказа. I. Тифлис, 1887; Яковлев Н.Ф., Ашхатаф Д.А. Грамматика

дественно затрудняет выделение максимального числа структурных общностей этих языков, особенно – морфологических. Не претендуя на охват их максимума, нам представляется возможным говорить (на основании имеющихся описаний грамматического строя этих языков) о следующих структурных общностях:

1. Морфологический тип иберийско-кавказских языков может быть в целом охарактеризован как агглютинативный, с явлениями флективности (во всех группах этих языков) и полисинтетизма (главным образом в абхазско-адыгских языках).

Соотношение агглютинативности и флективности варьируется по отдельным языковым группам. Известно, например, что в картвельском языковом ареале принцип агглютинации достигает своего максимального проявления в чанском и мегрельском языках, где налицо наиболее унифицированные словоизменительные парадигмы, и обладает меньшим удельным весом в грузинском и сванском. В дагестанских агглютинативный строй наиболее характерен для языков лезгинской подгруппы; в нахских – для бацбийского языка. Полисинтетизм является характерной чертой преимущественно абхазо-адыгского глагола (по степени синтеза последний резко противопоставляется имени). Представление о возможной здесь степени полисинтетизма создает кабардинская глагольная форма *y-a-kvi-di-ø-z-čvə-ši-ži-f-a-tə-kvım* 'я тогда не смог заставить его обратно вывести тебя оттуда вместе с ними', в которой при одной корневой морфеме *-ši-* имеется тринадцать аффиксальных – восемь префиксов и пять суффиксов³. Значительно ниже степень синтетизма в картвельских языках, в занском (мегрельско-чанском) ответвлении которых он достигает максимума. Ср. мегрельскую глагольную словоформу *ku-šo-ši-i-γ-an-ki-da* 'если мне сюда ты принесешь то', в которой при корневой морфеме *γ* имеем четыре префиксальных и три суффиксальных. (О соотношении агглютинации и флективности в именной морфологии см. ниже стр. 78).

2. Из элементов флективности весьма существенную роль в словоизменении играет аблаутное чередование в основах глагольных и именных лексем; менее существенны явления

адыгейского литературного языка. М.-Л., 1941; Яковлев Н.Ф. Грамматика литературного кабардино-черкесского языка. М.-Л., 1948; Генко А.Н. Абазинский язык. Грамматический очерк наречия тапанта. М., 1955; Кумахов М.А. Морфология адыгских языков. Синхронно-диахронная характеристика. ч. 1. Нальчик, 1964; Он же. Словоизменение в адыгских языках. М., 1971; Грамматика абхазского языка. Фонетика и морфология. Сухуми, 1968; Языки народов СССР. т. IV. Кавказские языки. М., 1967.

³ Кумахов М.А. Типологическая характеристика слова в полисинтетических языках Западного Кавказа. – В сб.: Лингвистическая типология и восточные языки. М., 1965, с.161. Считаю своим приятным долгом поблагодарить здесь Г.А.Юшмова за предоставленный мне (в ряде случаев) иллюстративный материал по языкам картвельской и абхазско-адыгской групп. – Т.Д.

дубликации согласных (например, в формах, уточняющих место действия или признак предмета), специальные консонантные чередования при образовании форм множественности субъекта или объекта и образовании других глагольных форм.

3. В морфологической структуре имен и глаголов обращает на себя внимание то обстоятельство, что префиксальные показатели (личные, числовые, аспектуальные) являются более древними по сравнению с суффиксальными, что нередко служит опорой для установления относительной хронологии тех или иных морфологических явлений. Например, префиксальный способ образования аспектуальных форм в картвельских языках позволяет говорить об относительной древности в их грамматическом строе категории аспекта по сравнению с категорией глагольного времени. Вторичен суффиксальный способ образования личных глагольных показателей в тех дагестанских языках, которые ныне располагают личным спряжением (в лакском, даргинском, табасаранском, удинском). Такое положение особенно очевидно в тех случаях, когда эти показатели и в настоящее время (в большем или меньшем приближении) повторяют соответствующие личные местоимения. Ср., например, удин. *зу кархал-зу* 'я буду жить', *йан кархал-йан* 'мы будем жить'; табас. *узу бикТура-за* 'я пишу', *узу бикТура-ва* 'ты пишешь'.

В общей совокупности средств словообразования наблюдается уменьшение удельного веса префиксации и увеличение удельного веса флективности и суффиксации при переходе от картвельского к абхазско-адыгскому и далее - к дагестанскому и нахскому языковым типам. Если в картвельских языках аблаут разграничивает транзитивную и интранзитивную формы глагола⁴, то в нахских, дагестанских и абхазско-адыгских он наряду с выполнением других функций является существенным фактором, определяющим распределение глагольных лексем по типам спряжения⁵.

В картвельских языках аблаутное чередование в функции различения переходности ~ непереходности наиболее отчетливо представлено в грузинском глаголе. Ср. древнегрузинскую глагольную основу *dreḡ-* 'сгибать' переходной семантики при основе *derḡ-*: *drḡ-* 'сгибаться' непереходной семантики. В абхазско-адыгских эту функцию выполняет аблаут и (> θ):э. Ср. кабард. *дн-н* 'шить' (перех.) - *дэ-н* 'шить,

⁴ Гамкрелидзе Г.В., Мачавариани Г.И. Система сонантов и аблаут в картвельских языках. Типология общекартвельской структуры. Тбилиси, 1965, с. 175 и след. На груз. яз. и русск. яз.

⁵ См., например: Долакова Р.И. Ингушский язык. - В кн.: Языки народов СССР. т. IV. Кавказские языки. М., 1967; см. также указанные выше работы Н.Ф. Яковлева, С.М.Хайдакова; в этой связи представляют интерес также монографии: Гудава Т.Е. Сравнительный анализ глагольных основ в аварском и андийских языках. Махачкала 1959; Имнай-шеили Д.С. Дидойский язык в сравнении с гинухским и хваршинским языками. Тбилиси, 1963.

заниматься шитьем' (неперех.); жь-н 'пробегать' (перех.), жэ-н 'бежать' (неперех.) и т.п. Аблаутное чередование и (//ə):э в абхазско-адыгских языках является также средством различения так называемых центробежных и центростремительных форм глагола. Ср. адыгейск. *кьы-р-е-шэ* 'он сюда ввозит' - *кьы-р-е-щы* 'он отсюда вывозит'; *кь-е-пльэ* 'он внутрь смотрит' - *кь-е-пльы* 'он изнутри смотрит'; *р-е-дзэ* 'он кидает внутрь' - *р-е-дзы* 'он кидает изнутри'⁶. Аблаут дагестанских и нахских языков наряду с функцией распределения глаголов по типам спряжения выполняет функцию их дифференциации по способам действия и виду (см. ниже стр. 71).

4. Характерной структурной особенностью грамматики всех иберийско-кавказских языков является тесная взаимосвязь в ней парадигматики и синтагматики, обеспечивающая взаимобусловленность морфологии и синтаксиса, что проявляется прежде всего в полисемантизме некоторых частей речи. Здесь весьма условно дифференцированы имя и глагол⁷; существительное, прилагательное, наречие. Нередко наблюдается пересечение именных и глагольных парадигм (особенно - в абхазско-адыгских языках, где имеются нейтральные основы, способные включаться в парадигмы имени и глагола без специальных деривационных элементов). Аффиксы, выполняющие в одних языках функцию именного словоизменения (например, флексии эргативного падежа и падежа прямого объекта в нахских и дагестанских языках), в других языках (абхазско-адыгских) выполняют функцию глагольных аффиксов с той же семантикой. Число аналогичных примеров может быть значительно увеличено.

5. Характерный для рассматриваемых языков порядок слов является весьма существенной структурной характеристикой некоторых лексико-грамматических и грамматических категорий (некоторых частей речи, залоговости, падежа и др.). Например, существительное в препозиции к другому существительному нередко выполняет функцию относительного прилагательного (это особенно характерно для абхазско-адыгских языков). Падеж прямого дополнения, имея флексию, одинаковую с именительным (так называемым абсолютным) падежом, маркируется во всех иберийско-кавказских языках непосредственной препозицией к глаголу-сказуемому, что наряду с рядом выполняемых им функций косвенного падежа, на наш взгляд, дает основание говорить о морфолого-синтаксической категории падежа прямого объекта, отличной от категории именительного падежа⁸.

⁶ Кумахов М.А. К проблеме аблаута в абхазско-адыгских языках. - Ежегодник иберийско-кавказского языкознания. I. Тбилиси, 1974.

⁷ Об исторической недифференцированности глагола и имени в иберийско-кавказских языках см.: Чикобава А.С. Древнейшая структура именных основ в картвельских языках. Тбилиси, 1942, с. 75. На груз. яз.

⁸ Доказательство истинности этого суждения применительно к нахским языкам см. в кн.: Дешериева Т.И. Струк-

6. В связи с полисемантизмом частей речи, особую роль приобретают контекстуальные компоненты в структуре семантических полей лексико-грамматических категорий (темпоральности, аспектуальности, залоговости, модальности)⁹. Например, в нахских языках глагольная форма абсолютного прошедшего совершенного времени выполняет функции деепричастия, совершенного вида и несамостоятельной формы причастия совершенного вида¹⁰. Ср. чечен. *авъна*, ингуш. *авънар*, бацб. *ахир* 'вспахал//вспахав//вспахавший//вспаханный'. В зависимости от контекста, причастная форма имеет действительное или страдательное значение. Ср. чечен.: *кехат довшу кIант* 'мальчик, читающий письмо'; *кIанта довшу кехат* 'письмо, читаемое мальчиком'; *кIанта дешна кехат* 'письмо, прочитанное мальчиком'; *кехат дешна кIант* 'мальчик, прочитавший письмо'.

7. Отмеченная выше связь в иберийско-кавказских языках парадигматики и синтагматики проявляется также в морфолого-синтаксическом характере их гипотаксиса. Некоторой оговорки требуют лишь современные картвельские языки и бацбийский (из нахских), в которых наличествует большое число подчинительных союзов. См. бацб. *окхуиндалла* 'потому', *окхуиндалла, ме* 'потому, что', *менху* 'который' (-ая, -ое) и др.

8. Специфической структурной общностью иберийско-кавказских языков является категория грамматических классов. Хотя пока еще нет окончательного, общепринятого, решения вопроса о генезисе этой категории в различных группах этих языков, можно считать общепризнанным в кавказоведении тезис о том, что исходным принципом распределения лексем по классам была общность одного или нескольких семантических признаков в лексемах, относимых к одному и тому же классу. Первоначально выделились класс человека и класс вещи (такая система имеется в табасаранском языке); затем класс человека был разделен на класс мужчин и класс женщин; далее шла дифференциация на классы по менее существенным семантическим признакам. См. в бацбийском языке отнесение к классу *д//д* наименований наиболее употребительных напитков: *хи* 'вода', *йег* 'пиво', *аракъ* 'водка', *мачIар* 'вино' и др. В последствии к семантическому принципу добавился принцип фонетической аналогии. Например, в нахских языках *бос* 'цвет' относится к классу *б//д* (ср. *бос ба//бу* 'цвет есть'); здесь наличие *б-* в связке

тура семантических полей чеченских и русских падежей. М., 1974.

⁹ По этим вопросам (в общелингвистическом плане) см.: Дешериева Т.И. Лингвистический аспект категории времени в его отношении к физическому и философскому аспектам. - ВЯ, 1975, № 2. Она же. К проблеме определения

¹⁰ Здесь и далее мы используем темпоральную терминологию, соответствующую нашему определению лингвистического времени в указанной выше статье (ВЯ, 1975, № 2).

(ба/бу) обусловлено начальным звуком б- в слове *бос*, от которого синтаксически зависит связка¹¹. В современных иберийско-кавказских языках лексико-семантическая категория грамматических классов имеет также статус категории морфолого-синтаксической, обуславливающей классное спряжение глагола и классное согласование глагола-сказуемого с подлежащим и прямым дополнением. Ср. чечен.: *ас болл бу 'я работу делаю' - со вобду 'я (мужчина) иду'*.

9. Морфология глагола является сложной во всех иберийско-кавказских языках; в картвельских и особенно - абхазско-адыгских она усложнена явлениями полисинтетизма, компенсирующими сравнительно слабое развитие в них именного словоизменения. Как в картвельских, так и в абхазско-адыгских языках имеет место развитая система префиксов (превербов) версионного типа; возможны многочисленные глагольные формы при сравнительно слабо выраженной категории грамматических классов (ср. груз. *ა-აქლეს 'тебе дает (то) он'*; абхаз. *и-си-л-троит 'то мне она дает'*) и т.п. Отличительной особенностью абхазского и абазинского языков служит то обстоятельство, что наряду с развитым многоличным спряжением глагола (число возможных в одной словоформе личных показателей достигает здесь четырех - пяти), внутри форм 2 и 3-го лиц различаются определенные классные подразделения.

10. Развитая категория глагольного времени является структурной общностью всех иберийско-кавказских языков в области глагольной морфологии. Во временной парадигме можно отметить наличие трех исходных основ: инфинитива, настоящего времени, прошедшего времени, аспектальный характер которых варьируется в отдельных группах рассматриваемых языков; наличие синтетических и аналитических, абсолютных и относительных форм. Об аналитических временных глагольных формах неоднократно говорилось в кавказоведческой литературе. Заметим, что в картвельских языках они давно уступили место синтетическим и, следовательно, теперь о них может идти речь лишь в историческом плане. Весьма последовательно представлены две группы соотносительных форм аналитического и синтетического типа в дагестанских языках¹². Как относительные временные глагольные формы нами впервые рассматриваются *деятельная* несовершенного и совершенного вида, выражающие, соответственно, одновременность или предшествование обозначенного ими действия другому действию, обозначенному глаголом-сказуемым, а также падежеобразные формы причастия прошедшего времени, *масдара* и инфинитива (так назы-

¹¹ Подробно по этому вопросу см.: *Дешериев Ю.Д.* Специфика проявления абстрагирующей роли грамматики в системе грамматических классов. - Доклады и сообщения Ин-та языкознания АН СССР, 1955, № 7, с. 68-83.

¹² *Хайдаков С.М.* Указ. соч.

ваемые временные придаточные глагольные формы)¹³. Ср. чечен., ингуш. *тосуш, бхуш*; бацб. *тасош, ахош* 'бросая', 'пахая'. чечен. *тесна, аьхна*; ингуш. *тессад, аьхад*; бацб. *тасир, ахир* 'бросив', 'вспахав'; чечен. *ваххалц*, ингуш. *ваххалца* 'вплоть до того, как ушел'; чечен., ингуш. *ваххалге* 'перед тем, как уйти'.

11. Форма инфинитива в тех языках, где она налицо, может рассматриваться как исходная, нейтральная ко всем другим формам глагольной парадигмы. В языках с неразвитым вторичным аблаутным чередованием (бацбийском, например) ее основа сохраняется во всех временных глагольных формах. Падежеобразные формы инфинитива (например, в нахских - формы местного и сравнительного падежей) мы рассматриваем в соответствии с вышесказанным, как относительные временные глагольные формы.

12. От основы настоящего времени образуются, главным образом, временные глагольные формы со значением процессности, незавершенности действия. Исключением являются некоторые формы будущего времени (см. в нахских аналитическую форму будущего совершенного: чечен. *бхур ду* 'вспаху', *лур ду* 'дам'; в дагестанских - цахурскую синтетическую форму *ойкIнасда* 'напишет' при *ойкIанна* 'пишу')¹⁴. Например, в нахских языках от основы настоящего времени образуются, в соответствии с нашей терминологией: прошедшее несовершенное (см. чечен. *тбсура, бхура*; ингуш. *тоссар, оахар*; бацб. *тасор, ахор* 'бросал, пахал'; ср. цахур. *ойкIанний* 'писал'), будущее несовершенное (чечен. *тбсур, бхур*; ингуш. *тоссар, оахар*; бацб. *тасор, ахор* 'буду бросать', 'буду пахать'), будущее совершенное (чечен. *тбсур ду, бхур ду*; ингуш. *тосарнда, оахарнда*; бацб. *тасор да, ахор да* 'брбуш', 'вспаху'), несамостоятельная форма причастия настоящего времени (чечен. *тосу(н), оху(н)*; ингуш. *тосс, оах*; бацб. *тасуин, ахуин* 'бросающий', 'пахущий' что-либо), самостоятельная форма причастия настоящего времени (чечен. *тосург, охург*; ингуш. *тоссар, оахар*; бацб. *тасуин, ахуин*), деепричастие настоящего времени (чечен. *тбсуш, бхуш*; ингуш. *тоссаш, оахаш*; бацб. *тасош, ахош* 'бросая', 'пахая', ср. цахур. *ойкIан* 'записывая'); ряд относительных временных форм со значением одновременности в плане прошедшего, настоящего, будущего.

13. От исходной основы прошедшего времени образуются в основном глагольные формы со значением завершенности, результативности действия. В нахских языках, например, от исходной основы близкого прошедшего совершенного образуются, в соответствии с нашей терминологией: близкое прошедшее совершенное очевидное (чечен. *тбсира, бхира*; ингуш. *тессад, аьхад*; бацб. *тасина, ахина* 'бросил, вспахал,

¹³ Дешериева Т.И. Лингвистический аспект категории времени...

¹⁴ Наиболее распространена в дагестанских языках цахурская модель образования глагольных временных форм. (Хайдаков С.М. Указ. соч., с. 102).

только что, в присутствии говорящего'), абсолютное прошедшее совершенное (чечен. *тесна*, *авхна*; ингуш. *тессад*, *авхад*; баб. *тāсир*, *āхир* 'бросил', 'вспахал'; ср. цахур. *оркГунна* 'написал'), несамостоятельная форма причастия прошедшего времени совершенного вида (в чечен. и баб. совпадает с формой абсолютного прошедшего совершенного; ингуш. *тесса*, *авха* 'бросивший', 'вспахавший'), далекое прошедшее совершенное, нередко выступающее в роли Plusquamperfekt'a (чечен. *тесниера*, *авхниера*; ингуш. *тессадар*, *авхадар*; баб. *таиснор*, *аихнор* 'давно бросил, вспахал'; ср. цахур. *оркГуннанкий* 'написал' - в роли Plusquamperfekt'a); ряд относительных временных форм со значением предпрошедшего, преднастоящего, предбудущего (таковы, например, формы, образованные от причастия прошедшего времени с помощью суфф. чечен. *-ча//*-*чахь//*-*чахьана*, ингуш. *-ча//*-*чахьа//*-*чахьане*). Особенностью современного ингушского языка является отсутствие в нем формы близкого прошедшего (с афф. *-и*). Однако основа этой формы, как видно из приведенных выше примеров, наличествует во всех перфектных формах сферы прошедшего. В баббийском нет ряда относительных временных форм, так как под влиянием грузинского языка здесь стал наиболее распространенным, развительным способ построения сложноподчиненных предложений с помощью относительных слов, возникших на базе исконного языкового материала (см. *мацне* 'когда', *укх жане(хь)*, *мацне* 'в то время, когда' и др.).

14. Категория грамматического класса в сфере глагольной морфологии обусловила классное спряжение (субъектное, объектное, субъектно-объектное), свойственное в той или иной мере всем иберийско-кавказским языкам. Классное спряжение предшествовало личному в картвельских, абхазско-адыгских, некоторых дагестанских (лакском, даргинском, табасаранском, удинском) и баббийском языках¹⁵.

15. Глагольная категория числа (предполагающая наличие двух противопоставленных форм - единственного и множественного чисел) также может быть признана структурной общностью рассматриваемых языков. Наиболее последовательно она выражена в картвельском языковом ареале, где глагольная словоформа, как правило, нуждается в специальной числовой аффиксации. См., например, следующую грузинскую парадигму:

	Ед. число		Мн. число
1 л.	<i>wašeneb</i> 'я строю то'		<i>wašeneb-t</i> 'мы строим то'
2 л.	<i>ašeneb</i> 'ты строишь то'		<i>ašeneb-t</i> 'вы строите то'
3 л.	<i>ašeneb-s</i> 'он строит то'		<i>ašeneb-en</i> 'они строят то'

¹⁵ *Рогова Г.В.* К вопросу о переходе классного спряжения в личное спряжение в иберийско-кавказских языках. Сообщения АН Груз.ССР, т. XIV, Тбилиси, 1953, № 7, с. 44-47; *Ломтатидзе К.Р.* Система основных времен и наклонений в абхазском языке. - ИКЯ, т. VII, Тбилиси, 1955

(в формах 3-го лица значения лица и числа совмещены). Следует, однако, заметить, что если подлежащее при глаголе передается "неодушевленным" именем, то числового согласования с ним глагола часто не происходит: ср. груз. *bašw-eb-i izrdeb-ian* 'дети растут', но *xe-eb-i izrdeb-a* 'деревья растут' (букв. 'деревья растут').

Поскольку спецификой абхазско-адыгских языков является употребление субстантивов с недифференцированным значением числа, то обычно здесь выражение его идеи проводится в составе глагольной словоформы. Если в формах 1 и 2-го лиц число передается синкретично с лицом посредством личных показателей, то в формах 3-го лица здесь имеется специальная числовая аффиксация: ср. кабард. *кIу-ат* '(он) ходил', *кIуф-хэ-т* '(они) ходили'; *лэжъакъым* '(он) не работал', *лэжъа-хэ-къым* '(они) не работали'.

Наконец, в нахских и дагестанских языках идея числа получает в глагольной словоформе синкретическое выражение. Как правило, связанное с ней имя существительное получает здесь самостоятельную числовую характеристику, в связи с которой происходит соответствующее глагольное согласование. Особенностью является лишь то обстоятельство, что в составе глагольной словоформы числовое значение обычно передается в этих языках классным показателем (в языках с личным спряжением - показателем лица). В соответствии с этим категория числа в классных глаголах выражается с помощью классного согласования с субъектом или объектом действия, а во многих неклассных глаголах - специальными аффиксами множественности субъекта или объекта. Ср. чечен. *стаг в-огу* 'человек (он) идет' - *нах б-огу* 'люди идут'; *сту б-оъжна* 'запряг быка' - *стерчий д-оъжна* 'запряг быков'; *лелла* 'гнать (одного)' - *лелжа* 'гнать (многих)'.

16. Хотя категория лица представлена в глагольной морфологии всех групп иберийско-кавказских языков, она развита лишь в картвельских и абхазско-адыгских языках; в нахско-дагестанских - находится в процессе становления и вполне оформилась лишь в бацбийском, табасаранском, удинском, даргинском, лакском языках.

17. В подавляющем большинстве иберийско-кавказских языков распределение глаголов по типам спряжения определяется, главным образом, характером аблаутного чередования в рассмотренных выше исходных глагольных основах. Руководствуясь этим принципом, мы выделяем, например, в чеченском языке - десять, в ингушском - девять, в бацбийском - четыре типа спряжения.

18. Аспектологическая система в иберийско-кавказских языках древнее временной, что неоднократно отмечалось в кавказоведческой литературе. Так, например, согласно А.Н. Генко, "категория времени, в настоящее время почти выработавшаяся в абазинском языке, оказывается при ближайшем рассмотрении производной от категории вида (имеется в виду категория способа действия. - Т.Д.), иначе говоря, по своему происхождению формы времени являются прежними формами различных, существовавших в абхазском и абазинском языках, по существу безотносительных ко вре-

мени видовых значений... Настоящее время, сохраняющее в абхазском языке свое первоначальное значение лучше, чем в абазинском, образуется с помощью форманта начинательного значения"¹⁶. В картвелистике аналогичное положение вещей было продемонстрировано на примере преобразования основы так называемого пермансива (способа действия, указывающего на процессный характер протекания действия) в основу настоящего времени, документально подтвержденного анализом языка древнегрузинских текстов: "Вневременной характер пермансива и функциональное сродство его с настоящим временем отмечены в специальной литературе (А.Панидзе, Г. Деетерс). Формирование категории времени в спряжении, естественно, должно было повлечь за собой ослабление позиций пермансива (его уже нет в новогрузинском литературном языке так же, как и в большинстве грузинских диалектов), но процесс вытеснения категории аспекта категорией времени и поныне нельзя считать законченным ("настоящее время" очень часто и теперь выражает дративное содержание)"¹⁷. Как известно, положение о большей древности аспектуальных оппозиций глагола по сравнению с темпоральными является общепринятым также в дагестанском и нахском языкознании¹⁸. Можно считать общепризнанным наличие во всех рассматриваемых языках категорий однократного и многократного способов действия, которые в кавказоведческой литературе чаще всего именуется "однократным" и "многократным" видами. Вопрос о правомерности употребления терминов "однократный вид" и "многократный вид" применительно к глагольным формам в различных группах иберийско-кавказских языков требует специального изучения¹⁹. На базе категорий однократного, многократного и других способов действия развилась или находится в процессе становления категория глагольного вида (с совершенным и несовершенным видами, как ее основными компонентами). В картвельских языках формы совершенного вида маркируются видовыми префиксами, совпадающими с превербными, или аблаутным чередованием в основах глагольных форм. В нахских и некоторых дагестанских (даргинском, лак-

¹⁶ Генко А.Н. Указ. соч., с. 141; ср. также: Чкадуа Л.П. Система времен и основных модальных образований в абхазо-абазинских диалектах. Тбилиси, 1970, с. 281 и след.

¹⁷ Чикобава А.С. Проблема эргативной конструкции в иберийско-кавказских языках. I. Историческое взаимоотношение номинативной и эргативной конструкций по данным древнегрузинского литературного языка. Тбилиси, 1948, с. 145. На груз. яз.

¹⁸ См., например, Хайдаков С.М. Указ. соч., с. 37 и след.; Дешериева Т.И. К проблеме соотношения глагольных категорий вида и времени. - ВЯ, 1976, № 4.

¹⁹ Попытка дать критерий правомерности употребления в описании морфологии языка указанных терминов содержится в статье: Дешериева Т.И. К проблеме определения категории глагольного вида. - ВЯ, 1976, № 1.

ском и др.) категория глагольного вида находится в процессе становления и маркируется теми же морфологическими средствами²⁰. Ср. груз. *хатია* 'рисовал он то' - *дахатиа* 'нарисовал', *теса* 'сеял он то' - *датеса* 'посеял', *ашена* 'строил он то' - *аашена* 'построил'; чечен. *лара* - *лиэра* 'сосчитать - считать', *лаца* - *лиэца* 'схватить - схватывать', *кьовса* - *кьийса* 'поспорить - спорить', *Говда* - *иййда* 'сжать - сжимать', *кхосса* - *кхисса* 'бросить - бросать', *дотта* - *дитта* 'налить - наливать'; даргин. *бѣкӀ-ес* - *бубкӀес* 'умереть - умирать', *баркьес* - *буркьес* 'сделать - делать', *хӀунссизе* - *хӀенссезе* 'заколоть - колоть', *хвагӀизе* - *хвагӀезе* 'качнуться - качаться', *битес* - *итес* 'избить - избивать'; аварск. *дванкизе* - *дванкезе* 'стукнуть - стучать', *барщизе* - *барщезе* 'поссориться - ссориться' и т.п. В абхазско-адыгских языках результативный способ действия со всеми его оттенками передается глагольной формой прошедшего совершенного. Морфологическую маркировку (аффиксальную) имеет здесь многократный способ действия. Ср. абхаз. *дцоит* 'он идет' - *дцолаит* 'он ходит (многократно)', где многократный способ действия маркируется суффиксом *-ла-*.

19. Категория модальности (как и категории аспектуальности и залоговости) в иберийско-кавказских языках не являлась, насколько нам известно, предметом специального исследования даже по отдельным группам этих языков, поэтому вопрос о числе наклонений (как и о залогах) в рассматриваемых языках не имеет окончательного решения. Руководствуясь указанными в начале этой главы описаниями грамматического строя рассматриваемых языков и имеющейся в нашем распоряжении дополнительной литературой, мы считаем структурной общностью иберийско-кавказских языков наклонения: изъявительное, повелительное (нередко с маркированными оттенками), условное (также нередко с маркированными оттенками), вопросительное, потенциалис²¹.

Изъявительное наклонение, являющееся немаркированной категориальной формой, противопоставляется маркированным категориальным формам других (косвенных) наклонений и имеет наиболее развитую временную парадигму. Отрицатель-

²⁰ Затронутые здесь вопросы видо-временной системы иберийско-кавказских языков, подробно освещаются (на материале языков нахской группы) в монографии Т.И. Дешериевой "Видо-временная система в нахских языках", которая выйдет в свет в 1979 г.; см. также: С.М. Хайдаков. Указ. соч., с. 37-73.

²¹ Потенциалис нами рассматривается как одно из возможных наклонений (структурных компонентов модальности). В дальнейшем, в специальном исследовании, посвященном категории модальности, мы постараемся познакомить читателя с доказательством правомерности такого рассмотрения. Известно, что нередко в грамматических описаниях потенциалис именуется самостоятельной категорией и не относится к числу наклонений. - Т.Д.

ные формы этого наклонения образуются с помощью отрицательных частиц или аффиксов, являющихся усеченной формой этих частиц. Ср. чечен. *ца олу* 'не говорю', ингуш. *кха-бац* 'не кормлю', бацб. *цо тегдо* 'не делает'.

Неимея возможности давать здесь описание перечисленных выше косвенных наклонений во всех иберийско-кавказских языках, мы ограничимся кратким их описанием, главным образом, в нахских языках.

Аффиксами повелительного наклонения в чеченском и ингушском являются *-а*, *-ахва*, *-ийша*, *-лхь*//*-лахь*, *-лш*//*-лаш*, *-ийла*, передающие различные оттенки его семантики. Ср. *дийца* 'рассказывай', *дийцахьа* 'расскажи-ка', *дийцийша* 'расскажите-ка', *дийцал* 'рассказывай (сейчас же!)', *дийцалахь* 'поручаю тебе рассказать (в моем отсутствии)', *дийцалаш* 'поручаю вам рассказать (в моем отсутствии)', *дуйцийла* 'да расскажет!//расскажут!'. В бацбийском языке повелительное наклонение представлено двумя формами, одна из которых является чистой основой глагола, а вторая - соединением чистой основы с аффиксом *-б*. Ср. *кхос!* 'брось!', *вашлиб!* 'брейся!'.

Отрицательные формы повелительного наклонения в нахских языках образуются с помощью отрицательной частицы *ма*. Ср. чечен. *ма деша!* 'не читай!', бацб. *ма вашлиб!* 'не брейся'. Ср. аналогичное явление в лакском, где отрицательная частица *ма* выступает в роли префикса: *маласара* 'не бери!', *магъара* 'не ходи!'; в цахурском отрицательную форму повелительного наклонения маркирует суффикс *-им*; в аварском, в зависимости от диалектов, - суффиксы *-ге*, *-ги*, *-гу*, *-го*; в арчинском - только суффикс *-ги*²²; в абхазско-адыгских языках - префикс *м*//*мь*. Ср. арчин. *вершурги* 'не беги!', *жхарги* 'не вставайте!'; адыгейск. *умккту* 'не ходи!'; кабард. *уммтх* 'не пиши!'. Следует заметить, что в кабардинском отрицание в формах изъявительного наклонения передается также элементом *м*, выступающим в этом случае в позиции суффикса (в сочетании с предшествующим элементом *кы*). Ср. *ктуаш* '(он) пошел' - *ктуакым* '(он) не пошел'²³.

В принципе различие отрицания при императивных и индикативных формах проводится и в картвельских языках. Ср. груз. *nu midixar* 'не ходи туда!', *nu gešinia* 'не бойся!' при *ag midxar* 'ты не идешь туда', *ag gešinia* 'ты не боисься' (впрочем, при образовании императива посредством аористой словоформы глагола здесь также используется частица *ag*: ср. *ag saxwide* 'не уходи')²⁴. Таким образом, различие форм отрицания в повелительном и изъявительном наклонениях можно считать дополнительным параллелизмом в структуре иберийско-кавказских языков. В рассматриваем-

²² Хайдаков С.М. Указ. соч., с. 177.

²³ Шагиров А.К. Кабардинский язык. - В кн.: Языки народов СССР. IV. М., 1967, с. 174.

²⁴ Дондуа К.Д. Грамматическое отрицание как проблема общего языкознания. - В кн.: К.Д. Дондуа. Статьи по общему и кавказскому языкознанию. Л., 1975, с. 156-161.

мом наклонении глагол не изменяется по временам, изменяясь в некоторых языках по числам.

Условное наклонение нередко имеет маркированные оттенки реальности, нереальности, желательности действия. Оно имеет формы настоящего, прошедшего, будущего. Например, в нахских языках форма настоящего времени этого наклонения образуется присоединением к основе инфинитива суффикса *-хь*: *ахьхь* 'если пахать'; форма прошедшего совершенного - присоединением к форме абсолютного прошедшего совершенного изъявительного наклонения аффикса *-ахь*: *авлехь* 'если сказала'; форма будущего совершенного - из одноименной формы изъявительного наклонения путем замены глагола-связки *ду//да* (*в, й, б*) глаголом-связкой *дэ-лахь* (*в, й, б*). Ср. чечен. *молур вэлахь* 'если выпьет (мужчина)', *тбсур елахь* 'если бросит (женщина)' и т.д.

Вопросительное наклонение образуется при помощи специальных частиц-аффиксов, присоединяемых к временным формам. Ср. чечен. *яздо-й ахь?* 'ты пишешь?'; *язд-ийр ду-й ахь?* 'ты напишешь?'; *яздик-ий ахь?* 'написал ли ты?'; ингуш. *хул-и со?* 'бываю ли я?'; *хинкав-ий со?* 'был ли я?'; *дашаргд-ий?* 'прочту ли?'; *дешаш хурев-ий?* 'буду ли читать?'; бабц. *ишлоки-и?* 'ходят ли?'; *гголу-и?* 'пойдут ли?'; *ваш-ий-с?* 'побрил ли (я)?'; *ваш-ий-хь?* 'побрил ли (ты)?'; *ваш-ий?* 'побрил ли (он)?'; арчин. *шюв-ра?* 'написал // написала // написали?'; *чгутте-ра?* 'вошел // вошла // вошли?'; *чгу-ра?* 'входит ли?'; др.-груз. *хар-а?* '(ты) есть?'; мегрел. *гискуп-о?*, *матх-а?* 'пишет ли?'.²⁵

Потенциалис, выделенный нами выше в качестве общекавказской структурной общности, особенно широкое употребление находит в абхазско-адыгских языках. Как свидетельствует К.В. Ломтатидзе, в абхазском глаголе "категория возможности (потенциалиса) образуется с помощью префикса *з-*. Обычно эта категория встречается в отрицательных формах глагола: *ди-з-тэом* 'он (человек) не может садиться'. Переходный глагол в категории возможности становится непереходно-инверсивным: *и-си-з-бом* 'то (вещь) я не могу видеть' (букв. 'то мне не видится')²⁵. В картвельских языках потенциалис выражается префиксальными элементами, совпадающими с показателями страдательного залога. При этом в чанском и мегрельском он более употребителен, чем в грузинском. Ср., например, мегрел. *i-sore(n)* 'можно порвать' при *a-sore(n)* 'может порвать', *i-çare(n)* 'можно написать' при *a-çare(n)* 'может написать'; груз. *i-smeba* 'выпивается // можно пить', *i-tkmis* 'говорится // можно сказать', *e-çmeba* 'ему можно есть'²⁶. Потенциалис в нахских языках образуется с помощью пока-

²⁵ Ломтатидзе К.В. Абхазский язык. - В кн.: Языки народов СССР. IV. М., 1967, с. 117; Она же. Категория потенциалиса (возможности) и произвольности в абхазо-адыгском глаголе. - Сообщения АН Груз. ССР, т. XVI, 1955, № 3.

²⁶ Чикобава А.С. Грамматический анализ чанского (лазского) диалекта с текстами. Тбилиси, 1936, с. 223.

вателя -*луо* (бацб. -*л//ла*), восходящего к глаголу *луо* 'давай', и классного аффикса -*дала* (*в, й, б*), восходящего к глаголу *дала(н)*, с той же семантикой. Ср. чечен. *дага* 'гореть' - *дагалуо* 'быть в состоянии гореть'; *кхосса* 'прыгнуть' - *кхоссавала* 'иметь возможность прыгнуть' и т.д. Потенциалис образуется от большинства форм извительного наклонения.

20. Категория залоговости, на наш взгляд, представлена во всех иберийско-кавказских языках прежде всего категорией каузатива. Заметим, что нередко в кавказоведческой литературе высказывается мнение об отсутствии в той или иной группе иберийско-кавказских языков категории залога; каузатив в таких случаях описывается безотносительно к залоговости, в сфере глагольного словообразования. Мы считаем правомерным говорить также о переходном и непереходном залогах в иберийско-кавказских языках, маркированных морфолого-синтаксическими средствами (от аблаута в глагольных лексемах и классного согласования до эргативной и номинативной конструкций предложения). К примеру, в нахских языках каузатив образуется от любого глагола путем сочетания его основы с суффиксом -*йт//ит*, восходящим к самостоятельному глаголу *дита* (*в, й, б*) 'оставлять // заставлять // позволять'. Ср. бацб. *дажита*, чеч., инг. *дажийта* 'заставить // позволить формы настись'. Аналогично в дагестанских ср. годоберинские формы каузатива, образованные посредством аффиксов -*ал, -ан*: *йгвали* 'заставь сделать', *басани* 'заставь рассказать'²⁸; в абхазско-адыгских - формы каузатива, регулярно образующиеся с помощью аффикса *гъэ-*: *гъэцIон* 'заставить идти', *егъэшиг* 'заставить делать' и т.п. Вполне оформлены в рассматриваемых языках морфологическими средствами производно-переходный и производно-непереходный залогов.

В большинстве иберийско-кавказских языков действительное и страдательное значения глагола различаются с помощью контекста или порядка слов. Вполне морфологически оформленными можно считать действительный и страдательный залогов лишь в картвельских языках.

21. Причастие, являясь отглагольным прилагательным, обладает одновременно признаками глагола и прилагательного. Во всех группах рассматриваемых языков функционируют причастия, распадающиеся в соответствии со своей временной соотносительностью на три разряда - причастия настоящего, прошедшего и будущего времени. Так, из числа абхазско-адыгских языков в абазинском эти категории при-

²⁷ Нам представляется неправомерной такая точка зрения. Мы рассматриваем каузатив как структурный компонент семантического поля залоговости. Доказательство этого положения будет дано в нашем специальном исследовании субъектно-объектных отношений в языке. - Г.Д.

²⁸ *Гудава Т.Е.* Годоберинский язык. - В кн.: Языки народов СССР. IV. М., 1967, с. 318.

частий характеризуются особой аффиксацией (к тому же здесь различаются формы причастий, образованных от динамических и статических глаголов): ср. *ийгйли-у* 'стоящий', *ийгйла-з* 'стоявший', *ийзэжъйцгара* 'тот, которому он поверит'²⁹. Аналогичное тернарное разбиение причастий проводится также в картвельских, дагестанских и нахских языках. Ср., в частности, груз. *mšenebeli* 'строющий', *ašenebuli* // *pašenebi* 'построенный', *asašenebeli* 'то, что будет построено'; в дагестанских цахур.: *кагъыз ойкIан-на гаде* 'письмо пишущий мальчик', *кагъыз откIун-на гаде* 'мальчик, написавший письмо', *кагъыз окIанас-да гаде* 'письмо, которое будет написано мальчиком'³⁰; чечен. *дъбуш книжка* 'читаемая книга' - *дъбушург* 'читающий (читатель)'; *гойту сурт* 'показываемая картина' - *гойтург* 'показывающий (экскурсовод)'; *дешна кѣхат* 'прочитанное письмо' - *дешнарг* 'прочитавший'; *молу долу ти* 'вода, которая будет выпита'. Как и прилагательное, причастие иногда имеет зависимую и независимую формы и одинаковые с прилагательным парадигмы склонения.

22. Деепричастие совмещает в себе признаки глагола и наречия и нередко служит для пояснения действия, обозначенного другим глаголом, являясь обстоятельством образа действия. Основной же его функцией является, на наш взгляд, обозначение одновременности и различных форм последовательности действий во времени, поэтому оно, и некоторые производные от него формы, квалифицируются нами (что уже отмечалось выше) как относительные временные глагольные формы. Деепричастие в рассматриваемых языках имеет формы настоящего, прошедшего, будущего времени; нередко деепричастная форма прошедшего времени совпадает с формой прошедшего времени исходного глагола, передающей значение законченности действия. Например, в нахских языках деепричастие настоящего времени образуется от основы настоящего времени прибавлением суф. -ш: *блш* - *блшш* 'говоря - говоря', *тбсу* - *тбсуш* 'бросаю - бросаю'. Ср. в дагестанских: арчин. *хъвар-ши* 'вставая', *кIварши* 'умирая'; цахур. *ойкI-а-н* 'записывая'; авар. *хъвала-го* в том же значении и т.п. Деепричастная форма абсолютного прошедшего совершенного в нахских совпадает с одноименной формой исходного глагола. В дагестанских она является производной от перфектной формы исходного глагола. Ср. цахур. *оркI-у-н*, *одкI-н-н* 'записав', арчин. *олIни-ли* 'прочитав', *шиов-ли* 'записав'; авар. *хъва-н* 'написав' и т.д.

Деепричастная форма будущего несовершенного времени образуется в нахских сочетанием одноименной формы смыслового глагола и деепричастия настоящего времени глагола-связки *долуш* (в, й, б), являясь, таким образом, аналитической: *дъбушур долуш* дословно 'тот, который будет читать'. В дагестанских синтетическая футурумная форма образуется с помощью специальных аффиксов от глагольной

²⁹ Гелько А.Н. Указ. соч., с. 136-138.

³⁰ Хайдахов С.М. Указ. соч., с. 179-182.

нормы будущего времени. Ср. арчин. *шабухъи-ши* 'намереваясь написать'³¹.

23. Во всех иберийско-кавказских языках от любого глагола (за очень редким исключением) может быть образовано с помощью специальных аффиксов отглагольное существительное - масдар, со значением процесса действия. Например, в нахских языках масдарная форма образуется присоединением к основе инфинитива суфф. *-р//*-ар. Исключением является глагол-связка *ду//да* (а, й, б) 'есть', не имеющая масдарной формы. Масдар склоняется как существительное (по I склонению, без изменения основы в формах парадигмы).

Отрицательная форма масдара образуется с помощью отрицательных частиц, выступающих в роли префиксов или инфиксов (в сложных глаголах). См. чечен. *цад̄ешар* 'неучене', *хвалацагIаттар* 'невставание'³².

Падежные формы масдара нередко выступают в роли так называемых придаточных форм, с различной семантикой³³. Масдарные придаточные формы с временным значением мы квалифицируем как относительные временные глагольные формы.

24. В области именной морфологии все иберийско-кавказские языки имеют категории падежа, числа, грамматического класса. Их склонение является тематическим (агглютинативно-флективным). При этом агглютинация в имени - это древний, основополагающий процесс³⁴; флективность развилась позднее, на базе агглютинации, путем эпентезы аффиксальных гласных или лабиализованных согласных внутрь корня и последующей ассимиляции. В частности, едва ли можно признать корректным мнение И.Я. Марра, согласно которому расхождение между древнегрузинским и новогрузинским склонением настолько значительно, что если в первом способ образования мн. числа (так называемый Plⁿ) можно назвать "почти флективным", то во втором (так называемый Pl^{eb}) он является агглютинативным. Полисемантизм падежных аффиксов, как правило, отсутствует (за редким исключением). Наблюдается тенденция к увеличению числа падежных форм за счет слияния существительных с изолирующими (особенно в нахско-дагестанских языках) послелогами или транспонирования элементов в существующие падежные аффиксы. Число падежей иногда превышает 30 (в лакском, табасаранском, например). Падежи (преимущественно, локативы) нередко распределены по сериям. Наиболее развитой является словоизменительная парадигма имени существительного. Исключения представляют лишь абхазский и абазинский языки с двухпадежной именной парадигмой.

³¹ Хайдаков С.М. Указ. соч., с. 187-190.

³² Мациев А.Г. Чеченско-русский словарь. М., 1961, с. 612.

³³ По этому вопросу см. предыдущую главу монографии.

³⁴ Ср. Дондуа К.Д. Об агглютинативном характере грузинского склонения. - В.кн.: Дондуа К.Д. Статьи по общему и кавказскому языкознанию.

25. Принципами выделения типов склонения имени существительного являются: а) характер образования основы косвенных падежей ед. числа; б) характер образования основы мн. числа. Например, в чеченском языке к I склонению мы относим существительные, не имеющие наращения основы ни в формах косвенных падежей ед. числа, ни в формах мн. числа (*москал* 'индюк' и др.); ко II склонению — те существительные, основы которых получают одно и то же наращение в косвенных падежах ед. числа (кроме винительного) и во всех падежных формах мн. числа (*гота* 'плуг' и др.); к III склонению — существительные, основы которых во всех косвенных падежах ед. числа (кроме винительного и эргативного) имеют наращение -и- или -у-, а в падежных формах мн. числа сохраняют основу именительного падежа ед. числа (*мача* 'обувь' и др.); к IV склонению относятся существительные с наращением основы -чу// -чур- в формах косвенных падежей ед. числа, сохраняющие в формах мн. числа основу именительного падежа ед. числа (*белхало* 'рабочий' и др.); к V склонению — существительные, имеющие наращение (консонантное) лишь в падежных формах мн. числа (*ад* 'оружие' и др.); к VI склонению — группа разносклоняемых существительных. В дагестанских языках существенна также роль аблаутных чередований при распределении существительных по типам склонения а в картвельских — характер исхода основы. Здесь прежде всего выделяются субстантивы с согласным ауслаутом основы (ср. груз. *сесх1-и* 'огонь', *пимуш-и* 'образец', *катам-и* 'курица' и т.п.), с одной стороны, и субстантивы с гласным ауслаутом основы, с другой (ср. груз. *окро* 'золото', *tawbru* 'головокружение', *twe* 'месяц', *тата* 'отец')³⁵.

26. В отличие от ряда индоевропейских языков (и в первую очередь — русского) в иберийско-кавказских языках, насколько нам известно, не наблюдается зависимость между характером изменения основ склоняемых существительных и типами ударения в формах парадигм этих существительных.

27. В системе склонения рассматриваемых языков (особенно нахско-дагестанских) изобилуют производные падежные формы и падежные варианты, послеложные конструкции; последние квалифицируются нами как аналитические варианты соответствующих падежей³⁶.

Производные падежные формы и послеложные конструкции, передающие как локативные, так и некоторые нелокативные (в частности, орудные) отношения, в сущности, давно рассматриваются в специальной литературе как общекавказское явление. В морфологической структуре первых послелогии присоединены к основе соответствующего самостоятельного

³⁵ Ср. Чикобава А.С. Грамматический анализ чанского (лазского) диалекта с текстами, с. 44-49.

³⁶ Попытка дать формальный критерий определения в языке самостоятельных, производных падежей и падежных вариантов, сделана нами в кн.: Дешериева Т.И. Структура семантических полей чеченских и русских падежей.

падежа, в структуре вторых - к определенной падежной форме. Для иллюстрации употребления послеложных конструкций в дагестанских языках могут быть приведены удинские: *кIодж-ин беш* 'перед домом' (*беш* 'перед', -ин - флексия род. пад.), *кIодж-ин цирикI* 'до дома' (*цирикI* - 'до'), *кIодж-ин тIодгьовыл* 'с домом' (*тIодгьовыл* 'с'); в нахских - чеченские: *говор-ана кIелахь* 'под лошадью' (*кIелахь* 'под', -ана - флексия дат. пад.), *говр-ана кIелара* 'из-под лошади' (*кIелара* 'из-под', -ана - флексия дат. пад.). Поскольку многие из рассматриваемых отношений в абхазско-адыгских и особенно картвельских языках обычно передаются в словоформе глагола, употребление в них послеложных конструкций несколько ограничено. Ср., например, абаз.: *атидзи апахь* 'перед домом' (*апахь* 'перед'), *атидзи ауацIа* 'внутри дома' (*ауацIа* 'внутри'), *агьни агIан* 'во время зимы' (*агIан* 'во время'); груз.: *kalx-is-twis* 'для народа' (*twis* 'для', -is - флексия генитива), *saxl-sawit* 'подобно дому' (-wit 'подобно', s(a) - флексия дати-ва), *kalxtan* 'с народом' (-tan 'с').

28. Представляет определенный интерес звуковая общность ряда тематических гласных и согласных в иберийско-кавказских и индоевропейских языках. Ср., например, наращенные основы -и-, -у- у существительных III склонения в нахских языках и такие же тематические гласные в индоевропейских (общеславянском, например); наращенные -н-, -р- в нахских и дагестанских языках и такие же тематические согласные в индоевропейских языках (см. русское IV склонение). В картвельских языках в этой связи обращают на себя внимание элементы *n//r* (для занской ветви *n//r*³⁷), закономерно чередующиеся в исходе соотносительных глагольных и именных основ. Распределение этих элементов таково, что *n* характеризует глагольную основу, в то время как *r* - именную. Ср. груз. *xap-*: *xp-* 'пахать' при *xar* 'бык', *zwan-* 'ограничивать' при *zwar-* 'граница', *qwan-* 'походить, быть похожим' при *qwar-* 'вид, род'³⁷. В абхазско-адыгских языках чередование этих же элементов встречается в некоторых местоименных основах: ср. абхаз. *обни//ани* 'то' при *абни//ари* 'это' (также *абан* при *абар*, *абанс* при *абарс* и др.). Характерное для иберийско-кавказских языков чередование наращенных -р-//и-, имело место и в общеиндоевропейском языке³⁸.

29. Подавляющее большинство иберийско-кавказских языков имеет специальный эргативный падеж для оформления субъекта при переходном глаголе-сказуемом. Почти во всех таких языках - это основная функция эргативного падежа. Наряду с ней он нередко выполняет дополнительную функцию оформления субъекта при непереходном "динамическом" или

³⁷ См. об этом: Deeters G. Über einen *n//r* Wechsel im Georgischen. - Sybaris. Festschrift Hans Krahe. Wiesbaden, 1958, с. 14-17.

³⁸ О соответствующем явлении в структуре общеиндоевропейского языка см. в кн.: Сравнительная грамматика германских языков. т. III. М., 1963, с. 194, 195.

"активном" глаголе-сказуемом. См. бацб. *Ас Ленинградехь й-оду* 'Я в Ленинград еду'. Последняя его функция особенно характерна для картвельской парадигмы склонения. В частности, в грузинском литературном языке существуют сотни непереходных динамических глаголов, нередко квалифицируемых в лингвистической литературе в качестве мидоактивных, обуславливающих необходимость оформления подлежащего так называемым повествовательным падежом с флексией -m(a). Ср., например, *bašw-ma gamoiwiza* 'ребенок проснулся', *ma-m daizina* 'отец заснул', *deda-m šaaxwela* 'мать кашлянула', *žayl-ma daiğera* 'собака зала-яла', *dro-m ganwlo* 'время прошло' и т.п. (следует заметить, что в западногрузинских диалектах подобных глаголов значительно больше). В принципе аналогичное правило наблюдается и в других картвельских языках (здесь неуместно останавливаться на различных объяснениях этого явления, предлагаемых в картвелистике). Впрочем, нельзя не отметить особого положения в мегрельском, где соответствующая флексия "повествовательного" падежа -k несет функцию оформления подлежащего при аористных временных формах всех глаголов, т.е. как переходных, так и непереходных: ср. *badidi-k midarte sanadiro-ša* 'старик отправился на охоту', *žyabi-k kee'ogoru bošis* 'девушка полюбила парню'. Нередко функцию эргатива выполняют другие косвенные падежи (родительный, дательный, местный). Ср. генитивную конструкцию в лакском языке, дативную - в современном грузинском и сванском языках (например, в группе презенсных времен некоторых инверсивных глаголов) при наличии в этих языках эргативного падежа и эргативной конструкции в группе перфектных времен³⁹.

³⁹ По вопросу об отношении эргативной конструкции предложения к другим конструкциям см.: *Мещанинов И.И.* Структура предложения. М.-Л., 1963; *Он же.* Передача субъектных и объектных отношений в языках эргативного строя предложения. - Изв. АН СССР, ОЛЯ, 1960, т. XIX, вып. 5, с. 398-408; *Чикобава А.С.* Проблема эргативной конструкции в иберийско-кавказских языках. I; *Гирейко Л.А.* Основные вопросы эргативности на материале индоиранских языков. М., 1968; *Эргативная конструкция предложения в языках различных типов.* Л., 1967; *Гукман М.М.* Конструкции с дательным-винительным лица в индоевропейских языках. - Изв. АН СССР, ОЛЯ, 1945, т. 4, вып. 3-4; *Климов Г.А.* Очерк общей теории эргативности. М., 1973; *Кацнельсон С.Д.* Типология языка и речевое мышление. М., 1971; *Панфилов В.З.* Взаимоотношение языка и мышления. М., 1971; *Дешериева Т.И.* Об отношении эргативной конструкции предложения к номинативной, генитивной, дативной. - ВЯ, 1972, № 5 (англ. пер. *Т.И. Dežerjewa.* On the relationship of the ergative sentence construction to nominative, genitive and dative constructions. - *Linguistics*, 157. The Hague, Mouton, August 1, 1975. *Алексеев М.Е.* Проблема аффективной конструкции предложения. Автореф. канд. дис. М., 1975.

30. Во всех группах иберийско-кавказских языков наличествует имя прилагательное (качественное и относительное), нередко имеющие самостоятельную (независимую) и несамостоятельную (зависимую) формы. См. нах. *ден ца* 'отчий дом', *неГаран тIам* 'дверная ручка', *готта урам* 'узкая улица'. Качественные прилагательные имеют степени сравнения. В картвельских языках, помимо положительной степени сравнения прилагательного, наличествует обычно единая сравнительно-превосходная. Три степени (положительная, сравнительная, превосходная) строго обособлены в сванском языке: ср. *сәрни* 'красный' - *хоҥрапа* 'краснее' - *паҥрапе* 'краснейший', *маҥри* 'широкий' - *копҥара* 'шире' - *палҥаге* 'широчайший'. Особенностью мегрельского является наличие специфической уравнивающей степени сравнения: см. *маҥхва* 'такой же толстый', *мауҥа* 'такой же черный'. Для абхазско-адыгских языков характерно различение трёх степеней - положительной, сравнительной (описательного образования) и превосходной. Ср. кабард. *дахэ* 'красивый' - *нэхь дахэ* 'более красивый' - *нэхь дэхэ дидэ* 'красивейший'. В принципе аналогичная градация степеней сравнения прилагательного проводится также в нахских и дагестанских языках. Ср. чечен. *лехта* 'высокий' - *лехтаг* 'выше' - *лехтаг* 'еще выше'. Однако для дагестанских языков характерна описательная передача степеней сравнения.

31. Во всех группах иберийско-кавказских языков в качестве наречия нередко выступает форма именительного падежа несамостоятельного прилагательного. Ср. чечен. *дика стаг* 'хороший человек' - *стаг дика дьвиц* 'человек хорошо читает'.

Продуктивным является способ образования наречий от имен существительных и прилагательных в косвенных падежах (местном, дательном, орудном и др.). См. чечен. *говрахь* 'верхом на лошади', *марехь* 'замужем', *безамана* 'на память'. В картвельских языках в этой роли в большинстве случаев встречаем показатели обстоятельного, дательного и творительного падежей: груз. *almacer-ad* 'косо', *цесг-ад* 'внезапно', *скаг-а* 'быстро', *dila-s* 'утром', *did-xans* 'долго', *kwew-it* 'вниз', *сина-t* 'раньше' и т.д.⁴⁰ В абхазско-адыгских языках ср. адыгейские наречия *дах-эу* 'хорошо', *псынк-эу* 'быстро', *мыш-кIэ* 'сюда', *аш-кIэ* 'оттуда', соответственно использующие формы превратительного и творительного падежей⁴¹.

В роли наречий нередко выступают наречные фразеологические сочетания и деепричастия. См. чечен. *ша-шаха* 'механически', *пIокху дьношкахь* 'на этих днях'.

32. Подавляющее большинство иберийско-кавказских языков имеет две формы личного местоимения первого лица множественного числа - инклюзивную и эксклюзивную. Ср. нах.

⁴⁰ Шанидзе А.Г. Основы грамматики грузинского языка. I. Морфология. - Труды кафедры древнегрузинского языка. 15. Тбилиси, 1973, с. 589-592. На груз. яз.

⁴¹ Рогова Г.В., Керашева З.И. Грамматика адыгейского языка. Краснодар-Майкоп, 1966, с. 335.

вай 'мы (вместе с вами)' - инклюзивную и тхо 'мы (без вас)' - эксклюзивную.

33. Во всех группах иберийско-кавказских языков ряд указательных местоимений содержит специальные лексемы для обозначения трех степеней удаления предмета от фиксированного ориентира. Ср. нахские указательные местоимения: *хIара* 'этот, это, эта', *и//иза* 'тот, та, то', *дIара* 'тот, та, то'. Местоимение *хIара* указывает на предмет, находящийся в непосредственной близости от говорящего; *и//иза* - на предмет, более удаленный от говорящего; *дIара* - на предмет значительно удаленный.

34. Во всех группах иберийско-кавказских языков представлена двадцатиричная система счета наряду с десятичной. Ср. чечен. *цхбайтта* 'одиннадцать' (букв. 'один и десять'); *берхIитта* 'восемнадцать' (букв. 'восемь и десять'); *шовэтка* 'сорок' (букв. 'дважды двадцать'), *дэштка* 'восемьдесят' (букв. 'четырежды двадцать').

35. Разделительные числительные, как главило, образуются удвоением основы соответствующих количественных. Ср. нах.: *диь-диь* 'по четыре', *ялх-ялх* 'по шести', *исс-исс* 'по девяти'.

36. Во всех группах рассматриваемых языков наличествуют частицы и суффиксы с семантикой соединения, повторяющиеся после каждого из сочетающихся имен существительных, ср. чечен. *ваша а йиша а* 'брат и сестра' (параллельно употребляется сочетание *ваш-ий йиш-ий* - в том же значении), авар. *газетал-ги журналал-ги* 'газеты и журналы' - для нахских и дагестанских языков; сван. *mi-i si-i* 'я и ты' мегрел. *ma-ti si-ti* 'я и ты' - для картвельских; абхаз. *Иван-и Леуан-и* 'Иван и Леван', адыгейск. *мазм-рэ тигъэм-рэ* (или *маз-и тиг-и*) 'луна и солнце' - для абхазско-адыгских языков.

Придерживаясь существующей традиции во взглядах на полноту морфологического очерка, мы сочли необходимым указать также структурные общности сферы местоимений и числительных (см. п. 32-35). Однако, так как эти межгрупповые аналогии достаточно полно (в ином аспекте) рассмотрены в главе "Лексические общности", мы ограничились лишь их констатацией.

Учитывая синхронный типологический аспект нашего исследования, постулированные в данной главе морфологические общности могут быть объяснены прежде всего с точки зрения типологии. Действительно, отмеченная выше тесная взаимосвязь парадигматики и синтагматики, обусловившая специфику большей части структурных общностей, является следствием, в первую очередь, взаимодействия признаков агглютинативности и флективности, эргативности и номинативности.

При диахронном аспекте исследования в принципе возможным может оказаться генетическое объяснение рассмотренных межгрупповых аналогий. Однако здесь возникают большие трудности при попытках установления материальной со-

поставимости их экспонентов. Материальное расхождение соответствующих показателей должно в таком случае рассматриваться как результат длительной истории развития сопоставляемых морфологических систем, за время которой первоначальное материальное тождество могло оказаться почти полностью утраченным. В имеющихся сравнительно-исторических исследованиях по отдельным группам рассматриваемых языков реконструирован пока весьма скромный (по сравнению с современным) морфологический инвентарь, что также в значительной мере затрудняет генетическое истолкование постулируемых общностей.

В принципе возможным, хотя и менее перспективным, представляется здесь ареальный способ лингвистического объяснения. Известно, что морфология является тем уровнем языка, факты которого лишь в крайне редких случаях подвержены усвоению в процессе языковых контактов. Приходится к тому же учитывать, что целый ряд рассмотренных параллелизмов, как-то: преимущественно агглютинативный строй, аблаутные чередования гласных, противопоставление эргативного и номинативного (по другой терминологии - абсолютного) падежей или эргативной и номинативной (абсолютной) серий личных показателей глагола и др., играют в структуре языка настолько фундаментальную роль, что трудно допустить мысль о распространении соответствующих черт в ходе ареального взаимодействия.

Правда, в специальной литературе приводились случаи перехода отдельных морфологических элементов из одних кавказских языков в другие⁴². Однако, как правило, при этом шла речь о заимствовании некоторых формальных показателей, а не самой морфологической категории. Исключением являются подчинительные союзы в бацбийском языке, образовавшиеся под влиянием грузинского. Разумеется, не в пользу контактной обусловленности рассмотренных в предшествующем изложении параллелизмов говорит и факт до сих пор не преодоленной трудности установления материальной сопоставимости их экспонентов.

⁴² См., например: Джанашиа С.Н. Сванско-адыгейские (черкесские) языковые встречи. Грузинско-адыгейские параллели. I. - Изв. ИЯИМК, т. XII. Тбилиси, 1942, с. 261-262. На груз. яз.; О влиянии грузинского языка на бацбийский см.: Дешериев Ю.Д. Бацбийский язык.

ФОНЕТИЧЕСКИЕ ОБЩНОСТИ

Кавказские фонетические системы обнаруживают существенные черты сходства, позволяющие говорить об **общекавказском фонетическом типе**. Это сходство проявляется прежде всего в организации систем шумных согласных: они характеризуются большим сравнительно с основной массой некавказских консонантных систем числом локальных рядов (за счет увулярного, латерального и прочих), триничным противопоставлением ларингальных признаков (вместо двичного, гораздо более распространенного в других ареалах), наличием специфических корреляций по силе, лабиализации, фарингализации. Таким образом, отличительной особенностью кавказских языков является активное использование фонетических возможностей, которые относительно редко используются в других языках мира, в частности, в индоевропейских. С этим связано **исключительное звуковое богатство** ряда кавказских языков: число шумных достигает в них 60-70 и более (абхазско-адыгские, арчинский).

Однако между отдельными языковыми группами Кавказа имеются большие расхождения по полноте использования этих специфических возможностей, в меньшей степени они реализуются в картвельских языках (инвентари шумных насчитывают в них не более 30 фонем). Заметные различия наблюдаются внутри отдельных групп и подгрупп, особенно велики они между лезгинскими языками Дагестана. Значительность фонетического расхождения **близкородственных** языков Кавказа связана, очевидно, с обширностью их фонемных систем и наличием в них "маркированных" единиц - сравните устойчивость **небольших фонемных инвентарей** таких языковых семей, как полинезийская, чукотско-камчатская, тупи-гуарани, отдельные представители которых разбросаны на огромных расстояниях друг от друга. Показательно, что системы сонорных, небольшие и лишенные специфических элементов, в языках Кавказа, за редким исключением, идентичны.

Для вокалических систем характерно **большое межгрупповое** (а иногда и внутригрупповое) разнообразие. Хотя по числу фонем они, естественно, значительно уступают консонантным (уникален двух-трехфонемный вокализм **абхазско-адыгских языков**), однако имеется немало кавказских языков, где большой инвентарь согласных сочетается со

значительным числом гласных (порядка 20 в цезских и 30 в нахских).

Парадигматическое богатство согласных в большинстве языков сопровождается их синтагматическим преобладанием над гласными: для всех кавказских языков нехарактерны стечения гласных, тогда как представлены консонантные сочетания, законы построения которых, однако, различны по языкам.

Основу фонемного состава всякого кавказского языка составляют шумные согласные. На Кавказе представлены шумные почти всех локальных рядов, засвидетельствованных в языках мира, хотя и не каждый из этих рядов имеет одинаково широко распространение. Во всех без исключения системах имеются фонемы следующих рядов: губные (р - ряд), зубные, или апикальные, (т - ряд), передние, или свистящие, сибиланты (с - ряд), задние, или шипящие, сибиланты (щ - ряд), велярные (к - ряд), увулярные, или верхнефарингальные, (г - ряд), ларингальные (х - ряд). В разных языках этих ряды представлены с разной степенью полноты (в задних рядах нередко бывают пробелы), однако те или иные представители каждого ряда присутствуют в любом кавказском языке.

Довольно широкое распространение имеют согласные еще трех рядов: средние, или свистяще-шипящие, сибиланты (щ - ряд), латеральные (л - ряд), эмфатические ларингалы (ф - ряд). Эти ряды, как и перечисленные выше, по-видимому, являются для языков Кавказа исконными¹, однако ввиду своей фонетической неустойчивости они во многих случаях утрачены.

Свистяще-шипящие фонемы имеются в адыгских языках, восстанавливаются в абхазских и убыхском, а также иногда постулируются для общекартвельского состояния². Свистяще-шипящий ряд отсутствует в языках Дагестана и вопрос о его наличии в общедагестанском языке-основе не поднимался.

Шумные согласные латерального ряда сохранились в адыгских языках и в убыхском, в аваро-андо-цезских языках и соседнем с ними языке лезгинской подгруппы - арчинском, а также (в остаточном виде) в одном из нахских языков - бацбийском. Если исконность латералов в абхазско-адыгском и нахско-дагестанском ареалах не подлежит сомнению³,

¹ Отметим, что все упомянутые ряды согласных восстанавливаются и в ностратическом праязыке, см.: *Иллич-Свитич В.М.* Опыт сравнения ностратических языков. Введение. Сравнительный словарь. М., "Наука", 1971, с. 147-149.

² *Мачавариани Г.И.* Общекартвельская консонантная система. Тбилиси, 1965, с. 28-30. На груз. яз.; ср.: *Климов Г.А.* Этимологический словарь картвельских языков. М., Изд-во АН СССР, 1964, с. 19.

³ *Trubetzkoy N.S.* Les consonnes laterales des langues caucasiennes septentrionales. - Bulletin de la

то картвельские языки в этом отношении стоят особняком — латеральные в них не только отсутствуют в синхронии, но и не постулируются в праязыковом состоянии.

Латералы в большинстве случаев реализуются двухфокусными звуками: переднеязычная артикуляция сопровождается сужением в палатальной или превелярной области: в арчинском переднеязычная артикуляция утрачена и латералы представлены заднеязычными звуками⁴. С фонетическими особенностями кавказских латералов связан часто наблюдаемый переход их в велярные, реже встречается замена латералов звуками апикального ряда (*ɬ⁶ → ʧ в аварских диалектах).

Большинство автохтонных языков Кавказа (исключением снова являются картвельские) обладают кроме звуков обычного ларингального ряда, образуемых сужением межсвязочного прохода, также звуками эмфатического ларингального ряда, образуемыми сужением в области входа в гортань (с участием надгортанника)⁵. Эмфатические ларингалы неустойчивы и плохо поддаются реконструкции, в некоторых языках они сохранились лишь в арабских заимствованиях. В системах, где есть фарингализация, эмфатические ларингалы могут замещаться фарингализованными простыми ларингалами: ʕ → h', ʕw → ʔ (табасаранский, цахурский).

В отдельных случаях засвидетельствованы шумные еще трех локальных рядов: лабио-сIBILЯНТЫ, или дентолабиализованные⁶ (ǰ-ряд), палатальные (k-ряд), нижефарингальные (x-ряд)⁷. Эти ряды явно вторичного происхождения — они возникли как результат модификации какого-либо из указанных выше основных рядов под влиянием дополнительных признаков лабиализации, палатализации и фарингализации: лабиализованные сIBILЯНТЫ дали лабио-сIBILЯНТЫ (абхазско-адыгские, табасаранский, кошанский диалект агульского), палатализованные велярные дали палатальные (адыгские, убыхские).

Société de Linguistique de Paris; t. XXIII, f.3; 1922, № 72;

Бокарев А.Е. Введение в сравнительно-историческое изучение дагестанских языков. Махачкала, 1961;

Kuipers A.N. Protocircassian phonology: an essay in reconstruction. — *Studia Caucasica*, I, 1963.

⁴ Нахадзе О.И. Латеральные согласные в арчинском языке. — ИКЯ, т. IX-X. Тбилиси, 1958. На груз. яз.

⁵ Эти звуки часто ошибочно называют "фарингальными". Об их артикуляции см.: Кибрик А.Ф., Кодзасов С.В., Оловянная И.П. и др. Опыт структурного описания арчинского языка, т. I. М., 1977, с. 198-203.

⁶ Они произносятся с подтягиванием нижней губы к верхним зубам (v-образная артикуляция) и с изменением характера фриктивного шума (он становится свистяще-шипящим).

⁷ Нижефарингальные (или "глубокофарингальные" см.: Магомедов А.А. Агульский язык. Тбилиси, 1970, с. 27) образуются сужением в нижней части глотки, на уровне корня языка. Их артикуляция сходна с артикуляцией дополнительного признака фарингализации (см. ниже).

тиндинский, хиналугский), фарингализованные увулярные дали нижефарингальные (диалекты агульского и, возможно, убыхский⁸).

Следует отметить, что описываемые здесь вторичные ряды с синхронной точки зрения уже не могут рассматриваться как комбинация первичного ряда с дополнительным признаком. Они отличаются от таких комбинаций как функционально (в частности, дентолабиализованные перед и не подвергаются нейтрализации, в отличие от прочих лабиализованных, о чем см. ниже стр. 10), так и фонетически.

Хотя согласные вторичных рядов имеют ограниченное распространение, они весьма характерны именно для языков Кавказа (если не считать картвельской группы) с его специфическими корреляциями лабиализации и фарингализации и обнаруживают возможные пути развития языков данного фонетического типа.

Различным локальным рядам в кавказских языках свойственны звуки разных способов образования и я. Для одних рядов типичны аффрикаты (т.е. смычные с фрикативизованным размыканием), для других - взрывные (т.е. смычные с "чистым" размыканием). В "аффрикатных" рядах обязательно присутствуют также и фрикативные, тогда как для "взрывных" рядов они нехарактерны. Корреляция рядов и способов образования отражает, очевидно, естественную связь типа артикуляторной преграды с типом шума, который производится при ее преодолении: фрикация возникает тем проще, чем больше площадь сужения или смыкания. "Взрывные" ряды характеризуются относительно малой площадью (точечностью) смыкания, тогда как звуки "аффрикатно-фрикативных" рядов характеризуются более широкой, плоской преградой.

Для передних рядов - губного и апикального - типичны взрывные, совершенно не отмечены аффрикаты⁹, а фрикативные не характерны. Губные фрикативные, хотя и засвидетельствованы в ряде языков, всюду вторичны. Глухой спирант *f* в лезгинских языках обычно восходит к лабиализованному велярному¹⁰ (который в свою очередь получен из латерала) сходно его происхождение в адыгейском языке. Трой-

⁸ По описанию Г. Фогта (*Vogt H. Dictionnaire de la langue oubykh. Oslo, 1962*), в убыхском представлен почти полный набор (ниже-)фарингальных, что весьма сомнительно с фонетической точки зрения (в агульских диалектах представлены лишь фрикативные, так как фарингализованные увулярные аффрикаты в нижефарингальные не переходят). Вероятнее всего, в убыхском в действительности выступают фарингализованные увулярные.

⁹ В других языках мира губные и апикальные аффрикаты (*pf*, *tθ* и т.п.) также редки.

¹⁰ Талибов Б.Б. О процессе делабиализации лабиализованных согласных в лезгинских языках. - Сборник статей по вопросам дагестанского и вейнахского языкознания. Махачкала, 1972, с. 49-71.

ка губных спирантов в кабардинском языке (f, v, f) восходит к лабиализованным сибиллянтам¹¹. В других языках v обычно является модификацией фонемы w и функционирует как сонорный. Апикальные фрикативные отмечены лишь как варианты взрывных фонем (тиндинский)¹².

Велярные смычные обычно представлены взрывными звуками, фрикативные x' и в дагестанских языках, как правило, восходят в латералам (лезгинские, даргинский). Особое положение наблюдается в аварско-андийской подгруппе, где велярный ряд является смешанным: сильный придыхательный и сильный абруптивный здесь являются аффрикатами, тогда как прочие смычные - взрывными; характерно, что эти языки имеют и глухой фрикативный велярного рода.

Увулярный ряд в целом является аффрикатно-фрикативным; увулярные смычные обычно представлены аффрикатами, и во всех кавказских языках имеются фрикативные x и γ¹³.

Особенностью этого ряда является взрывной характер непридыхательных смычных G и Ğ, которые встречаются в ряде языков Дагестана (ġ также в адыгейских диалектах). Явление это связано, по-видимому, с необычностью реализации противопоставленной им придыхательной аффрикаты этого ряда: шум придыхания полностью слит с фрикацией размыкания смычки, таким образом, отсутствие придыхания тождественно отсутствию фрикации.

Тенденция разграничения взрывных и аффрикатно-фрикативных рядов наблюдается во всех языковых группах, однако в отдельных языках (например, в цезских и "шахдагских") она смазана позднейшим развитием. Хотя эти тенденции носят универсально-фонетический характер, в кавказских языках она проведена последовательнее, чем в других языковых семьях, и может рассматриваться как черта кавказского фонетического типа.

¹¹ Ломтатидзе К.В. Об одной фонетической закономерности в ахазско-абазинских диалектах. - Сообщения АН ГрузССР, III, 1942, № 8, с. 861-868; Р о - г а в а Г.В. Основные фонетические процессы согласных в адыгских языках. - Ежегодник иберийско-кавказского языкознания, т. I. Тбилиси, 1974, с. 74-75.

¹² Гудава Т.Е. Тиндинский язык. - Языки народов СССР, т. 4. М., "Наука", 1967, с. 369.

¹³ В работах грузинских лингвистов эти фрикативные обычно относятся к велярному ряду. Очевидно, это связано с тем, что фонетически они реализуются не столь глубоко, как увулярные смычные. Однако с типологической и исторической точек зрения эти фрикативные скорее принадлежат к q-ряду. Их относительно менее глубокая локализация объясняется тем, что увулярные производятся горизонтальным в основном смещением языка назад, в отличие от других язычных, которые производятся в основном вертикальным смещением. Вместе с тем локализация увулярных фрикативных явно глубже, чем локализация звуков велярного ряда.

Почти во всех кавказских языках выступают тройки шумных смычных типа $d - t^h - \dot{t}$, $ʒ - s^h - \dot{c}$, противопоставленных по ларингальным признакам. С точки зрения артикуляционной это противопоставление основано на различиях в положении голосовых связок: при производстве звуков типа d , $ʒ$ связки сведены (но не сомкнуты), при производстве звуков типа t^h , s^h связки разведены, наконец, при произнесении звуков типа $\dot{t}$, $\dot{c}$ связки сведены и сомкнуты, а гортань действует как поршень, нагнетающий воздух во рту.

С точки зрения акустической это противопоставление основано на характере отступа звука: немаркированный отступ ($d, ʒ$) противопоставлен придыхательному (t^h, s^h) и резкому, или абруптивному, отступу ($\dot{t}, \dot{c}$)¹⁴. Наличие - отсутствие колебаний связок (глухость - звонкость) в такой системе не релевантно: разведение связок в случае придыхательных и смыкание их в случае абруптивных автоматически исключает озвончение; что же касается фоном с немаркированным отступом (условно называем их непридыхательными), то в качестве основных вариантов они имеют звонкие звуки, однако рядом с глухими и в начале слова нередко наблюдается их оглушение (рутульский, арчинский, чамалинский, грузинский¹⁵).

Троичная система ларингальных признаков вида "непридыхательный - придыхательный - абруптивный" свойственна абсолютному большинству рассматриваемых языков и является характерным признаком кавказского фонетического типа. Однако в некоторых языках эта система подверглась перестройке, связанной с наличием корреляции по силе.

Напряженность сведенных связок исключает их колебания¹⁶, поэтому сильные непридыхательные звуки $\dot{t}$, $\dot{c}$ и др. произносимые с напряжением артикуляционных органов, являются всегда глухими (в описаниях грузинских языковедов они нередко называются "преруптивными"). Ослабление сильных дает естественные переходы вида $*\dot{t} \rightarrow d$, $*\dot{c} \rightarrow ʒ$

¹⁴ Наблюдаемые синхронные и исторические чередования непридыхательных и абруптивных легко интерпретируются - сочетание сведения и смыкания связок дает абруптивный: $*b' \rightarrow p$, $*d' \rightarrow \dot{t}$ (рутульский, табасаранский), напротив, потеря гортанного смыкания (в некоторых позициях) дает непридыхательный: $*p \rightarrow b$, $*\dot{t} \rightarrow d$, $*\dot{c} \rightarrow ʒ$ (+z) (арчинский, хиналугский). Придыхательные не чередуются ни с абруптивными, ни со слабыми непридыхательными.

¹⁵ См., например: *Ониани А.Л.* Противопоставление согласных по признаку "звонкость-глухость" в современном грузинском литературном языке. - Вопросы анализа речи, вып. IV. Тбилиси, 1973. На груз.яз.

¹⁶ *Halle M., Stevens K.N.* A note on laryngeal features. - Quarterly Progress Report, №101, MIT, Cambridge, 1971.

и т.п., такие синхронные и исторические чередования представлены в большом числе языков, где имеется или имела корреляция по силе¹⁷.

Однако, в некоторых языках бывшие сильные сохранили обязательную глухость, с артикуляционной точки зрения это означает, что ослабилась лишь ротовая артикуляция, тогда как сведенные связки сохранили напряженность, предотвращающую озвончение. В этом случае начинают противопоставляться фонемы с немаркированным отступом; с одной стороны, *b, d, ɟ, ʒ* и др. (обязательно звонкие), а с другой стороны, *p, t, k, s* и др. (глухие, но непридыхательные), т.е. система ларингальных признаков становится четверичной: *b - p - p^h - ɸ, d - t - t^h - ʈ*. Такое положение представлено, например, в лезгинском языке. Дальнейшее развитие такого рода системы может идти по пути слияния глухих непридыхательных и придыхательных и возникновению нетипичной для Кавказа троичной системы "звонкий-глухой-абруптивный" (адыгейский, цезские). Наличие-отсутствие придыхательности глухого в этой системе нерелевантно, основным вариантом является непридыхательный.

Уникальное развитие засвидетельствовано в диалектах удинского языка: здесь абруптивные во всех позициях перешли в непридыхательные¹⁸. При этом они сохранили обязательную глухость, тогда как исконные непридыхательные, очевидно, всегда реализуются здесь звонко. Таким образом, возникли коррелятивные тройки вида *b - p - p^h, d - t - t^h, ʒ - c - c^h* и т.д.

Для фрикативных типично двоичное противопоставление по ларингальным признакам, причем релевантным является характер стационарной части звука (звонкий - глухой), а не характер отступа (непридыхательный -придыхательный). Это связано с тем, что фрикатива маскирует шум придыхания, а в случае задних звуков (велярных, увулярных) совершенно с ним сливается, что исключает возможность противопоставления фрикативных этих рядов по наличию - отсутствию придыхательного отступа. Вместе с тем после глухих сибиллянтов придыхание обычно хорошо слышно, хотя этот признак и не является релевантным.

В редких случаях встречается троичная корреляция фрикативных, возникающая за счет добавления абруптивных членов (также и здесь резкий характер имеет весь звук, а не его отступ). Однако она никогда не охватывает всей системы фрикативных, а относится к одному-двум рядам (в андийских - *ʃ, ʒ*, в адыгских - *f, ʒ, ʒ̣*). Эти выпадаю-

¹⁷ В редких случаях конечные сильные смычные переходят в придыхательные: **t̥ + t^h*, **ʃ̥ + ʃ^h* (арчинский), это объясняется придыхательной реализацией прежних сильных в такой позиции (*[t̥^h]*, *[ʃ̥^h]*), такая реализация наблюдается, например, в агульском языке.

¹⁸ Талибов Б.Б. К вопросу об абруптивных согласных в удинском языке. - Ежегодник иберийско-кавказского языкознания, т. I. Тбилиси, 1974.

Т а б л и ц а 1

		Губ- ные	Апикаль- ные	Передн. сибил.	Задн. сибил.	Веляр- ные	Уву- лярные
Смычные	Непридыха- тельные	b	d	ʒ	ʒ̣	g	G
	Придыха- тельные	p ²⁰	t	c	ç	k	q
	Абруптив- ные	p̣	ṭ	c̣	ç̣	ḳ	q̣
Фрика- тивные	Звонкие			z	ʒ		ɣ
	Глухие			s	ʃ		x

щие из системы члены всегда неисконны: они являются результатом спирализации абруптивных аффрикат¹⁹ (сходное происхождение имеет, очевидно, и адыгское I^{I}).

Ядро кавказской системы шумных представлено на табл. 1²⁰.

Эта "ядерная" система редко бывает полной; наиболее часто в ней отсутствуют звонкие аффрикаты ʒ , ʒ̣ , G^{21} (многие дагестанские языки). Увулярный звонкий отсутствует обычно даже и при наличии сибилантных звонких аффрикат (картвельские, абхазско-адыгские). В нахских языках звонкие сибилантные аффрикаты и фрикативные дополнительно распределены. Фонема p , хотя и имеется в большинстве языков, занимает периферийное место; она встречается обычно (хотя и не всегда) в немногих звукоподражательных и звукоименных словах. Маргинальное положение фонем G и p явно объясняется их универсально-фонетической неестественностью, произносительной трудностью.

Другие пробелы (q в мегрельском, чанском и большинстве диалектов грузинского, s в некоторых андийских и т.д.) связаны с индивидуальными особенностями исторического развития отдельных языков и общекавказский фонетический тип не характеризуют.

Приведем примеры на фонемы, входящие в ядро кавказской системы шумных, из языков, относящихся к разным группам: абаз. ba 'поцелуй', pa 'сын', pa 'грязь'; da 'жила', ta 'стойбище', tə 'филин'; ʒa 'бок', sa 'амбар', sa 'вошь', zaz 'желчь', sas 'каменная соль'; sa 'кобыла', ʃa 'рот', ʒra 'копать', ʃra 'лаять'; gara 'колыбель', kəb 'кустарник', kra 'ловить'; qa 'голова', qəʒ 'бороз-

¹⁹ Гудава Т.Е. Консонантизм андийских языков. Тбилиси. 1964, с. 99; Рогова В.Г. Указ. соч., с. 72-75.

²⁰ Значок придыхания в этой таблице и ниже для простоты опускается, так как в большинстве случаев он избыточен.

²¹ Заметим, что звонкая аффриката совершенно неизвестна в латеральном ряду, поэтому ее постулирование для праязыка Трубетским (Trubetzkoy N.S. Указ. соч.) весьма спорно.

да', ɣar 'пленник', xar 'сеть'; груз, biʒ- 'шаг', pesw- 'корень', peɾela- 'бабочка'; da- 'сестра', tapl- 'мед', tɪl- 'вошь'; зизу- 'женская грудь', sel- 'коса', zamtar- 'зима', sam- 'три'; ʒwar- 'крест', ʒem- 'мой', ʒur- 'сосуд', ʒubl- 'лоб', gora- 'горка', katar- 'курица', kaqab- 'куропатка', gana- 'пашня', ɣame- 'ночь', xox- 'горло'; чечен. barh 'восемь', rax 'легкое', penda 'ребро'; de 'день', taj 'нитка', ɟaj 'мост'; zu 'еж', sasa 'сито', ɟa 'комната', saɟ 'мера зерна'; ʒa 'отара', ɟa 'соллома', ɟaba 'коса', ʒa 'лед'; ga 'ветка', ka 'баран-производитель', ka 'пшеница'; qor 'груша', qu 'вор', ɣa 'лист', xɪ 'вода'; рутулск. bāl 'лоб', raq 'помет медведя', pɪz 'губа'; dur 'имя', tu 'слюна', tur 'прыщ'; ʒɪʒɪx 'муравей', sarɟaraj 'посуда', ɟɪh 'коза', zur 'моча', sɪ 'медведь', ʒɪbɛr 'курдюк', ɟɪxar 'грива', ɟar 'волос', ʒɪn 'пот'; gət 'кошка', kuɟ 'сука', kaɟ 'курица', Gaw 'крыша', ɣɪl 'нога', xud 'жало'.

Если сравнить системы шумных разных групп кавказских языков, нетрудно увидеть, что лишь описанная выше "ядерная" их часть является общей для всех групп, причем она полностью покрывает консонантизм картвельских языков. Однако такая система может рассматриваться как упрощение гораздо более богатой системы, представленной в абхазско-адыгских и нахско-дагестанских языках. Эта система содержит, кроме еще трех локальных рядов, о которых говорилось выше, дополнительные признаки силы и лабиализации.

Корреляция по силе, как показал еще Трубеткой²² носит в основном динамический, а не количественный характер: сильные отличаются от слабых большей напряженностью артикуляции, отличия в длительности являются автоматическим следствием различий в напряженности. В интервокальном положении сильные обычно реализуются как геминированные, т.е. фаза артикуляционного сведения относится к предшествующему, а фаза разведения - к последующему слогу. Геминация интервокальных сильных взрывных, по-видимому, обязательна - не случайно андийские языки, в которых наблюдается тенденция к открытому слогу, не имеют этих фонем при наличии других сильных.

Наиболее широкое распространение имеют сильные смычные: в абхазско-адыгской группе они сохранились лишь в шапсугском и бжедугском диалектах адыгейского языка, но восстанавливаются и в протоадыгском²³; в нахской подгруппе они сохранились в остаточном виде, тогда как в дагестанском ареале выступают в большом числе языков. Сильные

²² Trubetzkoy N.S. Studien auf der Gebiete der vergleichenden Lautlehre der nordkaukasischen Sprachen. 1. Die "Kurzen" und "geminierten" Konsonanten der awaro-andischen Sprachen. - *Caucasica*, f. 3. Leipzig, 1926.

²³ Kuipers A.H. Указ. соч.; Балкаров Б.Х. Фонетика адыгских языков. Нальчик, 1970, с. 260.

взрывные, как правило, представлены непридыхательными фонемами (č в бацбийском вторично), сильные аффрикаты также в большинстве случаев имеются только в этом классе звуков. Примеры на сильные непридыхательные из адыгейского: pətā 'крепкий', tā 'мы', kə 'арба', čā 'зуб', čə 'бык', čāmə 'корова', из лакского: ɸa 'шило', ɸa 'овца', kuɸ 'отверстие', čas 'шиповник', čaɸ 'хлеб', čaw 'сноп'. Однако в аваро-андийских языках и в арчинском сохранились сильные абруптивные аффрикаты, несомненно, восходящие к нахско-дагестанскому уровню; предполагается также исконность сильных придыхательных аффрикат, наличествующих в аварско-андийских языках²⁴. Примеры на сильные абруптивные и придыхательные аффрикаты из ахвахского языка (северный диалект)²⁵: čanɪ 'соль', kəra 'муравей', čilɪ 'перегородка' (ср. gili 'могильный камень'), čira 'мост'; čibera 'зима', čanda 'клоп', čut 'клин'.

Максимум напряжения в сильной аффрикате может приходиться на смычную или фрикативную часть: в непридыхательных аффрикатах он всегда относится к смычной части, в придыхательных - всегда к фрикативной части, абруптивные аффрикаты могут быть сильно-смычными (арчинский и, вероятно, другие лезгинские в прошлом) и сильно-фрикативными (аварско-андийские)²⁶. Это различие отражается в рефлексах сильных аффрикат: сильно-смычные аффрикаты имеют тенденцию перехода во взрывные (*č + t → d в некоторых лезгинских языках, *č + t в чеченском, *č + t в бацбийском), тогда как сильно-фрикативные переходят в фрикативные (*č → š, *č → š, *č → š, č → š и т.д. в андийских языках).

Корреляция по силе среди фрикативных встречается реже, чем среди взрывных (она имеется лишь в дагестанских языках). Характерно, что противопоставление фрикативных по силе отмечено лишь в тех языках, где есть одновременно и противопоставление смычных, при этом оно всегда наличествует в языках с сильно-фрикативными аффрикатами. Примеры на сильные фрикативные из аварского языка: čan 'межа' (ср. san 'член, часть тела'), čal 'кто (мн.)' (ср.

²⁴ Гигинейшвили В.К. Сравнительная фонетика дагестанских языков. Тбилиси, 1977, с. 94-98.

²⁵ Примеры взяты из кн. Магомедбекова З.М. Ахвахский язык. Тбилиси, 1967.

²⁶ Тип сильных аффрикат, возможных в данном языке, скоррелирован со структурой слога: в андийских языках, тяготеющих к открытому слогу, сильно-смычные аффрикаты не допускаются, так как в интервокальном положении они закрывали бы слог (фаза смыкания отходила бы к предшествующему слогу, а фаза размыкания - к последующему). Характерно одновременное отсутствие в андийских языках сильных взрывных. Напротив, в языках, имеющих сильные взрывные, присутствуют и сильно-смычные (непридыхательные) аффрикаты (лакский, диалекты даргинского).

ʒal 'шерстяная ткань'), xer 'трава' (ср. хер 'старо'), I'amijab 'жидкий'.

Корреляция по силе вызывает крайнюю неустойчивость системы шумных. Это связано с тем, что не только сильный, но и слабый член коррелятивной пары является фонетически маркированным относительно нейтрального по напряженности звука: он произносится особенно расслабленно, вяло и имеет тенденцию переходить в ближайший согласный с более широким проходом. Для взрывного таким согласным является фрикативный или сонорный (*d + *ʒ + z или *d + r, *b + *β + v. (+w), для аффрикаты - фрикативный (*ʒ + z, *c + s и т.п.). Утрата слабых членов корреляции ведет к ее разрушению и последующему ослаблению сильных членов. Таков типичный путь изменения парадигматической системы шумных многих нахско-дагестанских языков.

Корреляция по силе может также подвергаться частичному разрушению из-за неодинаковости внутренних энергетических свойств согласных разных рядов. Как известно, свистящие отличаются от шипящих не только более передней локализацией, но и "резкостью", т.е. большей степенью артикуляторного усилия. Различие по резкости вступает в противоречие с корреляцией по силе: нерезкие (шипящие) могут быть сильными, а резкие (свистящие) - слабыми. В некоторых андийских языках это противоречие устраняется заменой слабых резких слабыми нерезкими (c + č, ç + č, s + š), и сильных нерезких сильными резкими (ç + č, š + š). В таких языках все фонемы свистящего ряда являются сильными, а шипящего ряда - слабыми. Вероятно, сходные причины вызывают исторические переходы типа x + h, l' + h.

Для абхазско-адыгского и дагестанского ареалов характерно наличие корреляции по л а б и а л и з а ц и и²⁷. Она может распространяться на все ряды шумных, кроме губного, однако лабиализованные переднеязычные (апикальные и свистящие) и ларингальные не типичны, напротив, согласные веллярного и увулярного рядов очень "любят" лабиализацию.

²⁷ В некоторых описаниях предлагается бифонемная трактовка лабиализованных - они рассматриваются как сочетания шумных с лабиальным глайдом. При принятии монофонемной или бифонемной интерпретации необходимо кроме чисто фонетических факторов учитывать все структурные особенности языка - как парадигматические, так и синтагматические. В частности, отсутствие в языке анлаутных комплексов согласных и аусллаутных комплексов с конечными сонорными ясно свидетельствует в пользу монофонемного статуса сегментов с лабиальным элементом в этой позиции. В пользу монофонемного решения говорит и наличие ограничений на сочетаемость лабиального элемента с фонемами тех или иных локальных рядов. Соображения такого рода заставляют принять для большинства дагестанских языков монофонемную трактовку (ее придерживался еще Н.С.Трубецкой), тогда как для картвельских языков несомненна адекватность бифонемной интерпретации.

Приведем примеры на арчинские лабиализованные: q, al 'вымя', (ср. qal 'кожа'), qel - kez 'испытывать головокружение' (ср. gel 'кружка'), X, es 'нести (1 класс)' (ср. Xes 'нести (4 класс)'), qant 'пятно', t, as 'резать', c, a- ti 'кизяк', s, i 'ночью', l, it 'навоз'.

Внутрисегментные сочетаемостные предпочтения лабиализации, несомненно, носят универсально-фонетический характер; также для гласных гораздо естественнее огубление заднеязычных (o, u), чем переднеязычных (ö, ü). Эти фонетические тенденции в некоторых языках (убыхский и др.) отражаются также в различии вида лабиализации для разных локальных рядов: задние ряды имеют более ярко выраженную, вытянутую (w-образную) губную артикуляцию, тогда как передние - более "поджатое" (v-образное или b-образное) огубление²⁸. Показательно, что сходное распределение имеют аллофоны лабиального сонорного перед задними и передними гласными (см. ниже).

Из других дополнительных признаков шумных отметим еще п а л а т а л и з а ц и ю (о фарингализации см. ниже). В абхазско-адыгских языках корреляция по этому признаку исконна, она охватывает шипящий и увулярный ряды. В дагестанских языках палатализованные фонемы (обычно велярного ряда) вторичны: они либо восходят к палатализованным латералам (агульский, цахурский), либо отражают утраченные гласные переднего ряда (хиналугский).

Характерным для кавказских языков является процесс "спортанной" палатализации нелабиализованных велярных он имел место в разных ареалах (адыгские и убыхский, андийские, лакский). В основе этого процесса лежит фонологизация побочного противопоставления по веляризованности - невеляризованности, сопровождающего основное противопоставление по лабиализованности-нелабиализованности. В большинстве случаев палатализованные велярные такого происхождения переходят в палатальные, а затем в шипящие (*k + k, + k̄ + ç и т.п.), однако по языкам представлены и промежуточные этапы этого процесса²⁹.

Специфическую организацию имеют шумные л а р и н г а л ь н ы х р я д о в: здесь накладываются противопоставления по способу образования и по ларингальным признакам.

Простой (межсвязочный) ларингальный ряд содержит обычно два члена: h и . Фонема h, с одной стороны, представляет собой фрикативный звук, а с другой, аналогична ларингальному признаку придыхания. Глухость-звонкость этой фонемы нерелевантна и зависит от окружения (для интервокальной позиции типична звонкость). Фонема h, будучи смычной, одновременно является аналогом ларингального признака абруптивности.

²⁸ Отсюда развиваются дентолабиализованные звуки (см. выше) и комплексы согласных с начальным губным (хиналугский).

²⁹ См., в частности: Гудава Т.Е. Указ. соч., с. 75-81.

Эмфатические ларингалы бывают двух типов, звуки первого типа (h и $\text{h}^{\text{э}}$) в качестве основной имеют артикуляцию простых ларингалов h и $\text{h}^{\text{э}}$, а сжатие входа в гортань имеет характер дополнительного признака - по-видимому, их правильнее называть "эмфатизованными" ларингалами (h - эмфатизованное придыхание³⁰, $\text{h}^{\text{э}}$ - эмфатизованная гортанная смычка). Чаще встречаются эмфатические ларингалы иного типа: сужение входа в гортань является у них основной артикуляцией, а роль связочных артикуляций аналогична их роли для других рядов шумных. Здесь также представлено два члена: h - глухой фрикативный и w - глайд или звонкий фрикативный.

Подсистемы ларингальных фонем в кавказских языках отличаются большим разнообразием: они могут содержать от одного - h (грузинский) до пяти - h , $\text{h}^{\text{э}}$, h , $\text{h}^{\text{э}}$, w (тпигский диалект агульского) членов. Типичными, однако, следует признать четырехэлементные системы вида h , $\text{h}^{\text{э}}$, h , w , они широко представлены в нахско-дагестанских языках и к ним, вероятно, восходят более простые системы абхазско-адыгских языков ($\text{h}^{\text{э}}$, h , w - в абхазском и абазинском, $\text{h}^{\text{э}}$ и h - в адыгских).

Ларингалы не вступают в корреляцию по силе, однако существует известное артикуляционное сходство между противопоставлением простых и эмфатических ларингалов и противопоставлением слабых и сильных шумных других рядов. В некоторых языках (абхазско-адыгские, даргинский) ларингалы участвуют в корреляции по лабиализации.

Число сонорных в кавказских языках невелико, и их система почти во всех языках одинакова:

m	n		
	l	r	
w(v)			j

Лишь в грузинском (литературный язык и часть диалектов) отсутствует j , а в убыхском и адыгских - сонорный латерал. Последний пробел структурно мотивирован - он обусловлен наличием звонкого фрикативного латерала: столь близкие фонемы плохо сочетаются внутри одной системы. Интересно, что в аваро-андо-цезской подгруппе наблюдается обратная картина: имеется сонорное l , но отсутствует звонкий фрикативный латерал³¹. Вытеснение сонорного шумным в адыгских языках объясняется, очевидно, поддержкой абруптивного фрикативного латерала.

Другое отклонение от этой системы являет собой ингушский язык, где имеется фонематическое противопоставление звонкого и глухого вибранта (r - r_0). Вибрантное (раска-

³⁰ Эта фонема, подобно h , может иметь звонкий аллофон; примечательно, что при наличии в системе h и $\text{h}^{\text{э}}$ распределение звонких и глухих аллофонов совпадает (даргинский).

³¹ В этом отношении уникален арчинский язык - он имеет как сонорный латерал, так и звонкий фрикативный, чередующийся с абруптивным.

тистое) произношение г характерно для всех кавказских языков.

Носовые во всех языках представлены губным и язычным. Язычный в качестве основного варианта имеет апикальный, но перед язычными согласными других рядов дает гоморгантные варианты: л перед палатальным, ɲ перед велярными, ɳ перед увулярными. Сочетания гласных с назальными в конце слога в некоторых языках фонетически реализуются как назализованные гласные, в других языках назализованные гласные такого происхождения стали фонемами (андо-цезские, бацбийский).

Губной неназализованный сонант чаще всего реализуется глайдом w. В некоторых случаях имеется несколько фонетических вариантов: перед задними гласными выступает w, тогда как перед передними v или β (цахурский). В других языках v выступает в качестве основного варианта губного сонанта. В большинстве случаев использование v на месте исторического w связано либо с распадом корреляции по лабиализации (хиналугский), либо с появлением f (лезгинские).

Внутрислоговые сочетания гласных с глайдами j и w образуют фонетические дифтонги, нередко ошибочно трактуемые как отдельные фонемы.

Сонорные в кавказских языках не вступают, как правило, ни в какие корреляции. Встречающиеся в интервокальной позиции фонетические геминированные сонанты естественно трактовать как сочетания одинаковых фонем³². Уникальное и явно переходное явление представляют собой лабиализованные сонорные ɓ, ɗ, ɟ, выступающие в конце слова в чамалинском языке (гакваринский диалект): sal_ɓ 'зуб', ʒar_ɗ 'бурдюк', rap_ɟ 'дырка; лабиализация здесь является рефлексом отпавшего конечного u. Вторично и противоположные твердого и мягкого латерального, встречающиеся в отдельных языках.

Системы г л а с н ы х в разных группах кавказских языков общности по существу не обнаруживают: каждая из групп характеризуется собственным типом вокализма.

В картвельских языках господствуют треугольные пятичленные системы вида

i	u
e	o
a	

Лишь в некоторых сванских и грузинских диалектах система усложняется за счет умляутированных. Система описанного вида постулируется и для языка - основы³³, в котором пред-

³² Трубецкой был, по-видимому, неправ, видя в них "интенсивные" (т.е. сильные) пары простых сонорных (*Trubetzkoy N.S. Die Konsonantensysteme der Ostkaukasischen Sprachen. - Caucasia, f. 8. Leipzig, 1931*).

³³ Гамкрелидзе Т.В., Мачавариани И.М. Система сонантов и аблаут в картвельских языках. Типология общекартвельской структуры. Тбилиси, 1965, с. 145-171 и с. 416-428. На груз. яз.

полагается также наличие корреляции по долготе для гласных нижнего и среднего подъема: а - ā, е - ē, о - ō (это противопоставление имеется в большинстве сванских диалектов).

Уникальное явление представляет собой вокализм абхазско-адыгских языков. Здесь выступают так называемые линейные системы, содержащие 2 члена - *ə* и *a* (абхазский, абазинский) или 3 члена - *ə*, *ä*, *a* (адыгские, убыхский), противопоставленные по подъему. Позиционное варьирование гласных очень многообразно, сочетания с глайдами фонетически реализуются как *i*, *u*, *e*, *o*. Двучленная система гласных предполагается и для западнокавказского языка-основы.

Делались предложения описывать абхазско-адыгские языки на морфонологическом уровне как моновокалические - за счет рассмотрения *ə* как слогообразующего элемента, вставляемого автоматически при отсутствии в слоге "полного" гласного (Н.Ф. Яковлев, А.Н. Генко)³⁴. Еще дальше пошел А. Койперс, предложивший считать кабардинский язык на морфонологическом уровне чисто консонантным - за счет приписывания согласному перед *a* особого признака "открытости"³⁵. Однако оправданность таких описаний справедливо подвергается сомнению³⁶: с синхронной точки зрения *ə* далеко не всегда выводимо по правилам, а чередование *ə* с нулем звука даже является значимым в кабардинском.

Несомненна внутренняя связь типа западно-кавказского вокализма с типом консонантизма: наличие тембровых корреляций (по палатализации и лабиализации) в системе согласных противоречит соответствующим противопоставлениям (по ряду и лабиализации) в системе гласных. Вероятно, эта типологически редкая система возникла как результат разрушения обычной трех- или четырехугольной вокалической системы ввиду утверждения консонантных тембровых корреляций.

В нахско-дагестанских языках преобладают четырехугольные системы тюркского типа. До сих пор серьезных попыток реконструкции вокализма этих языков не предпринималось, поэтому трудно судить, является ли четырехугольная система исконной или это результат трансформации. Однако исходность такого типа вокализма представляется весьма вероятной³⁷; он выступает также и в тех языках, которые, в частности, не испытывают воздействия извне.

³⁴ Яковлев Н.Ф. Таблицы фонетики кабардинского языка. М., 1923; Генко А.Н. Абазинский язык. М., 1955.

³⁵ Kuyper A.N. Phoneme and morpheme in Kabardian. 'S-Gravenhage, 1960, с. 50-51.

³⁶ Ср. их критику М.А. Кумаховым (Кумахов М.А. Теория моновокализма и западнокавказские языки. - ВЯ, 1973, № 6) и М. Халле (Halle M. Is Kabardian a vowelless language? - Foundations of language, 1970, № 6, 1).

³⁷ Е.А. Бокарев (Бокарев Е.А. Указ. соч.) восстанавливает следующий инвентарь:

<i>i</i>	<i>u</i>
<i>e</i>	(<i>o</i>)
<i>ä</i>	<i>a</i>

Нахско-дагестанские вокалические системы в отличие от картвельских и абхазско-адыгских весьма разнородны, что не удивительно, если учесть их многочисленность и территориальную разбросанность. Особенно разнообразны четырехугольные системы: представлены как почти максимально возможные, так и минимальные. Максимальные системы такого типа имеют 4 ряда и 3 подъема:

i	ü	ĩ	u
e	ö	-	o
ä		a	

Такие системы представлены в "шахдагских" языках (хиналугский, крызский) и, по-видимому, в нахских (ингушский, чеченский)³⁸.

Упрощение системы такого рода идет по линии уменьшения числа рядов или подъемов. Примеры систем с сокращением числа рядов при сохранении 3 подъемов: бежтинская, удинская -

i	ü	u
e	ö	o
ä		a

цезская -

i	u
e	o
ä	a.

Примером системы с сокращением числа подъемов при сохранении 4 рядов может служить лезгинская -

i	ü	ĩ	u
e		a	

Сокращение как числа рядов, так и числа подъемов дает системы типа цахурской -

i	ĩ	u
e	a	o

ской -

i	ü	u
e		a.

Минимальная четырехугольная система представлена в даргинском языке -

i	u
e	a.

Гораздо реже в нахско-дагестанских языках выступают треугольные системы - пятичленные инвентари представлены в аваро-андийских языках, арчинском и бацбийском. Трехчленная система - i, a, u - представлена в лакском языке (лакское a имеет ряд фонетических вариантов: a, ä, o, e).

Во многих нахско-дагестанских языках гласные противопоставлены по назализации и долготе. Назализация всюду вторична - она восходит к назальным согласным в конце слова, долгота также считается неисконной. Наложение на систему основных гласных корреляции по назализации и долготе может давать весьма обширные инвентари (до 20-25 членов в цезских). В вейнахских языках (чеченском и ингуш-

³⁸ В чеченском, кроме того, отмечается противопоставление открытого и закрытого o (Дешериев Ю.Д. Современный чеченский литературный язык. Фонетика. Грозный, 1960).

ском) вокалическая система осложняется еще дифтонгами. Таким образом, наличие большого инвентаря согласных в кавказских языках не предотвращает развития обширных вокалических систем.

Упомянем также дополнительный признак ф а р и н г а л и з а ц и и, наблюдаемый в дагестанских языках и в одном из абхазско-адыгских языков - уبخском. К сожалению, типологическая и генетическая проблематика, связанная с этим признаком, разработана пока крайне слабо. Артикуляционно фарингализация заключается в сужении (нижне-)фарингального прохода за счет напряжения стенок фаринкса и смещения назад корня языка³⁹, что влияет и на основную артикуляцию звука.

Фарингализация фонетически выступает обычно как супрасегментный признак - она распространяется на слог или даже на последовательность слогов. Функциональная роль этого признака различна по языкам и связана с характером его распределения: если фарингализация встречается лишь в слогах с определенными классами согласных (увулярные и губные - в уبخском, увулярные и ларингальные - в табасаранском), то она относится к этим согласным. Если же ограничений на распределение фарингализации нет (лакский, цахурский), то естественнее считать ее супрасегментным признаком и обозначать на слоговой вершине, т.е. на гласном. Переходное состояние представлено в арчинском языке. Приведем примеры арчинских слов, отличающихся наличием-отсутствием фарингализации: tu^hl 'сопли', - tu^hl 'гора', di^hg 'зола'- di^hg 'суп', d^hon 'между' - don 'горный козел'.

Фарингализацию следует отличать от того фонетического признака, который Н.С. Трубецкой называл "эмфатической палатализацией" и который артикуляционно выражается в сжатии и подъеме гортани. Этот признак выступает в нахских языках⁴⁰, а также в одном из лезгинских языков (агульском) и диалектах цезского. Эмфатическая палатализация и фарингализация, по всей вероятности, восходят к общему историческому источнику. Эти признаки как бы дополнительно распределены по нахско-дагестанским языкам и поэтому обычно отождествляются, однако по фонетической природе они не вполне совпадают.

Чрезвычайно трудно сравнивать кавказские языки с целью обнаружить общие черты в п р о с о д и и с л о в а. Это объясняется слабой изученностью конкретных акцентных систем и отсутствием сравнительно-исторических исследований по отдельным группам. В описаниях всех кавказских язы-

³⁹ Бокарев Е.А. Указ. соч.; Гаприндашвили Ш.Г. Фонетика даргинского языка. Тбилиси, 1966, с. 189-190.

⁴⁰ В нахских языках эмфатически палатализованные согласные обычно трактуются как сочетания с эмфатическими ларингалами (b^harg 'глаз', š^ha 'куда' и т.п.), однако Трубецкой считал такую интерпретацию ошибочной (Trubetzkoy N. Die Konsonantensysteme...).

ков ударение квалифицируется как динамическое, причем нередко указания на "слабость", а иногда "трудноуловимость" ударения. Однако говорить о фонетической общности ударения на Кавказе явно преждевременно. Весьма вероятно, что некоторые дагестанские языки являются тоновыми, об этом говорят результаты некоторых недавних исследований⁴¹. Примечательно, что существуют предположения об исконном музыкальном ударении в картвельских языках (С.М. Жгенти)⁴² и в западнокавказских языках (В.А. Дыбо).

В языках с сильным динамическим ударением (например, в некоторых лезгинских) безударные подвергаются нейтрализации или даже полному выпадению, что приводит к возникновению стечений согласных или закрытию слога. Процессы эти носят универсальный характер.

Динамическое ударение в большинстве языков не является фиксированным либо зависящим от фонематического состава слова: его место предопределяется морфологическими правилами. Исключением являются картвельские языки, где ударение автоматически.

Налицо определенная общность ф о н о с т а т и с т и ч е с к и х характеристик кавказских языков, однако не вполне ясно, ввиду отсутствия соответствующих общетипологических сведений, какие из наблюдаемых сходств имеют универсально-фонетический (антропофонический) характер, а какие связаны с собственно кавказской спецификой.

Число согласных в тексте обычно превосходит число гласных, поскольку почти во всех языках возможны закрытые слоги и внутрислоговые сочетания согласных. Однако это превышение не столь значительно, оно не сравнимо с огромным преобладанием числа согласных в инвентаре; гласные покрывают 40-45% всего текста (по данным для грузинского, убыхского, абардинского и арчинского языков)⁴³. Сходную пропорцию имеют частоты шумных и сонорных - последние покрывают 30-40% всей выборки для согласных (40,3% в грузинском, 30,9% в убыхском, 35% в абардинском, 40,6% в арчинском).

Среди шумных согласные неспецифических рядов (губные, апикальные, сибиланты и велярные) покрывают большую часть выборки, однако увулярные согласные также могут быть очень

⁴¹ Ср., в частности, исследования о просодической структуре слова в дагестанских языках Кибрика А.Е., Кодзасова С.В., Старостина С.А.

⁴² Жгенти С.М. Ритмико-мелодическая структура грузинского языка. Тбилиси, 1963. На груз. яз. Ср., однако, иную точку зрения: Чикобава А.С. К вопросу об ударении в древнегрузинском. Тбилиси, 1942.

⁴³ Здесь и ниже мы опираемся на результаты, содержащиеся в работах: Vogt H. Structure phonématique du géorgien. - NTS, Bd. XVIII. Oslo, 1958; Он же. Dictionnaire de la langue oubykh; Балкаров Б.Х. Указ. соч.; Кибрика А.Е., Кодзасов С.В., Оловяникова И.П. и др. Указ. соч.

употребительны (6,2% всех согласных - в грузинском, 8,3% - в арчинском, 20,2% (1) - в убыхском). В то же время такие "экзотические" согласные, как латералы и эмфатические ларингалы, имеют низкую частотность (латералы в арчинском - 3%, в кабардинском - 2,9%; эмфатические ларингалы в арчинском - 0,3%, в кабардинском 2%).

Низкую частотность имеют также фонемы с маркированными значениями дополнительных признаков. Так, 20 лабиализованных фонем в убыхском покрывают 13,2% выборки для шумных против 86,8% для 56 нелабиализованных членов, а 14 фарингализованных согласных покрывает 1,3% выборки всех согласных, тогда как 98,7% приходится на 68 нефарингализованных. В арчинском 28 лабиализованных фонем (из общего числа 68) покрывают 3,1% выборки для шумных, а фарингализованные слоги составляют менее 6% всех слогов.

Этой закономерности подчиняются и гласные, имеющие маркированные значения дополнительных признаков долготы и назализации. Во всех языках, где есть эти признаки, простые гласные абсолютно преобладают. Например, в арчинском долгие покрывают лишь 2% выборки для гласных.

Таким образом, простые гласные, сонорные и неспецифические шумные покрывают абсолютно большую часть текста в кавказских языках. И, наоборот, многочисленные специфические фонемы, которые столь сильно увеличивают инвентарь некоторых языков, со статистической точки зрения играют весьма скромную, периферийную роль в звуковом оформлении высказываний.

Кавказские языки обнаруживают явное сходство частотного распределения фонем с разными ларингальными признаками: здесь наблюдается несколько тенденций. Для смычных в целом характерно изменение относительной роли разных ларингальных признаков при переходе от передних звуков к задним - от губных к переднеязычным (апикальным и сибилянтным) и к заднеязычным (велярным и увулярным). Это изменение заключается в относительном уменьшении частотности смычных с немаркированным отступом (непридыхательных) при увеличении частотности смычных с маркированным отступом (придыхательных и абруптивных).

Далее, наблюдаются существенные различия в частотности между разными ларингальными классами для взрывных и аффрикат: для взрывных более характерен немаркированный отступ, т.е. непридыхательные (звонкие) звуки, тогда как для аффрикат они, напротив, нетипичны.

Эти две тенденции объясняют наблюдаемую картину распределения смычных с разными ларингальными признаками по рядам⁴⁴. Для губного ряда во всех языках характерно значительное частотное преобладание *b* при относительной редкости *p* и особенно *p'*. В апикальном ряду частотное преобладание *d* над *t* и *t'* не столь внушительно, хотя и постоянно по всем языкам. В велярном ряду наблюдаются незна-

⁴⁴ Меликишвили И. Г. К изучению иерархических отношений единиц фонологического уровня. - ВЯ, 1974, № 3.

чительные в среднем расхождении по частоте между *g*, *k* и *ķ*, и имеются языки, где *k* и *ķ* превосходят *g*.

В сибиллянтных рядах придыхательные аффрикаты почти всегда превышают непридыхательные и абруптивные по частоте, лишь в редких случаях уступая последним. В увулярном ряду абруптивный оказывается в среднем частотнее придыхательного.

Наблюдаемые пробелы в системах (см. выше) хорошо согласуются с тенденциями, описанными статистически.

Что касается фрикативных, то здесь, как и в случае аффрикат, для всех рядов характерно преобладание глухих над звонкими.

Среднеарифметические показатели для частот шумных по 17 кавказским языкам⁴⁵ представлены в следующей таблице:

Т а б л и ц а 2

b - 2,73	d - 3,95	ʒ - 0,15	ʒʰ - 0,42	g - 1,69	G - 0
p - 0,57	t - 1,85	ç - 0,72	çʰ - 0,91	k - 1,54	q - 0,57
β - 0,18	ʈ - 0,81	ç̣ - 0,56	ç̣ʰ - 0,42	ķ - 1,23	g̣ - 0,62
		z - 0,77	zʰ - 0,38		γ - 0,83
		s - 2,77	sʰ - 1,49		x - 1,93

Следует учитывать, что в отдельных языках возможны существенные отклонения от этих средних статистических закономерностей, которые могут быть обусловлены индивидуальными фонологическими и морфонологическими особенностями (в частности, употребительностью аффиксов, содержащих редкие для большинства языков фонемы).

По фонетической синтагматике кавказские языки относятся к консонантному типу: как было показано выше, согласные в речевой цепи выступают чаще, чем гласные. Это связано с двумя общекавказскими особенностями слоговой структуры. Во-первых, общим для большинства языков является запрет неприкрытого слога, т.е. невозможность гласного анлаута и зияний. (Картвельские языки снова являются исключением, ср. грузинские слова *sua* 'между', *ia* 'фиалка', *via* 'айва' и др.). Гласный анлаут преодолевается протетической гортанной смычкой, которая ввиду автоматичности обычно опускается в записи. Зияния, возникающие на стыке морфем внутри слова, преодолеваются за счет синкопы одного из гласных или вставки глай-

⁴⁵ Они заимствованы из цитированной выше работы И.Г.Меликишвили. В ней использованы данные по следующим языкам: новогрузинский лит., хевсурский диалект грузинского, древнегрузинский, ушгульский говор сванского, лентехский диалект сванского, мегрельский, чанский, андийский, абхазский, ботлихский, дидойский, лакский, кубачинский, табасаранский, бацбийский, аккинский диалект чечено-ингушского, абхазский. Во всех этих языках фонема G отсутствует.

да. Так, в гинухском языке на стыке гласных корня и суффикса происходит усечение гласного корня ('iṭ'ci - a → 'iṭ'a 'идти (инф.)') или вставка j ('eže-o → 'ežejo 'смотрит')⁴⁶.

Далее, в большинстве кавказских языков наряду с открытыми слогами возможны и закрытые. Исключением является северный диалект ахвахского языка, допускающий лишь слоги вида CV⁴⁷.

Однако сходства слоговой структуры этим и исчерпываются: возможности сочетаний согласных в начале и в конце слога весьма различны по группам и по отдельным языкам. Как представляется, тип слоговой структуры тесно связан с типом просодической организации слова: динамический акцент способствует развитию сложных консонантных комплексов, тогда как тональный акцент, по-видимому, требует простой слоговой структуры. К сожалению, недостаточный уровень знаний в области кавказской просодики делает невозможной проверку этой типологической гипотезы⁴⁸.

Наиболее бедные возможности в области начального консонантизма обнаруживает дагестанский ареал, где в большинстве случаев невозможны сочетания. Их не имеют все языки аваро-андо-цезской подгруппы, центральнодагестанские языки (лакский и даргинский) и большинство лезгинских языков. Начальные сочетания согласных в лезгинских языках (собственно лезгинский, табасаранский, хиналугский) в качестве первого элемента, как правило, имеют глухой придыхательный шумный и возникли по большей части в результате оглушения и падения безударного гласного первого слога (для этих языков характерно ярко выраженное динамическое ударение). Например, в лезгинском отмечены сочетания sp (spel 'ус'), st (st'al 'капля'), stx (stxa 'брат'), xt (xtul 'взвук'), xk (xkuñ 'догтрагиваться'), xc (xc'i 'острый'), šq (šgünt 'улитка'), ps (psis 'светильник'), pt (ptul 'правнук'), tf (tteng 'ружье'), čk (čka 'место') и т.п.

В дагестанских языках обнаруживаются строгие ограничения и на конец слога. Допустимы лишь сочетания вида "сонорный + шумный", в большинстве андийских языков слог может закрываться лишь сонорным, а в северо-ахвахском закрытые слоги вообще отсутствуют. Допустимые срединные сочетания задаются логическим перемножением возможных концов слога на возможные начала.

Нахские языки отличаются от соседних дагестанских по своим фонотактическим свойствам - в них довольно обильно

⁴⁶ Ломтадзе Э.А. Гинухский диалект дидойского языка. Тбилиси, 1963, с. 26.

⁴⁷ Магомедбекова З.М. Указ. соч., с. 23-24.

⁴⁸ Заметим, однако, что те дагестанские языки, в которых мы предполагаем наличие тональной просодии (андо-цезские, даргинский, цахурский), не допускают начальных сочетаний согласных и имеют строгие ограничения на конечнослоговые сочетания или даже обнаруживают тенденцию к открытости слога.

представлены начальные двучленные (в бацбийском также трехчленные) сочетания. Например, в чеченском имеются комплексы: st (stag 'человек', stim 'желчь'), tx (txa 'осенняя шерсть', txi 'роса'), px (pxa 'стрела', pxi 'пять'), dx (dxo 'русло'), tq (tqa 'двадцать'), qg (qog 'кожа'). Большинство конечнослоговых сочетаний в чеченском, как и в дагестанских языках, имеет структуру "сонорный + шумный": barh 'восемь', borz 'волк', mars 'серп', malx 'солнце', jalx 'шесть', xink 'икота'. Однако в конце слога возможны и сочетания шумных⁴⁹, они имеют обычно структуру "фрикативный + взрывной": doxk 'туман', exk 'гребень', tusk 'затылочная кость', host 'клеймо', gezq 'паук'.

Своеобразна фонетическая синтагматика в абхазско-адыгском ареале. Здесь повсюду представлены разнообразные консонантные комплексы, причем многие из них возможны как в начале слова, так и в середине и конце, поскольку одна и та же корневая консонантная группа оказывается в разных позициях при словоизменении. Особенно характерны для абхазско-адыгских языков комплексы с начальными губными. Так, в кабардинском отмечены сочетания: bg (bgə 'холм'), bʒ (bʒa 'дверь'), bz (bzǎ 'язык'), bz (bzə 'долото'), ps (psə 'вода'), pš (pšə 'туман'), px (pxər 'сноп'), px (pxə 'морковь'), psč (psča 'кашель'), pšt (pštər 'горячий') и др., в абазинском - bʒ (bʒa 'половина'), bw (bwa 'гнилой'), bn (bna 'лес'), ps (psə 'душа'), pḥ (pḥa 'дочь'), psr (psra 'умирать'), ptšr (ptšra 'ломать'), psth (psthə 'туман') и др.

Имеется немало и других комплексов шумных, например, в кабардинском - tx (txəl 'книга'), tx (txə 'масло'), tč (tčəj 'упругий'), šč (ščə 'теленок') и др., в абазинском - tx (txərxə 'узор'), th (thə 'ящик'), cw (cwa 'соленый'), cx (cxa 'мед') и др. Отмечены также сочетания с начальными сонорными, например, в абазинском - px (pxada 'ленивый'), pcr (pcra 'жить'), lw (lwa 'дым'), rb (rbaxra 'сушить'), rbz (rbzara 'лизать') и др. Интересно отметить нехарактерность начальных сочетаний сибиллянтов со взрывными, которые типичны для индоевропейских языков.

Исключительным богатством отличаются начальные комплексы согласных в грузинском языке: имеется более 700 начальных групп, число согласных в них достигает шести⁵⁰. Они могут состоять из одних сонорных (gva 'восемь', vneba 'вредить') и одних шумных (gza 'дорога', dyc 'день', gdeba 'бросать', tbili 'теплый', cḡali 'вода', tḡbili 'сладкий'), однако наиболее разнообразны комплексы, в состав которых входят согласные обоих классов: zpa 'брат', ḡzali 'невестка', cxra 'девять', brzola 'борьба', ḡzeli

⁴⁹ Дешериева Т.И. Сравнительно-типологическая фонетика чеченского и русского литературных языков. Грозный, 1965.

⁵⁰ Подробное описание их содержится в работе: Vogt H. Structure phonématique du géorgien.

'длинный', *srçola* 'дрожать', *krkali* 'кольцо', *prtgeli* 'плоский', *brçginva* 'светить' и т.д.⁵¹ Довольно разнообразны и конечные сочетания: *mn*, *vr*, *sç*, *zm*, *km*, *br*, *mb*, *nd*, *rb*, *mbr*, *rtl*, *rtç*, *rtkl* и др. Как и в абхазско-адыгских языках, здесь удивительно редки сочетания сибилантов с апикальными смычными.

Сочетаемость возможна в разных картвельских языках неодинакова: мегрельский и чанский, допуская начальные стечения согласных, избегают конечных, для сванского, напротив, типичны разнообразные конечные комплексы, тогда как начальные нехарактерны⁵².

Сочетания шумных согласных в разных группах кавказских языков имеют две общие особенности. Во-первых, сочетания переднеязычных с заднеязычными ("децессивные" комплексы) предпочитают сочетаниям заднеязычных с переднеязычными ("акцессивным" комплексам)⁵³. Очевидно, это антропофоническая обусловленная тенденция, не связанная лишь с Кавказом.

Универсальной является также и тенденция к "гармонии" по ларингальной артикуляции в комплексах шумных. Для фрикативных это означает гармонию по глухости-звонкости, хорошо известную и в других языках мира. Специфическая гармония в комплексах смычных связана с троичностью ларингальных противопоставлений в этом классе. В сочетании с тенденцией к децессивности она дает типичные кавказские группы вида *dç*, *tk*, *çk*; *gç*, *sk*, *çk*; *bg*, *rk*, *rkç*, *rg* и т.д.

Начальные согласные в "гармонических" комплексах такого типа оказываются в позиции нейтрализации по ларингальному признаку, что находит отражение в чередованиях ассимиляции (**bg + rg*, **bk + rk* и т.п.). Укажем на позиции нейтрализации других специфических кавказских консонантных признаков - силы и лабиализации.

Противопоставление по силе может нейтрализоваться в начале и конце слова, где представлены лишь слабые члены корреляции (арчинский - смычные, цахурский - все шумные). Оппозиция сохраняется тогда лишь в интервокальном положении, где сильные согласные геминируются. Следует отметить, что в этом случае меняется и фонетическая природа оппозиции: она приобретает количественный, а не динамический характер.

Противопоставление по лабиализации нейтрализуется в слоге, содержащем лабиализованный гласный, например, в авар.: *keç* 'губа' - *kuçbi* 'губы'; в арчин.: *çinik*, 'коча' - *çinikur* 'косы', в даргин. (с. Чираг): *g,açl* 'коро-

⁵¹ Не вполне понятна слоговая структура некоторых из этих сочетаний; видимо, сонорные в них приобретают слоговость.

⁵² Жегенти С. Сравнительная фонетика картвельских языков, I. Проблема структуры слога. Тбилиси, 1960. На груз. яз.

⁵³ Ахведиани Г.С. Введение в общую фонетику. Тбилиси, 1966. На груз. яз.

ва' - d u'le 'коровы'⁵⁴. Часто этот процесс описывается как длабиализация; в действительности, лабиализация согласного перед и фонетически сохраняется, однако теряется способность к смысловозначительному противопоставлению ввиду обязательности элемента лабиализации в этой позиции.

Из других широко распространенных фонотактических закономерностей следует отметить тенденцию к устранению сочетаний апикальных сонорных между собой и с непридыхательными апикальными. При возникновении таких комплексов на морфных стыках нередко происходят ассимиляции: l̥t̥ → ll, nd̥ → nn, n̥t̥ → nn, nl̥ → nn или → ll, ln̥ → ll, rl̥ → ll, lr̥ → ll, rn̥ → nn. Ассимиляции подвергаются также сочетания губных и губного с апикальным, если они содержат назальный элемент: bm̥ → mm, mb̥ → mm, bn̥ → mn̥ или → nn, nb̥ → mn̥, nm̥ → mm.

Примеры из арчинского языка: bəxil-t̥u-r 'скупая' → bəxillur, xavar-li 'рассказ (эрг.)' → xaballi, arxuli-ra 'легла ли' → arxulla, bišin-t̥u-r 'чужая' → bišinnur, šonli 'спина (эрг.)' → šonni, širšan-mul 'усы' → širšammul, dam-bus 'лопнуть' → dammus.

Такого рода процессы засвидетельствованы во многих дагестанских языках. Немало здесь и исторических (не обусловленных синхронными сочетаемостными законами) чередований согласных, особенно богат ими лезгинский язык⁵⁵. Напротив, чередования согласных нехарактерны для восточной и западно-кавказского ареалов, где господствует тенденция к "устойчивости" корня.

Из фонетически мотивированных процессов, связанных с гласными, наиболее широко распространены нейтрализация безударных и их выпадение. Нередко также уподобление гласных соседним согласным, особенно глайдам: aw → ow (→ o), aj → ej (→ e), wa → o, ja → je (→ e), əw → uw (→ u), əj → ij (→ i) и т.п. Эти процессы наблюдаются в разных языковых группах Кавказа и носят универсальный характер. В результате них наблюдается расширение минимальных вокалических систем абхазско-адыгского ареала за счет добавления новых i, u, e, o.

Гораздо реже встречается гармоническое уподобление гласных, оно характерно для четырехугольных вокалических систем. Наиболее последовательно эта тенденция, по-видимому, реализована в хиналугском языке⁵⁶, ср. kkiy - irdir 'брови', toz-urdur 'глиняные горшки', kind-irdir "мост", nüš-ürdür 'мотки ниток'. Менее ярко она выражена в дру-

⁵⁴ Это касается лишь w-образного огубления, при p-образной лабиализации и дентолабиализации нейтрализации перед u не происходит, ср. лакские формы с_рu 'соль', с_рu 'лошадь', табасаранские - šur 'имя', žur 'моча'.

⁵⁵ Мейладова У.А. Гюнейский диалект - основа лезгинского литературного языка. Махачкала, 1970, с. 72-89.

⁵⁶ Кибрик А.Е., Кодзасов С.В., Оловянникова И.П. Фрагменты грамматики хиналугского языка. Изд-во МГУ, 1972.

гих дагестанских языках, в некоторых из них суффиксальное *a* заменяется на *e* после корня, содержащего гласный переднего ряда, ср. лезгинские формы *lam-ra* 'осел (эрг.)', *lif-re* 'голубь (эрг.)'.

В кавказских языках широко распространено явление *a б-л а у т а*, вокалического чередования, используемого как средство словоизменения. Аблаут прослеживается в глагольных и именных формах, хотя в именах он представлен значительно реже.

Особенно распространен аблаут в глаголах абхазско-адыгских языков⁵⁷. С его помощью в глаголе выражается: 1) противопоставление по переходности-непереходности, например: *txá* 'пиши (неперех.)' - *txé* 'пиши (перех.)', *pxá* 'сей (неперех.)' - *pxé* 'сей (перех.)', *dá* 'шей (неперех.)' - *dé* 'шей (перех.)', *qo* 'иди (неперех.)' - *qu* 'иди (перех.)'; 2) противопоставление по "центростремительности-центробежности", например, *retáqo* 'он сыплет внутрь' - *retáqu* 'он высыпает', *gezá* 'он кидает внутрь' - *gezé* 'он выбрасывает'⁵⁸.

Аблаут в глагольных корнях реконструируется для общекартвельского языка-основы⁵⁹, где он выражает переходность-непереходность, например, общекартв. *qed 'ходить' - *qad 'носить', др.-груз. *v-dér-ḳ* 'я согнулся' - *v-dr-eḳ* 'я гну' (полная и нулевая ступень огласовки корня).

Из нахских языков обилием аблаутных чередований характеризуется чеченский⁶⁰. Аблаут служит для различения временных глагольных форм, например: *boxi* 'говорит' - *bexi* 'только что говорил' - *bóxxa* 'недавно говорил', и для образования императива, например: *tóxxa* 'ударил' - *túoxxa* 'ударь'. Кроме того, некоторые имена имеют корневые чередования гласных при образовании мн. числа например: 'воротник' *kaš* (ед.ч.) - *košmaš* (мн.ч.); 'кнут' *šad* (ед.ч.) - *šodmaš* (мн.ч.).

Аблаут представлен также в некоторых дагестанских языках⁶¹. Наибольшее значение он имеет в даргинском языке. При помощи аблаута образуются видовые основы глагола, например: *bares* 'сделать' - *bires* 'делает'⁶², чираг. диал. *buxle* 'он шьет' - *bagxar* 'он сшил'. В ряде имен зафик-

⁵⁷ Кумахов М.А. К проблеме аблаута в абхазско-адыгских языках. - Ежегодник иберийско-кавказского языкознания, т. I. Тбилиси, 1974, с. 80-88.

⁵⁸ Примеры взяты из: Яковлев Н., Ашхамаф Д. Грамматика адыгейского литературного языка. М.-Л., 1941, с. 321, 326.

⁵⁹ Мачавариани Г.И. К типологической характеристике общекартвельского языка-основы. - ВЯ, 1966, № 1 (Примеры взяты из этой статьи).

⁶⁰ Дешериев Ю.Д. Чеченский язык. - Языки народов СССР, т. IV. М., 1967, с. 193-194.

⁶¹ Хайдаков С.М. Системы глагола в дагестанских языках. М., "Наука", 1975, с. 47, 59.

⁶² Абдуллаев З.Г. Даргинский язык. - Языки народов СССР, т. IV. с. 509.

сирован аблаут при образовании мн. числа, например: чираг. диал. 'бок' *šile* (ед.ч.) - *šalme* (мн.ч.); 'сука' *kuš* (ед.ч.) - *kaše* (мн.ч.); 'бык' *unc* (ед.ч.) - *ance* (мн.ч.); 'кишка' *rut* (ед.ч.) - *rate* (мн.ч.).

Разнообразны типы корневого чередования гласных в аварском языке⁶³, где аблаут служит: 1) для образования формы длительного действия, например: *tirize* 'крутить' - *tereze* "крутить длительно"; *kuṭize* 'стучать' - *keṭeze* 'стучать длительно'; 2) для образования косвенной основы ед. числа существительных, например: 'бычок' *buṭa* (абс.) - *buṭi-sa* (эрг.); 'седло' *t'ili* (абс.) - *t'olo-sa* (эрг.); 3) для образования мн. числа существительных, например: 'крепость' *qala* (ед.ч.) - *qulbi* (мн.ч.).

В арчинском языке аблаут также представлен как в глаголе, так и в существительном; он используется для: 1) образования видовых форм со значением завершенности, например: *qe-s* 'мёрзнуть' - *qa* 'замерз', *qi-s* 'умирать' - *qa* 'умер'; 2) образования императива, например: *bo-s* 'говорить' - *ba* 'скажи', *ke-s* 'стать' - *ka* 'стань', *ṣu-r* 'входит' - *ṣe* 'войди', *ḫā-r* 'переворачивает' - *ḫ'e* 'переверни'; 3) косвенной основы ед. числа существительных, например: 'земля' *paḡo* (абс.) - *peḡo-i* (эрг.), 'горох' *ṣaḡ* (абс.) - *ṣeḡ-i* (эрг.), 'вошь' *paḡ* (абс.) - *peḡ-iri* (эрг.).

Аблаут отмечен в одном из цезских языков - гунзибском⁶⁴ при образовании формы мн. числа глагола, например: 'писать' *ṣaxa* (ед.ч.) - *ṣāxa* (мн.ч.), 'оставаться' *iṣoxa* (ед.ч.) - *miṣaxa* (мн.ч.), 'радоваться' *ezeriṣa* (ед.ч.) - *bezariṣa* (мн.ч.).

Встречается аблаут также в багвалинском языке при образовании косвенной основы нескольких слов, например: 'палец' *hiŋcil* (абс.) - *hiŋcal-d* (эрг.); 'нож' *besun* (абс.) - *beṣan-d* (эрг.)⁶⁵. В этой же функции зафиксированы корневые чередования гласных в лакском языке: "волк" *baṛṣ* (абс.) - *buṛṣ-il* (ген.), 'гвоздь' *pa'ṛ* (абс.) - *pa'ral* (ген.)⁶⁶.

Аблаут в кавказских языках является следом различных по хронологическому уровню процессов, однако некоторые его виды относятся к весьма древнему языковому состоянию. В современных языках аблаут, как правило, является пережиточным средством словоизменения и характеризует ограниченный набор лексем.

В заключение коснемся вопроса о сходстве фонологической структуры морф в кавказских языках. Исконная именная лексика в них в основном представлена односложными и двухсложными корнями. При этом типы корней определяются возможными в языке сло-

⁶³ Мадиева Г.И. Аварский язык. - Языки народов СССР, т. IV. М., 1967, с. 258.

⁶⁴ Бокарев Е.А. Цезские (дидойские) языки Дагестана. М., 1959, с. 48.

⁶⁵ Гудава Т.Е. Багвалинский язык. Тбилиси, 1971, с. 206.

⁶⁶ Мурмелинский Г.Б. Лакский язык. Языки народов СССР, т. IV, с. 490.

говьями структурами. Из односложных наиболее распространены корневые структуры типа CVC: чечен. *qur* 'дым'; арчин. *qov* 'нож', авар. *tor* 'колос', кабард. *žam* 'корова', сван. *žeu* 'собака'. Менее типичны именные корни вида CV (чечен. *žo* 'год', лакск. *ku* 'баран', абаз. *zə* 'вода', груз. *xe* 'дерево'), корни вида ^hCVC (чечен. *ax* 'половина', цезск. *aq* 'косточка', багв. *az* 'серебро', абаз. *az* 'желчь') и корни со стечениями согласных.

Для двухсложных корней наиболее характерна структура CVCV, например, чечен. *žuda* 'женщина', будух. *baba* 'дедушка', лакск. *waša* 'лес', цезск. *ma'li* 'нос', авар. *la-ṭu* 'зеркало', кабард. *baže* 'муха', груз. *guli* 'сердце'. Немало двухсложных корней иной структуры (CVCCV, CVCVC, CVCVCC и др.), а также трехсложных корней. В целом подавляющая масса слов относится к одно- и двухсложному типам. Например, статистика (в процентах) для существительных в цезских языках такова⁶⁷:

Т а б л и ц а 3

	односложные	двухсложные	многосложные
гинухский	20	70	10
бежитинский	25	60	15
гунзибский	18	80	2
цезский	25	60	15
хваршинский	30	60	10

Абсолютное большинство именных корней в любом кавказском языке содержит не менее двух согласных. Вместе с тем ряд лингвистов придерживается точки зрения об исконном моноконсонантизме всех кавказских именных корней. По их мнению, более сложная структура корней современных слов указывает на их историческую разложимость⁶⁸. Предполагается, что принцип моноконсонантизма распространяется также и на глагольные корни⁶⁹.

⁶⁷ Здесь использованы данные из статей о цезских языках Е.А. Бокарева (Языки народов СССР, т. IV).

⁶⁸ Чикобава А.С. Древнейшая структура именных основ в картвельских языках. Тбилиси, 1942. На груз. яз.; Рогова Г.В. К вопросу о структуре именных основ и категориях грамматических классов в адыгских (черкесских) языках. Тбилиси, 1956; Сравнительно-историческая лексика дагестанских языков. "Наука", 1971, с. 59-72.

⁶⁹ Гудава Т.Е. Сравнительный анализ глагольных основ в аварском и андийских языках. Махачкала, 1959; Сравнительно-историческая лексика дагестанских языков, с. 73-102.

Гипотеза моноконсонантизма как бы дает функциональное основание для наличия столь обширных инвентарей согласных в кавказских языках, однако, как представляется, она нуждается в тщательной проверке. Даже если исходить из максимально возможного в кавказских языках консонантного инвентаря, материальные средства оформления значений все равно были бы чрезвычайно скудны. В то же время кажется маловероятной и такая семантическая организация языка, при которой огромное количество понятий, необходимых для языкового общения, выводится из крайне ограниченного набора исходных на основе прибавления регулярных смысловых модификаторов.

Представляется также, что сравнительные словари кавказских языков в целом не дают основания для допущения искомого моноконсонантизма всех корней (особенно это относится к именным корням⁷⁰), хотя для некоторых групп корней предположение об общности их одноконсонантного "стержня" может быть оправдано⁷¹.

Аффиксы в большинстве случаев имеют элементарный фонемный состав, т.е. состоят из одного согласного или гласного, а иногда из сочетания гласного с согласным. Распространены следующие типы аффиксальных структур:

а) С, груз.: -s афф. датива; абаз.: -s афф. 1 л. ед. числа, чечен.: -ʒ афф. мн. числа; арч.: -s афф. датива, багв.: -r афф. эргатива.

б) V, груз.: -i афф. номинатива; абаз.: -u афф. 2 л. ед. числа; чечен.: -o афф. эргатива; арч.: -a афф. 'внутри'.

в) CV, груз.: -ma афф. эргатива; абаз.: -ma афф. вопросительности; чечен.: -na афф. датива; арч.: -li афф. заглазности; багв.: -ba афф. аффектива.

г) VC, груз.: -is афф. генетива, чечен.: -an афф. генетива, арч.: -er афф. 'говорят, что', багв.: -as афф. будущего категорического.

Характеризуя фонемный состав корневых морфем, следует отметить, что в нахско-дагестанских языках корневые согласные в основном являются шумными, причем в глагольных корнях наиболее частотны велярные, увулярные и сибиллянты, затем идут латеральные и ларингальные; редко встречаются в корнях апиальные шумные, а сонанты представлены в единичных случаях⁷².

Напротив, в аффриксах в качестве согласного элемента, как правило, выступают сонорные (m, n, l, r, j, w) и шум-

⁷⁰ Климов Г.А. Этимологический словарь картвельских языков, с. 38; Хайдаков С.М. Сравнительно-сопоставительный словарь дагестанских языков. М., "Наука", 1973; Сравнительно-историческая лексика...; а также Шагиров А.К. Очерки по сравнительной лексикологии адыгских языков, Нальчик, 1962; Мациев А.Г. Очерки лексикологии чеченского языка. Грозный, 1973.

⁷¹ См., например, Хайдаков С.М. Очерки по лексике лакского языка. М., Изд-во АН СССР, 1961, с. 168-180.

⁷² Сравнительно-историческая лексика..., стр. 98-99.

ные *d*, *b*, ср., например, показатели именных классов, эргатива, мн. числа существительных в большинстве нахско-дагестанских языков. Наличие в аффиксе шумных согласных иного типа указывает на его корневое происхождение. Такковы, например, показатели пространственных серий в падежных формах и соответствующие им превербы в некоторых лезгинских языках, см. табас.: *h* 'перед', 'у'; *q* 'за', 'позади', *k̄* 'под'; *k* 'на'; 'в', *γ* 'между'. Исторически эти показатели восходят к послелогам.

Таким образом, в нахско-дагестанских языках прослеживается историческое фонологическое противопоставление корневых и аффиксальных морфем: строительным материалом первых являются шумные согласные, вторых - гласные и сонанты. В современном состоянии нахско-дагестанских языков в результате длительного действия многочисленных морфологических, фонетических и лексических процессов это противопоставление ослаблено и сопровождается различными исключениями. Эти исключения объясняются следующими факторами: 1) включением служебных корневых морфем в значимую словоформу в качестве агглютинативного аффикса; 2) упрощением морфологического членения основы и перенятием ее в качестве корня (ср. теорию детерминантов⁷³ и окаменелых классовых показателей⁷⁴); 3) фонетическими процессами; 4) лексическими заимствованиями.

Удобно суммировать наше описание общностей (а тем самым - неизбежно - и различий) кавказских фонетических систем с помощью признаковой матрицы. В таблице 4 для каждого языка показано наличие (знак +)⁷⁵ или отсутствие (знак -) определенного фонетического свойства. В некоторых случаях классификационный признак имеет более двух значений, тогда используются буквенные символы (см. ниже)

При отборе признаков для таблицы учитывались лишь такие параметры, которые наиболее показательны для выявления сходств и различий кавказских систем. Поэтому в ней опущены частные особенности отдельных языков, мало существенные для характеристики кавказского фонетического типа (наличие шумных палатального, лабио-сибилянтного, нижефарингального рядов, наличие абруптивных фрикативных и т.п.).

---

⁷³ Чикобава А.Б. Указ. соч.

⁷⁴ Рогова Г.В. Структура именных основ и категория грамматических классов в адыгских (черкесских) языках. Тбилиси, 1961; Бокарев А.А. О классовых показателях в аваро-андо-цезских языках. - Язык и мышление, т.Х. М.-Л., 1940.

⁷⁵ Заключение плюса в скобки в таблице указывает на то, что данное фонетическое свойство отмечено лишь в отдельных диалектах языка.

В таблице учтены следующие признаки:

- 1) наличие взрывных губного, апикального и велярного рядов (p, t, k)⁷⁶;
- 2) наличие аффрикат свистящего, шипящего и увулярного рядов (с, џ, q);
- 3) наличие фрикативных свистящего, шипящего и увулярного рядов (s, ѝ, x);
- 4) наличие губных фрикативных (f);
- 5) наличие апикальных фрикативных (θ);
- 6) наличие велярных аффрикат (kx⁷⁷);
- 7) наличие велярных фрикативных (x⁷⁷);
- 8) наличие свистяще-шипящих (č, š,);
- 9) наличие шумных латералов (l^f);
- 10) наличие простых ларингалов ((h);
- 11) наличие эмфатических ларингалов (h);
- 12) наличие абруптивных смычных (t, c);
- 13) наличие абруптивного губного (p);
- 14) наличие противопоставления "глухой-звонкий" или "придыхательный-непридыхательный" (t-d, s-z);
- 15) наличие звонких сибилянтных аффрикат (3, ѝ)
- 16) наличие звонкой увулярной аффрикаты (G);
- 17) наличие сильных смычных (t̄);
- 18) наличие сильных фрикативных (s̄);
- 19) наличие лабиализованных согласных (C₀);
- 20) наличие палатализованных согласных (C₁);
- 21) наличие m; n, r (m, n, r);
- 22) наличие сонорного латерала (l);
- 23) наличие полугласных (w, j);
- 24) система гласных: треугольная (T) - четырехугольная (H) - линейная (L) (гласн.);
- 25) наличие долгих гласных (V̄);
- 26) наличие назализованных гласных (Ṽ);
- 27) наличие фарингализации или эмфатической палатализации (фаринг.);
- 28) просодия слова: чисто динамическая (D) - с участием тонального компонента (T) (просодия)⁷⁷;
- 29) автоматичность ударения (авт.удар.);
- 30) наличие начальных консонантных комплексов (CC -);
- 31) наличие неприкрытых слогов (неприкр.);
- 32) финаль слога: слог открыт (V) - слог может быть закрыт лишь сонорным (R) - слог может быть закрыт сочетанием сонорного с шумным (RT) - слог может быть закрыт разными сочетаниями (CC) (финаль);
- 33) наличие аблаутных чередований (аблаут).

Таблица 4 наглядно показывает существенное сходство ядерной части консонантных систем кавказских языков: значительное число признаков, которые характеризуют это ядро, - 1-3, 10, 12, 14, 16, 21-23 - имеют одинаковые значения во всех или в большинстве языков. Напротив, дополнительные признаки согласных, а также признаки, характеризую-

⁷⁶ Здесь и ниже в скобках указаны сокращенные обозначения признаков, используемые в таблице.

⁷⁷ Эта строка заполнена условно и неполностью.

шие вокализм и слогостроение, выявляют межгрупповые и внутригрупповые различия.

Кратко затронем вопрос о том, какова природа наблюдаемых сходств - обусловлены они универсально-фонетическими, генетическими или ареальными причинами⁷⁸.

Совершенно очевидно, что некоторые сходные черты являются универсальными - они выступают не только в кавказских, но и в большинстве других языков мира. Сюда относится, в частности, наличие взрывных губного, апикального и велярного рядов, простых ларингалов, назальных сонорных, плавных и полугласных. Достаточно широкое распространение за пределами Кавказа имеют также смычные и фрикативные любого из трех следующих рядов: свистящего, шипящего и увулярного. Однако большой редкостью является одновременное наличие и смычных, и фрикативных членов всех трех указанных рядов. Высокая степень использования основных возможностей, предоставляемых универсальным фонетическим инвентарем в сфере признаков места и способа образования согласных, является характерной общекавказской чертой.

Более специфичны такие ряды шумных, как латеральный, свистяще-шипящий, эмфатический ларингальный - они встречаются в относительно небольшом числе языков мира. Однако и на Кавказе согласные этих рядов имеют не повсеместное распространение. Сходная ситуация имеет место с такими дополнительными признаками, как сила, лабиализация, фарингализация: они редки типологически и наличны не во всех кавказских системах. Мы предполагаем также типологические причины отсутствия фрикативных во взрывных рядах, что характерно для многих языков Кавказа (см. выше).

Если противопоставление шумных по придыхательности-непридыхательности (глухости-звонкости) широко распространено в языках мира, то наличие абруптивных - яркая общекавказская черта. Кроме Кавказа, абруптивные обильно представлены лишь в индейских языках⁷⁹, в Старом Свете они крайне редки. Отсутствие смычных с тем или иным ларингальным признаком в определенных рядах (p, G), как указывалось выше, объясняется антропофоническими тенденциями.

Какой же характер носят выявленные специфические кавказские общности - ареальный или генетический? Как известно, до сих пор отсутствуют строгие доказательства единого происхождения разных групп кавказских языков⁸⁰. Наблюдаемые фонетические общности вряд ли могут здесь служить решающим аргументом: нельзя исключить их возникно-

⁷⁸ Ср.: Климов Г.А. Вопросы методики сравнительно-генетических исследований. Л., "Наука", 1971, с. 7.

⁷⁹ Ср.: Milewski T.M. Comparaison des systèmes phonologiques des langues caucasiennes et américaines. - *Lingua Posnaniensis*. V, 1955, с. 136-165.

⁸⁰ Климов Г.А. Кавказские языки. М., "Наука", 1965, с. 65-81.

вения под влиянием субстрата или в результате длительных контактов. Показателен в этом отношении пример осетинского языка, который приобрел типичные кавказские особенности (увулярные, абруптивные, сильные смычные), генетически не имея к кавказским языкам никакого отношения.

Вместе с тем характер расхождений между разными кавказскими группами таков, что он хорошо совместим с гипотезой об их едином происхождении. Консонантизм картвельских языков отличается отсутствием как раз тех свойств, которые универсально редки, а, следовательно, являются наименее устойчивыми⁸¹. Их исчезновение, несомненно, могло быть обусловлено интенсивными контактами с некавказскими, в частности, индоевропейскими языками⁸².

Что касается вокалических систем, то большое число локальных рядов согласных при наличии консонантных тембровых корреляций также создает их неустойчивость: сильные контекстные пертурбации гласных открывают большие возможности фонематической переинтерпретации. Поэтому различия вокалических систем не являются показательными при рассмотрении гипотезы генетического родства. Сходные соображения могут быть высказаны и по поводу расхождений в слоговой структуре.

Лишь строгое исследование межгрупповых фонетических соответствий, опирающееся на представительные этимологические словари для каждой группы, может раскрыть историческую природу наблюдаемых в автохтонных языках Кавказа фонетических общностей.

⁸¹ Как показал Т.Е.Гудава, упрощение сложного консонантизма аваро-андо-цезского языка-основы привело к возникновению систем, типологически близких к современным системам картвельских и нахских языков. *Гудава Т.Е.* Из истории корреляции "сильный-слабый" в аварско-андийско-дидойских языках. - Ежегодник иберийско-кавказского языкознания, т. I. Тбилиси, 1974.

⁸² *Мачавариани Г.И.* К типологической характеристике общекартвельского языка-основы, стр. 9.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В четырех разделах настоящей работы была рассмотрена значительная совокупность общекавказских структурных параллелизмов на лексическом, синтаксическом, морфологическом и фонетическом уровнях. Даже если дальнейшее исследование обнаружит неприемлемость какой-то части принятых здесь сближений, то и в этом случае, по-видимому, останется достаточно широкий по своему объему материал, наличие которого требует конкретного истолкования (в настоящее время не представляется возможным определить количественное соотношение выявленных общностей с суммой характеризующих абхазско-адыгские, картвельские и нахско-дагестанские языки структурных расхождений). Конечно, нетрудно заметить, что в некоторых случаях та или иная группа кавказских языков, — чаще всего, по-видимому, картвельская, — участвует в постулированных общих изоглоссах с некоторой долей условности. Однако, с другой стороны, авторы монографии далеки от мысли, что в исследовании, впервые систематизирующем соответствующий материал, им удалось исчерпать всю совокупность так или иначе сопоставимых языковых фактов.

Если отвлечься от той части общекавказских аналогий, которая имеет экстралингвистическую или вероятную универсальную обусловленность, то при интерпретации остальных общностей необходимо считаться с возможностью всех трех основных способов лингвистического объяснения — типологического, генетического и ареального.

Принимая во внимание ориентированность настоящей работы на обобщение существующих между кавказскими языками структурных параллелизмов синхронного плана, при их причинном истолковании было бы естественным обратиться, прежде всего, к фактору типологического порядка (конечно, не исключена возможность, что прогресс изучения генетических взаимоотношений рассматриваемых языков внесет в этом отношении существенные коррективы). Действительно, современное состояние кавказоведения позволяет со значительной степенью вероятности утверждать обусловленность большинства перечисленных в монографии параллелизмов кавказских языков действием типологического стимула. Хотя последнее обстоятельство касается в первую очередь затронутых здесь лексических явлений, которые получают свою как формально-типологическую, так и в еще большей мере контенсивно-типологическую мотивацию, не исключено, что

оно может быть распространено в дальнейшем и на некоторые общекавказские изоглоссы фонологического характера.

Как установлено в специальной литературе, севернокавказские группы рассматриваемых языков - абхазско-адыгская и нахско-дагестанская - являются представителями эргативного строя. Существующие между ними различия в этом отношении в целом весьма незначительны: если абхазско-адыгские языки, судя по всему, очень близки по своим структурным характеристикам к эталону эргативности, то нахские и дагестанские обнаруживают и отдельные включения элементов номинативной типологии (как известно, признаки последней наиболее отчетливым образом заявляют о себе в таком дагестанском языке, как удинский¹). Что же касается картвельских языков, то они отстоят от обеих севернокавказских групп на несколько большее типологическое расстояние: как уже неоднократно отмечалось в картвельстике, эти языки обнаруживают очевидные признаки переходного состояния от эргативного (или, возможно, активного) к номинативному. Именно отдельные характеристики эргативного, номинативного и, отчасти, активного строя дают себя знать в целом ряде общекавказских лексических, синтаксических и морфологических аналогий. Этому и не приходится удивляться, если принять во внимание, что все три названных языковых типа оказываются по своим структурным параметрам смежными не только синхронно, но и с диахронической точки зрения: естественно, что при неравномерности развития конкретных языков элементы каждого из них могут в одной и той же языковой системе пересекаться с элементами какого-либо другого (столь же закономерно и то обстоятельство, что контенсивно-типологическую мотивацию получают и некоторые структурные расхождения, существующие между картвельскими языками, с одной стороны, и абхазско-адыгскими и нахско-дагестанскими языками, с другой).

Так, если на лексическом уровне дихотомия транзитивных и интранзитивных глаголов является, как это обычно принято думать, общей чертой эргативных и номинативных языков, то в какой-то степени пересекающееся с ней противопоставление динамических и статических глаголов, также засвидетельствованное в кавказской языковой области, ближайшим образом напоминает оппозицию активных и стативных глаголов в представителях активной типологии. Специфический разряд так называемых аффективных глагольных лексем (в составе *verba affectuum*, *verba sentiendi* и нек. др.), встречающихся в различных эргативных и номинативных языках лишь на правах пережиточного явления, находит свою синхронную мотивацию в структуре активного строя (ср. характерную для эталона последнего группу гла-

¹ Ср., например: Мещанинов И.И. Новое учение о языке. Стадиальная типология. Л., 1936, с. 183-184; Он же. Общее языкознание. К проблеме стадиальности в развитии слова и предложения. Л., 1940, с. 249-251.

голов произвольного действия и состояния). Вместе с тем такая частная характеристика кавказских языков, как наличие дублетных прилагательных семантики 'тонкий' и 'толстый', соотносимых с именами референтов плоской и округлой формы, по-видимому, может рассматриваться в качестве отдаленной реминисценции некогда существовавшего классного распределения субстантивов, как оно бывает представлено в языках классной типологии (например, в африканских языках банту) и где, в частности, проводится различие именных классов плоских и округлых предметов.

Вполне удовлетворительное контенсивно-типологическое истолкование получают в настоящее время и многие синтаксические аналогии абхазско-адыгских, картвельских и нахско-дагестанских языков. Как принято считать, функционирование в представителях эргативного строя эргативной и абсолютной конструкций предложения обусловливается наличием в них двух классов глагольных лексем - транзитивных и интранзитивных. Аналогичной синтаксической проекцией соответствующего класса глаголов является и аффективная модель предложения (эти факты служат проявлением здесь отчетливой синтаксической доминанции глагольной лексики в предложении). Общекавказский порядок слов в предложении, отображаемый схемой: подлежащее - косвенное дополнение - прямое дополнение - сказуемое, по существу совпадает с характерными для представителей эргативной типологии линейными отношениями; аналогичный словопорядок обычно отмечается и в активных языках, а также встречается в некоторых номинативных. При этом, как и в других эргативных языках, здесь очевидна особенно тесная синтаксическая связь прямого дополнения с транзитивным глаголом-сказуемым.

На уровне морфологии контенсивно-типологическое истолкование получает обычное противопоставление в рассматриваемой языковой области эргативного и абсолютного ("именительного") падежей в парадигме именного склонения. Менее отчетливым образом представлена здесь другая - функционально аналогичная названной - черта эргативности: противопоставление двух различных серий личных глагольных показателей - эргативной и абсолютной. Уместно заметить, что о наличии обоих явлений в картвельских языках приходится говорить лишь с определенными оговорками, так как функционирование здесь соответствующих падежей и серий личных показателей во многом напоминает механизм подобных оппозиций в представителях активной типологии (к тому же оно в значительной мере относится уже к диахронии).

Следует учесть и то обстоятельство, особенно чувствительное в морфологии, что целый ряд структурных сходств, засвидетельствованных между различными группами кавказских языков, вытекает из закономерностей их формально-типологической характеристики. При этом прежде всего необходимо отметить принадлежность абхазско-адыгских, картвельских, нахских и дагестанских языков к классу агглютинативных, которая уже сама по себе обуславливает некоторые из разделяемых ими черт. Принципом агглютинации

здесь объясняется слабое материальное варьирование грамматических морфем, сравнительная четкость морфемных швов, обычная несовместимость в единой морфеме различных грамматических значений и ряд других фактов. Не исключено, что в этой сфере находит свою мотивацию и широкое распространение в кавказской языковой области таких способов синтаксической связи слов в предложении, как управление и примыкание (при большой редкости подлинного согласования).

Вместе с тем наблюдается и некоторое число таких морфологических общностей кавказских языков, типологическое истолкование которых сопряжено с определенными трудностями. Так, в частности, остается неясным, какому обстоятельству следует приписать историческое функционирование аблаута в глагольной системе этих языков (хотя и существуют известные основания догадываться, что аблаут знаменует собой особую — весьма раннюю — ступень в становлении глагольной морфологии). Различие двух видов приглагольного отрицания, используемое при формах изъявительного и повелительного наклонений, составляет явление, которое встречается в языках различного типа. Трудно увидеть типологическую соотнесенность потенциального наклонения в словоизменении кавказского глагола. То же самое следует, по-видимому, сказать о факте наличия во всех группах рассматриваемых языков примененных частиц соединительной семантики и некоторых иных постулированных общностей.

Не исключена возможность генетического объяснения целого ряда из приведенных в монографии общекавказских изоглосс, как исконного наследия некоторой в конечном счете единой языковой традиции прошлого. Как известно, еще более столетия назад была впервые сформулирована гипотеза о генетическом родстве между всеми группами автохтонных кавказских языков. Однако и в настоящее время кавказоведы смотрят на этот вопрос по-разному. Так, если одно направление исследований считает, что тезис о генетическом родстве между ними в принципе уже обоснован, то другое, напротив, считает, что он по сей день остается недоказанным. Такое положение обусловлено в первую очередь тем обстоятельством, что закономерные фонологические корреспонденции в материале абхазско-адыгских, картвельских и нахско-дагестанских языков остаются невыясненными.

Нельзя не видеть, что за рассмотренными в предшествующем изложении разноуровневыми структурными аналогиями кавказских языков очень часто стоит едва ли сопоставимый материал. Ср., в частности, отмечавшееся в соответствующих контекстах разнообразие масдарной и каузативной деривации, различие материала супплетивных в отношении категории числа глаголов, несовпадение материального облика рассмотренных в первой главе основ указательных местоимений, ряда экспонентов морфологических категорий глагола (лица, числа) и имени (падежа, числа, а также послеложных образований).

Конечно, вполне допустимо, что серьезные материальные расхождения сопоставляемых в работе явлений обусловлены далеко зашедшим процессом дивергенции первоначально тождественной субстанции, действие которого иногда дает о себе знать даже внутри отдельных групп кавказских языков. Тем не менее такие расхождения, бросающиеся в глаза и в области лексического фонда рассматриваемых языков, не позволяют увидеть сколько-нибудь регулярные межгрупповые фонетические корреспонденции, постуляция которых необходима для признания генетической обусловленности обсуждаемых фактов. Естественно, что не выявляются эти корреспонденции и на материале кавказской дескриптивной лексики, характеризующейся, как авторы работы пытались показать, некоторыми общими принципами звукоподражания и звуковой символики (здесь проступает отчетливая тенденция к использованию идентичного материала). Нелишне заметить, что определенная однотипность этих принципов прослеживается и далеко за пределами кавказской языковой области. Ср., например, индоевропейские формы *baba* 'отец, дитя', *papa*//*pepa* 'мать, няня', *tata* 'отец, тетя', *pa(p)a* 'отец, еда', *ombh/pup(u)* 'пуп', *lak* 'лакать, лизать', *pu* 'дуть', *kos*//*kas* 'кашлять' и др., или такие характерные для аборигенных американских языков основы, как *baba* 'дед, внук', *papa*//*mata* 'мать, вождь племени', *tata* 'отец', *para* 'картофель', *poro/polo* 'перо', *puru*//*(p)uru* 'пуп', *nene* 'язык', *lak*//*lask* 'лизать, лакать', *kas*//*kah* 'кашлять', *pu* 'дуть', *per*//*ber* 'летать' и т.д.

В то же время сам характер соотношения между фонологическими системами абхазско-адыгских, картвельских и нахско-дагестанских языков таков (наиболее бедный консонантизм картвельских языков отличается отсутствием универсально редких и наименее устойчивых фонетических черт), что он вполне совместим с гипотезой об их генетическом единстве. Следует учитывать и то обстоятельство, что довольно скромный по объему морфологический инвентарь, обычно реконструируемый во внутргрупповых сравнительно-исторических исследованиях соответствующих праязыковых состояний, ограничивает перспективы генетического истолкования засвидетельствованных морфологических общностей кавказских языков.

Естественно предположить, что больше сопоставимого в этом плане материала способны дать исследования, посвященные изучению тенденций структурного преобразования в отдельных из рассматриваемых языковых групп. Однако ввиду заметного отставания диахронических штудий в области обеих севернокавказских языковых группировок пока можно упомянуть очень немного заслуживающих серьезного внимания попыток межгруппового (к тому же обычно - небезкавказского) сравнения. Среди последних небезынтересно отметить наблюдение, согласно которому абхазско-адыгские и картвельские языки могут быть объединены принципом именного словообразования посредством префикса *m(V)-*, находящего, как будто, дальнейшую аналогию и в некото-

рых фактах нахских и дагестанских языков², а также догадку В.Т. Топуриа о том, что в ряде грузинских глаголов (например, аҭсхьенс 'он стыдит его', гҭҭауа 'он орошает то' и др.) в окаменелом виде присутствует исторический префикс г-, функционально близкий каузативному г- абхазско-адыгских языков³. Однако в целом поставленную перед кавказоведением задачу разобраться в количественной и качественной стороне фактов материальной близости кавказских языков невозможно считать решенной⁴.

Наконец, в самом неопределенном свете рисуется в настоящее время возможный ареальный аспект объяснения приведенных в монографии общекавказских параллелизмов. Несмотря на уже давно высказывавшуюся в литературе точку зрения, согласно которой кавказские языки могут представлять собой объединение типа языкового союза⁵, ареальные исследования по сей день оказываются наиболее отстающим участком кавказоведения. Вследствие этого о роли фактора межъязыковых контактов в функционировании рассмотренных выше структурных аналогий говорить чрезвычайно трудно.

Конечно, невозможно отрицать прецеденты интенсивных контактов между отдельными кавказскими языками, принадлежащими к разным группам (одним из их наиболее ярких примеров может послужить интенсивная мегрельско-абхазская интерференция на рубеже картвельской и абхазско-адыгской языковых областей в пределах Абхазии; в средние века должно было иметь место тесное грузинско-удинское взаимодействие в пределах исторической кавказской Албании). Однако в целом их межгрупповые контакты представляются сравнительно слабыми.

Не может быть особых сомнений в том, что тем более незначительным - в силу конкретных общественно-исторических условий жизни носителей кавказских языков - должен был быть удельный вес их ареального контактирования в отдаленном прошлом (значительно более интенсивными на протяжении столетий были, по всей вероятности, контакты автотонных языков Закавказья с языками древних переднеазиатских цивилизаций). В этом отношении весьма красно-

² Ср.: Марр Н.Я. К вопросу о положении абхазского языка среди яфетических. - МЯЯ, V. СПб., 1912, с. 31; Яковлев Н.Ф. Грамматика литературного кабардино-черкесского языка. М.-Л., 1941, с. 273.

³ Топуриа В.Т. Из словообразования картвельских языков. II. К аффиксам -ed, -ur, -г. - Изв. ИЯИМК, т. V-VI. Тбилиси, 1940, с. 539-540. На груз. яз.

⁴ Ср.: Дондуа К.Д. Морфологическое выражение активного (эргативного) строя в адыгейской и картвельской группах кавказских языков. - Изв. АН СССР, ОЛЯ, 1948 г. VII, вып. 3, с. 219-220.

⁵ Ср., например, Dirr A. Einführung in das Studium der kaukasischen Sprachen. Leipzig, 1928, с. 1; Karst J. Grundzüge der vergleichenden Grammatik der iberokaukasischen Sprachen. Leipzig - Strassburg - Zürich, 1934.

речивым представляется факт непопулярности в современном кавказоведении сформулированной Н.Я. Марром еще в начале текущего столетия гипотезы о смешанном картвельско-абхазско-адыгском характере сванского языка (напротив, в последнее время его показаниям в сравнительно-исторической грамматике картвельских языков отводится все более весомая роль⁶). Имеются поэтому все основания сомневаться в том, что наблюдаемые общекавказские параллелизмы обусловлены какими-либо процессами ареального плана: многовековым взаимодействием автохтонных кавказских языков, действием единого для них исторического субстрата и т.п. Даже если в дальнейшем удастся обосновать мимоходом высказанное Г.В. Церетели предположение о возможности так называемых аллогенетических отношений между картвельскими и абхазско-адыгскими языками⁷, то подобное объяснение уже никак не может быть выдвинуто при истолкованиях соответствующих аналогий, зафиксированных между картвельскими и нахско-дагестанскими языками.

Действительно, как свидетельствует рассмотренный в настоящей монографии материал, в подавляющем большинстве случаев становление общекавказских структурных параллелизмов невозможно объяснить лингвистическими контактами. Так, в одних случаях констатируемые сходства отражают слишком существенные черты языковой системы, чтобы их возникновение можно было приписать ареальному фактору (ср., в частности, оппозицию транзитивных и интранзитивных глаголов, с одной стороны, и динамических и статических, с другой, класс глагольных лексем, организующих аффективную конструкцию предложения, корреляцию эргативной и абсолютной моделей предложения с обслуживающими их морфологическими средствами и т.п.). В других случаях речь идет об общностях в морфологической структуре слова, которые, как известно, вообще крайне редко бывают предметом диффузного распространения (ср., например, наличие префиксальных позиций и систем облаутных чередований в глаголе). Не приходится думать о каких-либо ареальных стимулах и при объяснении общего для кавказских языков процесса исторического перерастания аспектуальных оппозиций в темпоральные в морфологической структуре глагола. Не в пользу контактной обусловленности рассмотренных в работе морфологических схождений абхазско-адыгских, картвельских, нахских и дагестанских языков говорит и факт обычной материальной несопоставимости экспонентов соответствующих категорий. Нелишним будет заметить, нако-

⁶ Ср., например, *Гамкрелидзе Т.В.* Деаффрикатизация в сванском. "Правила переписывания" в диахронической фонологии. Тбилиси, 1968. На груз. яз.

⁷ *Церетели Г.В.* О языковом родстве и языковых союзах. - ВЯ, 1968, № 3, с. 17; *Климов Г.А.* Структурно-типологические параллелизмы картвельских и абхазско-адыгских языков. - Фонетика, фонология, грамматика (к семидесятилетию А.А. Реформатского). М., 1971.

нец, что вообще, когда в кавказоведении речь шла о том или ином морфологическом заимствовании, в виду обычно имелось усвоение тех или иных формальных показателей, а не самой морфологической категории.

В принципе неисключенной, однако в высшей степени маловероятной, представляется контактная природа некоторых фонологических общностей абхазско-адыгских, картвельских и нахско-дагестанских языков, о чем как будто может косвенно свидетельствовать возникновение глоттализированных и аспирированных рядов смычных и аффрикат в таких индоевропейских языках Кавказа, как армянский и осетинский, а также в закатальско-кахских говорах азербайджанского языка (необходимо отметить, что вообще все типично "кавказские" характеристики территориально смежных представителей иных языковых семей обязаны ареальному фактору, выражавшемуся в интенсивном воздействии на них локальных кавказских субстратов⁸). Следует к тому же добавить, что целый ряд структурных общностей кавказских языков представляет собой скорее реликты некоторого отживающего состояния, чем явления, распространяющиеся в процессе языковой диффузии (ср. супплетивизм глаголов в отношении категории числа, класс аффективных глагольных лексем и обуславливаемая ими особая синтаксическая модель предложения, аблаутные чередования гласных и т.д.).

Наконец, часть рассмотренных общекавказских параллелизмов, по-видимому, всецело относящихся к лексическому уровню (обозначения специфических реалий кавказского быта, лексемы звукоименного и звукоподражательного характера), получает уже экстралингвистическую мотивацию. Должно быть естественным поэтому, что аналогичные факты встречаются и в некоторых других областях лингвистической карты мира, никак не связанных с Кавказом.

Универсально обусловленные характеристики кавказских языков не служат в этой работе объектом специального внимания. Они и не могли быть включены в нее сколько-нибудь заметном объеме в связи с самой целеустановкой настоящего исследования на преимущественный охват явлений, обуславливающих кавказскую языковую область от смежных с ней ареалов распространения индоевропейских, тюркских, семитских и других языков. Нет никаких сомнений в том, что дальнейшие типологические, генетические и ареальные исследования кавказских языков смогут пролить дополнительный свет на вопрос о происхождении объединяющих их структурных параллелизмов.

⁸ Ср.: Deeters G. Armenisch und Südkaukasisch. Ein Beitrag zur Frage der Sprachmischung. - *Caucasica*. 3 (Leipzig, 1926) und 4 (Leipzig, 1927); *Абаев В.И.* Типология армянского и осетинского языка и кавказский субстрат. - В кн.: *Sprache und Gesellschaft*. Gertrud Pätsch in honorem. Jena, 1970; *Асланов А.М.* Азгилли-джимджимахский говор азербайджанского языка и его взаимоотношения с цахурским языком. - В кн.: *Вопросы тюркских языков и взаимоотношения их с другими языками*. Баку, 1972.

SUMMARY

The present book deals with a considerable number of common Caucasian structural parallels found in lexics, syntax, morphology and phonetics.

Apart from the common Caucasian analogies determined either extralinguistically or perhaps universally, it will be necessary during the interpretation of the remaining common features to take into account all the three main methods of linguistic explanation, i.e. typological, genetic and areal ones.

In the face of fact that the present book has the goal of generalizing the synchronic structural parallels existing in Caucasian languages, and while at the same time aiming at causal interpretation, it would be natural to turn first of all to the typological factor. Indeed, the modern state of Caucasian linguistics enables one to say that majority of the listed parallels are due to the typological stimulus. Although the latter fact refers first of all to the herein-treated lexical phenomena which are given both formal-typological, and even to a greater extent, content-oriented typological motivation, it is not impossible that it can be spread later on to some of the Caucasian phonological isoglosses.

Northern Caucasian languages are representatives of the ergative type. The distinctions in this respect existing among them are on the whole fairly insignificant: whereas Abkhaz-Adyghian languages are, according to their structural features, very close to the ergative standard, Nakhian and Daghestanian include certain elements of nominative typology. Karvelian languages differ typologically to some extent from both Northern Caucasian groups: these languages have evident features of a transition state from ergative (or active) to the nominative. It is a certain number of characteristic features of the ergative, nominative and, to some extent, active type, that are found to be the common Caucasian lexical, syntactic and morphological analogies.

Thus, in lexics the dichotomy of transitive and intransitive verbs is generally thought of as a feature shared by ergative and nominative languages. On the other hand, the opposition of dynamic and static verbs, also registered in Caucasian languages, closely reminds us of the opposition of active and stative verbs in active languages. The occurrence of a special group of the so-called "affective" verbs in various ergative and nominative languages as rudimentary phenomenon, can be given a synchronic motivation in the active type languages. Such special feature of Caucasian languages as the existence of two parallel adjectives both for 'thin' and 'thick' referring to the objects of flat and round shape, can be considered as a remote reminiscence of once used class distribution of substantives.

Many syntactic analogies of Caucasian languages are also given a satisfactory content-oriented typological interpretation. It is generally believed that the existence of ergative and absolute sentence constructions in the representatives of the ergative type is due to the distinction of two classes of verbs, namely transitive and intransitive ones. The affective sentence construction also represents a syntactic "projection" of its corresponding class of verbs. The typical scheme of Caucasian word order (Subject - Indirect Object - Direct Object - Predicate) essentially coincides with the linear relations characteristic of the ergative languages. In Caucasian languages as well as in other ergative languages, an especially close syntactic interrelationship between the object and the transitive verb is also evident.

In morphology, a typical opposition of the ergative and absolutive cases in the nominal paradigm is also given a content-oriented typological interpretation. Another feature of the ergative type namely the opposition of the ergative and absolutive series of personal verbal affixes is represented in Caucasian languages in a less pronounced manner. One may assert the presence of both phenomena in Kartvelian languages only with certain reservations since the usage of the cases and personal affix series in them reminds us in many respects of the mechanism of the similar oppositions in the active type languages.

A number of structural similarities registered especially in morphology of Caucasian languages bear a formal-typological character. All these languages belong to the agglutinative class which in itself determines some features shared by these languages. The principle of agglutination can account for the insignificance of the formal variation of the grammatical morphemes, for the comparative distinctness of morpheme boundaries, usual impossibility of several grammatical meanings within one morpheme and also for some other facts. The fact that such kinds of syntactic bonds of the words as government and parataxis are widespread can also be given a similar interpretation.

There is a number of morphological similarities in Caucasian languages which are difficult to explain typologically. Thus, it is still not clear what factor is responsible for the once used ablaut in the verb system. The distinction between the two classes of verb negation used respectively with the forms of indicative and imperative moods is a phenomenon which occurs in languages of different types. It is difficult to find the typological motivation of the potentialis in the conjugation of the Caucasian verb. The same can be said about some other discussed features.

It is not improbable that quite a number of the Caucasian isoglosses can be accounted for genetically as

the original legacy of a common ancestor. More than a hundred years ago a hypothesis claiming the genetic relationship of all the Caucasian languages was formulated. However, presently linguists treat this problem in different ways. Thus, whereas the representatives of one trend believe the thesis of the genetic relationship of these languages to be generally well-grounded, representatives of the other consider it so far not proved. This situation is due first of all to the fact that regular phonological correspondences between languages still remain unrevealed.

Evidently, the above-considered Caucasian structural analogies of any level are very often based on formally inconsistent data. Cf. the diversity of masdar and causative derivation, the lexical variety of verbs with suppletive number forms, the lack of convergence in the form of the stems of the demonstrative pronouns, and also of a number of morphological categories of the verb (person, number) and noun (case, number and postpositions).

It is quite possible that the important material divergencies of the phenomena are due to the developed differentiation of an initially the same substance, the results of which are sometimes perceptible even within one group of the Caucasian languages. Nevertheless, such divergencies which are also very striking in the domain of lexical units, make it impossible to state regular phonetical correspondencies necessary for genetic interpretation of the facts discussed. Naturally, neither can one reveal those correspondences in Caucasian ideophonic lexics which is characterized by some common principles of onomatopoeia and sound symbolism. The nature of the relations between the phonological systems of Caucasian languages (the consonant system of the Kartvelian languages which is the simplest one is characterized by the absence of the universally rare and the least stable phonetic features) is in good agreement with the hypothesis of their genetic relationship. It is also necessary to take into consideration the fact that the morphological inventory reconstructible in the course of comparative studies within separate groups of Caucasian languages is rather modest in volume and thus the possibilities of genetic interpretation of the stated morphological similarities from this point of view are seriously limited.

It will be natural to assume that the works concerning the tendencies of structural transformation within each of the considered groups may present more consistent data in that respect. However, since diachronic studies of both Northern Caucasian groups are not developed enough one can only mention few attempts of intergroup comparison that are worth serious attention.

Finally, a probable areal interpretation of the common Caucasian parallels given in the monograph seems presently very vague. Although an opinion was expressed in literature long ago that Caucasian languages

may represent a group of language-union sort, areal investigations so far remain the most backward aspect of Caucasian linguistics. That is why, it is extremely difficult to assess the role of the factor of language contacts in the structural analogies discussed above.

It is certainly impossible to deny cases of intensive contacts among some Caucasian languages belonging to different groups. However, on the whole, their intergroup contacts seem to be comparatively weak. It seems that the share of the areal contacts of Caucasian languages in the remote past was even more insignificant due to the concrete social and historical life conditions of the speakers of Caucasian languages. The unpopularity in modern Caucasian linguistics of Marr's hypothesis about the mixed nature of Svan which he put forward in the beginning of the century, is natural in this respect. Therefore, it is very doubtful that the observed common Caucasian parallels are due to any sort of areal interaction, either to ancient interaction of the autochthonal Caucasian languages or to the affect of the common substratum or any others.

Indeed, in the vast majority of cases the origin of common Caucasian structural parallels cannot be interpreted by linguistic contacts. Thus, in some cases the registered similarities reflect features of the language system which are too significant for the areal factor to account for their origin. In other cases, it is the matter of the common traits in the morphological word structure which are known to be very seldom subjected to the diffuse dissemination. It is hardly possible to account for the process common of all the Caucasian languages consisting in the historic development of aspect opposition in the morphological structure of the verb into a temporal one by any sort of areal stimuli. The usual formal consistency of the affixes of the corresponding categories does not testify in favor of the contact nature of the morphological similarities of Caucasian languages.

The contact nature of several phonological similarities of Caucasian languages, though theoretically not impossible, seems in fact most unlikely. It is necessary to add that quite a number of structural Caucasian isoglosses are rather relics of an obsolescent state than phenomena spreading in the course of diffusion. Finally, a part of Caucasian parallels of clearly lexical nature (designations of specific realia of Caucasian everyday life, lexemes of symbolic and onomatopoeic nature) is given an extralinguistic interpretation.

The further investigations in Caucasian languages will bring more light to the origin of structural parallels uniting them.

СОКРАЩЕНИЯ НАЗВАНИЙ ЯЗЫКОВ И ДИАЛЕКТОВ

абаз.	- абазинский	лезгин.	- лезгинский
абхаз.	- абхазский	мегрел.	- мегрельский
авар.	- аварский	нах.	- нахский
агул.	- агульский	нем.	- немецкий
адыгейск.	- адыгейский	осет.	- осетинский
англ.	- английский	пшав.	- пшавский (диал.)
арчин.	- арчинский	рутул.	- рутульский
ахвах.	- ахвахский	сванск.	- сванский
бацб.	- бацбийский	табас.	- табасаранский
багв.	- багвалинский	тушин.	- тушинский (диал.)
бажитин.	- бажитинский	убыхск.	- убыхский
ботлих.	- ботлихский	удин.	- удинский
будух.	- будухский	хинал.	- хиналугский
груз.	- грузинский	фин.	- финский
гунзиб.	- гунзибский	цахур.	- цахурский
даргин.	- даргинский	цезск.	- цезский
др.-груз.	- древнегрузинский	чамал.	- чамалинский
ингуш.	- ингушский	чан.	- чанский
кабард.	- кабардинский	чечен.	- чеченский
карат.	- каратинский	чираг.	- чирагский (диал.)
крызск.	- крызский		
лакск.	- лакский		

СОКРАЩЕНИЯ БИБЛИОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ

ВЯ	- Вопросы языкознания
Изв. АН СССР,	- Известия Отделения лите-
ОЛЯ	ратуры и языка АН СССР
ИКЯ	- Иберийско-кавказское язы-
	кознание
ЭКПЯРТ	- Эргативная конструкция пред-
	ложения в языках различных
	типов
BSLP	- Bulletin de la Société de
	linguistique de Paris
IJAL	- International Journal of
	American Linguistics
Изв. ИЯИМК	- Известия Института языка,
	истории и материальной
	культуры им.акад. М.Я.Мар-
	ра

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие.	3
Г л а в а I. ЛЕКСИЧЕСКИЕ ОБЩНОСТИ.	7
Г л а в а II. СИНТАКСИЧЕСКИЕ ОБЩНОСТИ.	36
Г л а в а III. МОРФОЛОГИЧЕСКИЕ ОБЩНОСТИ.	63
Г л а в а IV. ФОНЕТИЧЕСКИЕ ОБЩНОСТИ.	86
Заключение.	119
Summary.	127
Сокращения названий языков.	131
Сокращения библиографических названий.	131

СТРУКТУРНЫЕ ОБЩНОСТИ КАВКАЗСКИХ ЯЗЫКОВ

Утверждено к печати Институтом языкознания АН СССР

Редактор издательства *А.И. Кучинская*. Художественный редактор *Т.П. Поленова*
Технический редактор *Л.А. Куликова*

ИБ № 5116

Подписано к печати 30.05.78. Усл.печ.л. 8,3. Уч.-изд.л. 9,0. Формат 60 x 90 1/16.
Бумага офс. № 1. Тираж 1250 экз. Тип. зак. 128. Цена 1р.20к.

Книга издана офсетным способом

Издательство "Наука", 117485, Москва, В-485, Профсоюзная ул., 94^Б.
Ордена Трудового Красного Знамени 1-я типография издательства "Наука".
199034, Ленинград, В-34, 9-я линия, 12